

Анна
Морецкая

Ата

о первом всаднике
Время проснуться дракону

18+

Анна Морецкая

**Сага о Первом всаднике. Время
проснуться дракону. Книга 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Морецкая А.

Сага о Первом всаднике. Время проснуться дракону. Книга 2 /
А. Морецкая — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11615-3

Этот Мир на первый взгляд светел и прекрасен, но если взглядеться в него, то, как в болоте, под легкой проточной водой проглядывает мрачная трясина. Тут и извращенные верования Храма Светлого, и старые конфликты первородных рас с людьми, и Древнее Зло, которое уже поднимает голову. Но есть пророчество, которое гласит, что когда вновь воспрянет Зло, проснется и дракон, якобы, не погибший десятки тысяч лет назад, как все его сородичи, а спящий в горах и ожидающий предписанной ему Судьбы. Только есть условие, что всадник, который полетит на том драконе к Победе, должен происходить из Рода Темного. В оформлении книги использованы рисунки автора.

ISBN 978-5-532-11615-3

© Морецкая А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

КНИГА 2

Настанет день... В Мир вернуться смерть, ужас и грязь... тогда Судьба соединит Детей Темного... трижды... одним... Он станет Тем, Кто Следует Вперед. Она его Парой... проснется Дракон... и возродится Надежда. За Первым всадником последуют Восемь... кровь Восьми одна на тысячу тысяч. И только Пара каждого, данная Судьбой, укрепит тело и исцелит Душу... они оплот Первого... он их... единение... и возрадуется Мир узрев спасение!

Древнее пророчество неизвестного Оракула
записано на каменной скрижали, частично утрачено,
хранится в Обители Светлого, что в Валапийской
долине

ГЛАВА 10

А на следующее утро после турнира король Эльмерский и его свита, королевская невеста и половина Ламарского двора, подались на выезд.

Впрочем, легко сказать: «Подались на выезд», но вот сделать это было куда как сложнее! Как говаривала однажды Демии Мустела: «– Чей не простенькую свадебку в глухой деревне играть собрались, а обвенчать короля с принцессою!»

Вот и Вик, немного пообтесавшись при Ламарском дворе, как ни странно, это теперь хорошо понимал, и участвовать в затеянном хозяевами всенародном представлении не отказывался. И ехал сегодня на предписанном ему месте, и махал рукой приветствовавшим его горожанам.

Там, впереди, как он знал, двигалась целая праздничная процессия.

Сначала шли девушки и дети, разнаряженные в цвета Эльмерии и Ламариса, и раскидывали по сторонам лепестки поздних роз, сладости и мелкие монетки. За ними шествовали актеры-мимы, корчившие смешные рожи и передразнившие глазевший на них народ. Потом следовали акробаты на ходулях, жонглеры, наездники эквилибристы и девушки танцовщицы. Все это перемежалось группами музыкантов и певцов.

Хотя, как подозревал Вик, среди обширной развеселой компании наибольшим вниманием у публики все-таки пользовались именно танцующие девицы, у женской половины толпы вызывая глухое раздражение, а у мужской – вдохновение. От вида их, то и дело оголяющихся ног, от гибких движений молодых тел, мужички млели, не замечая злобных взглядов своих половинок.

Вик и сам нет-нет, да и заглядывался на вихляющиеся зады и мелькающие в ворохе юбок голые колени. Он-то ехал прямо за ними и столь привлекательное зрелище в такой близости, не могло остаться без его внимания.

В какой-то миг Вика настигла мысль, что сегодня он как-то по-особенному резво реагирует на этих девиц, в общем-то, не вытворяющих ничего настолько уж вульгарного. Вороты их расшитых в народной манере кофт довольно высоки и никаких зазывных выпуклостей оттуда не вываливается. Руки и животы девушек надежно прикрыты, и в их внешнем виде, если честно, совершенно ничего не напоминает доступных дам из одноименных домов. А то, что попы их ходуном ходят, и коленки иной раз сверкают, так они танцуют все-таки, живенько и ритмично. И чего его так разобрало?! Прямо до жара в паху, до ломоты в пояснице – как службу молоденького в храме строгим настоятелем запертого!

Он оглянулся на Ли, который вместе с Льянкой, как и положено принцевым пажам, ехали сзади в шаге от него. Нет, тот смотрел не на девчонок трясущих юбками, а на заполонивший улицу народ, и в кои веки улыбался. А если бы он заметил, что те вытворяют что-нибудь особо непотребное, уже бы давно стусеивался и заалел, как маков цвет. Значит, это только его вдруг так проняли, в принципе немудреные танцы.

Вик взял себя в руки и перестал обращать на танцовщиц внимание, отдавая теперь его волнующейся по сторонам толпе. Люди ж как-никак вышли их приветствовать и провожать, а он сейчас народный герой – победитель вчерашнего турнира. И он стал ловить восторженные взгляды, обращенные на него и махать в ответ рукой, отвечая на приветствия. А томительный жар, поселившийся в его теле, приписал солнцу, которое прогревало его доспехи – чей времечко уже к полудню.

Вот и Нижние ворота показались впереди, и даже Лэта, бликующая на солнце, стала видна в широко распахнутые створы. Ну, и слава Светлому! А то уже второй час как они степенным шагом выбирают из города. Сейчас выйдут за ворота, там, на набережной, король с королевой простятся с дочерью, может еще, кто речь какую толкнет – и все!

Но, опять же, это думалось только, что все. А так, еще долго прощались, через мост перебирались и только часу во втором по полудню, привычным эльмерца походным кортежем, наконец-таки тронулись в путь.

А сам кортеж увеличился, чуть ли не вдвое. Хотя правящая чета, отговорившись слабым здоровьем королевы, до Валапийского храма не поехала, но несколько десятков знатных ламарских семей все-таки на венчание отправились. И все ж, конечно, с собственными охранниками и прислугой.

Ну, да ему-то что? Вик при первой возможности скинул доспех, облачился в более подходящие для путешествия одежды и, пристроившись со своей обычной компанией позади короля и Светлейшего, двинулся в путь.

Как ни странно, даже когда он снял с себя железо и стеганую поддевку, жар, терзавший его нутро, так и не спал. А вождение, так неожиданно настигшее его при виде танцовщиц, в их отсутствии просто повлекло его внимание к другим женщинам.

Вот две дамы, пожелавшие скакать верхом и ехавшие на небольшом от него отдалении, привлекли своим низким декольте и трясущимися в них в такт ходу лошади нежными холмиками. Вот служаночка, что на привале напитки подавала – наклонилась к кому-то, а Виков взгляд, так и прилип к тому ее месту, где легкая юбка натянулась, явно обозначив круглые налитые ягодицы.

И вот уж совсем несусветное дело – он даже на принцессу Демию стал заглядываться. Оценил и женственную фигурку ее – в нужных местах гибкую, а в положенных – мягкую. И светлые волосы с зазывно выбившимися из прически прядками. И милое тонкое личико с легким румянцем. А еще помимо воли мысль крамольная в голову пролезла:

« – А на ощупь кожа ее столь же нежна, как на вид? – и тут же, обрывая ее, подкатила другая: – Что с тобой, придурок?! Ты еще вчера эту ведьму на дух не переносил!»

Эти метания час за часом стали изматывать Вика, портя настроение. Слава Светлому, что хоть Льянка, постоянно находящаяся рядом, у него своим видом никаких скабрзных мыслей не вызывала – этого он уже не пережил бы!

К вечеру четвертого дня, когда свадебный кортеж добрался до подготовленной ночной стоянки, Вик был совершенно измотан – и мыслями пошлыми, и желаниями похотливыми, и жаром, горевшим беспрестанно в его теле.

Место, где была раскинута ночевка, находилось между небольшим городком и рекой, вдоль которой они так и ехали от самого Акселла. Впереди, не далее как в пол версте, стоял мост через Лэту, который они должны будут пересечь с утра и начать въезд в Валапийскую долину.

Короля с невестой, Светлейшего и кого-то там еще разместили в городке, но, понятное дело, на всю остальную огромную толпу приличных домов в городе не хватило и большинство народа теперь расположилось на лоне природы в шатрах.

Собственно, Вик даже был рад такому стечению обстоятельств. В городах, где они до этого останавливались в особняках местной знати, всегда рядом поселялись какие-то дамы, а при них еще и служанки молоденькие. А ему в таком состоянии, в котором он находился последние дни, такое соседство было противопоказано.

Он теперь при вынужденном общении с дамами и девицами видел только сильно отогнувшиеся кружева на вороте, открывающие лишний кусочек манящей мягкости. Колечко волос, прилипшее к вспотевшей на жаре шейке. Ножку, открывшуюся чуть более положенного, при посадке на лошадь. И везде примечал обтянутые юбками зады, зады... зады...

Что те представительницы женского пола говорили, он теперь вообще уразуметь не мог. Он слушал их голоса, а его ополоумевший от похоти разум прикидывал, как конкретно эта «птичка» будет «петь» под ним – с хрипцой вскрикивать, или звонко голосить, а может и вообще пошлые словечки выдавать.

Так что, воспользовавшись предложенной обстоятельствами возможностью, Вик велел раскинуть свой шатер подальше от остальных, а сам направился к реке – охолонуться.

Кое-как спустившись с косогора, он спешно разделся до подштанников и, не глядя какой там заход, с разбега плюхнулся в воду.

« – Благодарь! – тело медленно остывало, а расплавившиеся было мозги, как мороженое, поставленное на лед, стали обретать форму. – Что же со мной все-таки происходит?» – задумался Вик «посветлевшей» головой. До этого-то времени он, как и положено парню, а потом и молодому мужчине, вполне даже уважал любовные утехы, но настолько озабоченным никогда ж не был! Как, например, тот же Корр.

Вик плавал и просто лежал на воде, сидел на отмели, погрузившись по шею, и боялся вылезать из реки. Тем временем солнце совсем зашло и, предвзясь легкой дымкой, ночная темнота постепенно овладела Миром.

Сколько бы он просидел в воде, если б его не трогали – неизвестно, следом за темнотой на берег пришел и Тай.

– Вик, что ты делаешь?! – спросил он: – Уже осень наступила и ночи стали холодными, да и Лэта горными речками питается и никогда не прогревается полностью!

Вот ведь... почему-то ровный тон голоса Тая и его разумные доводы в этот раз не успокоили Вика и не вразумили, а... взбесили:

– Что ты приперся?! Ты мой охранник, а не назойливая нянька! – в ответ прорвалось все раздражение, сдерживаемое им столько дней.

Тай как-то странно на него посмотрел, и более ничего не говоря, как был в сапогах и одежде, полез к нему в реку. А добравшись, схватил не спрашивая, перекинул через плечо и, как ребенка капризного брыкающегося, понес в шатер.

А там скинув его прямо на ковер, коим устлали пол в палатке, стал звать Лянюку. Та прибежала, запыхавшаяся и покрасневшая, а за ней подтянулись и Корр с эльфенком. И вот они все собрались вокруг него, склонились, заговорили разом. А Вика было не до них. Он сдерживался из последних сил, чтоб не наорать на друзей, привязавшихся к нему, и желал только вернуться в реку. Жар с новой силой разгорался внутри, вызывая у него одновременно и злость на обстоятельства, и тоскливую обреченность.

Меж тем Лёна сотворила яркий огонек и принялась осматривать его. Оттянула вниз одно веко, потом другое, заставила открыть рот и заглянула туда, ладошкой пощупала лоб.

Как отметил про себя Вик, она также вроде его не волновала. Наверное, это из-за ее мальчишеского скромного костюма, да и грудь свою она утягивала... как он откуда-то знал. Но раньше эта информация промелькнула с краешку и рассосалась за ненужностью, а теперь вот всплыла...

« – И сейчас не надо про груди Лёнкины думать, а то как и на нее реагировать начнешь – тогда совсем пиши пропало!»

А она тем временем, закончив осмотр, сказала:

– Вик, у тебя сильный жар и его причину я найти не могу. Надо господина Роя звать и знахарей.

А его аж подкинула от этих ее слов:

« – Сама, шмакодявка, разобраться не может и сейчас еще толпу народа назовет!» – досада и злость не удержались в нем и выплеснулись наружу:

– Не смей никого звать! Сама лечи, если сможешь, а нет, так и оставь меня в покое! И вы тоже все – пошли вон отсюда!

А «все» переглянулись и с места не тронулись, лишь Тай сказал девушке тихо:

– Если считаешь, что большой опасности нет, лечи пока сама.

Та кивнула и полезла в свой дорожный мешок, а нарыв там все, что посчитала нужным, стало это «нужное» толочь, мешать и кипятить. И потом сим варевом поить принца.

От Льянкиного зелья мысли в полный порядок не пришли, но стали мягкими и текучими, обходя все, что становилось у них на пути – и злость, и раздражение, и неудовлетворенную похоть. Но внутренний жар схлынул и с наступившей легкостью в голове и в теле Вик провалился в сон.

А утром проснулся крепеньким и свеженьким, как огурчик – жара не было, голова светлая, а донесшийся издалека женский смех его не взволновал. Только-то и всех бед, что вспомнил, как на друзей вчера орал. Так что новый день Вик начал с извинений.

Но, к сожалению, где-то ближе к сумеркам жар начал опять потихоньку пробираться в его нутро и к ночи охватил целиком, как и прежде.

Так и поехали дальше: с утра Вик вставал выспавшимся и довольным, извинялся, как водится, перед друзьями, потом потихоньку, в течение дня, опять впадал в жаркое состояние и к ночи оказывался в какой-нибудь речушке в ближайшем ущелье, где его и вылавливал Тай. И не слушая оскорблений нес к Лёнке лечиться, после чего он спокойно и расслабленно засыпал.

Только заметил Вик, что с каждым днем приступы жара и припадки неконтролируемой похоти стали нападать на него все раньше и раньше. И еще он стал осознавать, естественно в те моменты, когда мог мыслить здраво, что окружающие его дамы и девицы волнуют его гораздо меньше, а вся сила неуправляемого желания устремляется теперь, только к одной... к невесте брата! И это было ужасно!

Мало того, что в моменты утреннего просветления он прекрасно помнил, что она ему совсем недавно совершенно не нравилась, так еще его стали терзать угрызения совести. А как же иначе? Эта женщина, что влекла его к себе все сильнее, невеста брата и не далее, чем через три... два... один день станет его женой. Да к тому же и их королевой!

И вот, настал тот самый день. Лагерь, в преддверии него, раскинули не более чем в полчаса езды от храмовой долины, с тем расчетом, что бы на следующий день выдвинуться за пару часов до полудня к Обители уже на само венчание.

Следуя четкому распорядку, свадебный королевский кортеж вытягивался по дороге.

Придворные двух дворов, потихоньку переругиваясь и рядясь меж собой, кто знатнее, кто богаче, занимали свои места в колонне. Их яркие обвешанные драгоценностями и лентами пышные одеяния смотрелись сегодня, по меньшей мере, нелепо. Если где-нибудь в бальном зале дворца, украшенном золоченой лепниной, или посреди галереи выложенной мрамором, или хотя бы в ухоженном парке, рядом со шпалерой увитой розами, народ в подобной одежде смотрелся бы и органично, то здесь, на фоне уступчатых каменных склонов и растрепанных ветром кряжистых сосен эти наряды выглядели откровенно по-дурацки.

Скорее всего, кто-то из них и сознавал это, не только же напыщенные кретины составляли сие яркое сборище, но и вполне вменяемые люди находились в знатной толпе. Но тор-

жественность, а главное, значимость предстоящего мероприятия предполагали исключительно такую одежду, совершенно неуместную и к тому же страшно неудобную в походных условиях.

Да, грядущее событие было, несомненно, самым значимым в текущей истории двух королевств. Ведь только «третье поколение» правителей брало в жены принцессу другого государства. И до Рича подобным образом в Эльмерской Семье женился еще его прадед.

А заключались династические браки только в храме Валапийской долины, признанном главной Обителью Светлого на землях всех семи человеческих королевств. Здесь же велись записи о тех браках и здесь же харомовники подбирали из Семей подходящие пары, строго следя за тем, что бы близость родства была не менее шести поколений.

Сама же церемония венчания, помимо обязательного проведения ее в Валапийском храме, подразумевала тройное благословение Светлого. Молодожены должны были пройти к алтарю по разделительной полосе, что, кстати, само по себе было исключительным событием, и получить Дар благодати от Старшей сестры Обители, Старшего Брата и Служителя Светлого с высоким саном из Семьи жениха.

Источником возникновения всех этих традиций послужило древнее пророчество, которое всплыло в истории задолго до появления в Мире самих детей Темного, и хранилось именно в этом храме еще с тех незапамятных зим, когда в нем служили Многоликому.

Почему его хранили и оберегали уже тогда, когда и людей, похоже, не было, а Мир населяли расы эльфов, гномов и оборотней? Да потому что именно в те времена была еще сильна память о битвах со Злом, и было понимание о возможности его возвращения в Мир, и страх безмерный перед этим ужасом. А пророчество то говорило о своевременном появлении Заступника всенародного и возрождении драконов! Вот и хранили его трепетно расы Мира того. А уж когда появились те самые предсказанные дети Темного, то и следовать ему стали непререкаемо. Вот и сегодня король Ричард, согласно всем традициям и предписаниям, должен был взять в жены принцессу Ламарскую и, приведя ее к алтарю Светлого, получить тройное благословение.

Сам король и его нареченная, конечно же, возглавляли кортеж. Они ехали рядом окруженные Восемью стражами, опять же положенных им по традиции, и личной доверенной охраной.

Вик, как ближайший родственник будущей молодой четы, и самый знатный из всех придворных, находился сразу за ними. Его привычная свита следовала рядом.

Но сегодня, несмотря на ранний час, его начинал уже одолевать ненавистный жар. И пропорционально разгорающемуся внутреннему огню раздражение на друзей стало опять овладевать принцем. Оборотни мешали ему постоянным присутствием рядом, своими поучениями и подсказками – это делай так, а тут ступай вот так! Почему раньше он не обращал на это внимания? Почему терпел подобное отношение к себе?! Он что маленький мальчик? Нет! Он давно взрослый мужчина! И не пора ли их спровадить от себя? Вырастили его – и спасибо, а теперь – до свиданья!

А эльфята вообще выбешивали своей безалаберностью и легкомыслием. Он, принц, взял этих бродяжек безродных к себе, сделал пажами, а они живут уж сколько времени рядом и ничему не учатся! Ни в доспех одеть, ни на стол правильно накрыть, а то и вообще утреплют куда-нибудь и ищи-свищи их! А прямые обязанности, кто будет исполнять? Набегался Вик в Ламарисе за ними, чтоб на дудке да на гитаре дамам поиграли, науготоваривался! И этих гнать от себя нужно!

Вот в таком настроении Вик и ехал по дороге к храму.

Но когда сворачивали с Валапийского тракта в долину, двое из Восьми, что следовали прямо перед ним, расступились, открыв его взгляду чудную картину, до этого времени скрываемую их широкими спинами. Картина та была столь хороша и приятна его глазам, что Вик в

момент забыл и про оборотней, и про эльфят, и даже раздражение на весь белый свет покинуло его незамедлительно.

Впереди, на высокой черной кобыле ехала принцесса Ламарская. Она в традициях династических свадеб была одета не в пышные юбки с фижмами, а в строгий и одновременно изящно-изысканный наряд, какой носили когда-то во времена Странниц. Без большого обилия накладных деталей – оборок, бантов и воланов, с текучим гладким подолом, украшенный лишь драгоценным золотым шитьем по красному шелку, он, казалось, обволакивал изумительные формы девушки.

Взгляду Вика, в те моменты, когда ветерок относил в сторону белую вуаль и золотистые пряди, открывалась прямая спина, тонкая талия и обтянутые блестящей тканью бедра. При этом почему-то принцесса сидела в седле по-мужски и ее ноги, соответственно, были раскинуты по разные стороны лошади, что придавало талии еще большую тонкость, а ягодицам объемность.

В глазах Вика от этого зрелища стало мутиться, а кровь принялась биться в виски. Еще никогда на него так сильно не действовал вид женщины сидящей на лошади по-мужски! Он прямо физически ощущал ее широко разведенные ноги, как если бы она восседала не на спине коня, а на нем – Вике.

А потом... принцесса обернулась и взглянула ему в глаза, будто и не было вокруг других людей – брата, оборотней, эльфят, десятков стражников, а ехали они вдвоем по дороге, и она чуть обогнала его, а обернувшись, знала наверняка, что ничей больше взгляд и не встретит.

« – О Светлый, хватит пялиться на нее! Она почувствовала твой навязчивый взор!» – стал укорять себя Вик.

Но принцесса, вдруг медленно отводя глаза от него, улыбнулась и потянулась всем телом вперед, как будто пытаясь дотянуться до морды лошади. При этом она почти улеглась на шею животного, отчего ее собственная спина прогнулась, а складки непышной юбки, натянулись, обозначив атласным блеском все, что еще не успел представить себе Вик в своем горячем состоянии.

Если несколько минут назад у него мутилось в глазах, а кровь билась в висках, то после такого явного приглашения все окружающее вообще померкло, а кровь устремилась к и без того напряженному паху, попутно отдаваясь внизу живота и спине. А неуправляемое воображение уже рисовала картину одну вдохновенней другой.

Он представил, как подъедет к ней, одним движением перемахнет на ее лошадь, задерет юбки на голову, подхватит ладонью под мягкий живот и приподнимет, а потом...

Что бы сделал Вик в следующее мгновение, если б успел дорисовать в своем воспаленном воображении эту картину? Неизвестно, слава Светлому! Потому что голова его уже совершенно не соображала, подчиненная взбудораженным зельем телом. Но в самый тот момент, когда картина в его мозгу собиралась из возбуждающей преобразиться в непристойную, кортеж вдруг остановился и со всех сторон стали раздаваться крики:

– Эльфы! Там эльфы! Светлые эльфы! Это их король!

Народ заволновался, а придворные маги выдвинулись вперед, прикрывая пологом королевскую пару и знатных господ.

Вик, конечно, не сразу осознал создавшуюся обстановку, уж больно сильно затянуло его в собственное воображение, но когда крики стали мешать его фантазиям до него все-таки дошло, что лошадь под ним стоит, а вокруг что-то происходит. Он посмотрел в ту сторону, в которую указывали все – слева от картежа, там, где лес густыми кустами сползал в долину, на высоте двух-трех деревьев из склона выдавался скальный уступ, а на нем четко вырисовывались стройные грозные фигуры в длинных развивающихся одеждах.

В общем-то, такие уступы из более плотной породы, не поддавшейся корням деревьев, ветру и дождю, торчали отовсюду, по всей округности склонов, замыкающих в себе долину.

Даже сам храм был когда-то выточен из такого каменного наплыва, только очень большого и удачно расположенного. И теперь, на одном из них, небольшом и невысоко расположенном, куда указывали все руки, стояли пятеро эльфов. Их долгополые одеяния на ветерке путались в шиколотках уверенно расставленных ног, а взгляды были холодны и высокомерны.

А впереди действительно стоял их король, потому что никем иным этот монументальный эльф в знаменитой короне на голове, быть не мог. Корона та искрилась и переливалась на солнце тысячами алмазов и не узнать ее, описанную во многих исторических трудах, было невозможно.

Король стоял, возвышаясь над разряженной людской толпой, ощерившимися оружием воинами и боевыми заклятьями магами, замершими посреди раскинутых шатров слугами, и ничего не говорил, и даже не нападал, а просто смотрел свысока, как его не совсем далекие предки, наверное, смотрели на людей-рабов когда-то.

Это высокомерное величие что-то задело в Вике и сдвинуло мысли о страсти в сторону, преобразив их... в бешенство и гнев. Почему так получилось? Кто ж это знает. Но вдруг, откуда не возьмись, всплыли воспоминания о болезни отца, о смерти матери, разговоры с Владиусом... и то, что магия, убившая их, замешана на чем-то эльфийском. В мозгах пропитанных зельем и измученных многодневным жаром все перемешалось и перепуталось. А мысль, возникшая из хаоса, погребла под себя все остальные:

« – Эти высокомерные твари убили отца и мать! А теперь пришли за Ричем и... за ней! О Светлый, они хотят убить и ее! Её – чудо чудесное, красавицу неопишущую, принцессу Демию сладкую! Уничтожить тварей белокрысых, всех до единого!!!» – и не успела эта мысль отзвучать в его голове, как Вик выхватил меч, пришпорил коня и прямо по балконам-стоянкам, сшибая на своем пути раскинутые шатры, утварь и людей, понесся в сторону эльфов.

Когда он вломился в подлесок, невидимые уже ему эльфы степенно развернулись и скрылись с уступа в листве.

За полосой кустарника, которую его крупный конь прошел не приостанавливаясь, он вылетел на поляну где, видимо, слуги приготовили себе постой, снес мимоходом и там пару палаток, разметал сложенное кострище и понесся дальше.

Но после поляны, которую он одолел одним махом, склон довольно круто пошел вверх и как бы ни силен был конь под Виком, но подобная дорога давалась ему с трудом. Здрав теперь не скакал, а мелко переставлял передние ноги, рывками продвигаясь и подтягивая свое тяжелое тело и всадника на нем. При каждом таком усилии он низко кивал головой, этим как бы помогая ногам перетягивать весь остальной немалый вес, а Вик нахлестывал его, заставляя спешить вверх по склону и не замечая натужных движений животного.

А когда заметил, то грубо выругавшись, спрыгнул с него, пихнул в бок ни в чем ни повинную скотину и, более не обращая на коня внимания, стал карабкаться дальше своими ногами.

Он смотрел только вперед и пер вверх, не разбирая дороги. В ушах и груди у него стучала кровь, зрение сузилось до одной точки строго по курсу, ноги оскальзывались и подворачивались, а рука, свободная от меча, вслепую нашаривала торчащие из земли камни и низкие ветки кустов. Так он и продвигался, ловя жадным взглядом впереди себя высоко вверху редкое мелькание одежд удаляющихся эльфов.

Через какое-то время его нагнал тигр, а в небе над самыми кронами закружил с громким карканьем ворон.

« – Приперлись! Как всегда!» – злость клокотала в нем, когда он отпихивал со своего пути пытавшегося загородить ему дорогу тигра. И даже не обратил внимания, когда от его грубых тычков Зверь, взяв верх над человеком, огрызнулся и до крови ободрал ему руку клыками.

Он уже весь взмок, а дыхание его стало перебиваться, когда неожиданно, проломившись через какие-то заросли, вывалился на большое открытое пространство. И вот там в самом верху поляны опять увидел эльфов, всех пятерых, спокойно стоящих и ждущих его.

Король поднял руку ладонью к нему, призывая толи остановиться, толи молчать, а, скорее всего, требуя и того и другого. Но за время погони злость на светлых только разрослась, не позволив Вику мыслить трезво и в этот момент. И он, как был – в придворных одеждах, даже без кольчуги под ними, попер с диким криком и поднятым мечом на противника.

Далеко он не ушел, хорошо, если два шага сделал, а те эльфы, что стояли по сторонам от короля, молниеносно, как умеют только первые Дети Многоликого, вскинули большие луки и выпустили стрелы по нему.

Расстояние было небольшим и, почти сразу как Вик уловил их движение, одна из стрел вонзилась ему в правое бедро. Она попала в кость, а сила удара подвернула ногу. Но, не успев упасть, Вик ощутил второе попадание, уже в левый бок. Эта стрела прошла его насквозь почти до самого оперения и, падая, он почувствовал боль, когда наконечник уперся в землю, и он проехался пропоротыми внутренностями по всей длине древка. А кровь неудержимым потоком уже хлестала из него.

Вместе с кровью из него изливался и яд зелья, что напитал ее, и он, слабея, одновременно начал и трезветь:

« – Что я творю?!» – пришла пораженная мысль. А в это время над ним уже склонялся Тай, потихоньку причитая и пытаясь остановить кровотечение.

А когда Вик уже из последних сил держал глаза открытыми, стараясь не даваться в водоворот головокружения, затягивавшего в себя, он увидел подошедших к ним эльфов.

– Только благодаря татуировке Дома Эльмерского на челе этого молодого человека мы не убили его, а только ранили. Но глупых наглых мальчиков надо учить уму разуму, – без жалости и сострадания, а с обычной для светлых прохладной отстраненностью изрек король. И исчез из все более сужающегося поля зрения Вика.

Когда он пришел в себя в следующий раз над ним склонялись уже четыре головы – Тая, Ворона и эльфят. Старшие мужчины имели крайне озабоченные лица, младший – напуганное, а Лёнка зареванное. А потом они сдвинулись в сторону, и над ним нависло новое лицо... потрясающе чудесное.

В чем чудесность его была? Вик не знал, к тому же и разглядел он плохо расположенное против света личико, только-то и заметил большие, кажется, темные глаза и горящие в солнечном свете рыжие растрепанные пряди волос. Но вот понимание о чудесности его пришло само и мысль, одновременно с этим, странная посетила:

« – Родная моя!» – а потом Тай стал поднимать его на руки и от боли, впившейся в тело, все снова померкло в глазах Вика.

Ли упирался ногами в скользкий от осыпающейся каменной крошки склон и, пятясь, почти садясь на камни, натягивал повод придурочной Красотки. Они не поднялись и на сотню локтей над долиной, а он уже полностью взмок, сбил дыхание и извелся раздражением и злостью.

Нет, конечно, он понимал, что с Виком происходит что-то не то. Но ведь надо с этим «не то» что-то делать! А они все, выловив его из очередной речушки, укладывали принца спать и начинали думать: « – Звать или не звать господина Роя, а может завтра Вику станет лучше и им за такое самоуправство влетит, а сможет ли Лёна сама его вылечить или нет, и есть ли у нее какие предложения по этому поводу». И так каждый день!

Уже на второй день Викových странностей сам Ли был за то, чтоб срочно звать Светлейшего – и дело с концом! Он все же старший брат, маг и служитель Храма. Как брат бы – он все решил, как маг – полечил, а как святой человек – заклинанию бы молитвой помог! Но кто ж его слушал?! А через пару дней они и эту возможность профукали – старший принц оставил

тихоходный кортеж плестись своим чередом, а сам ускакал в Обитель, готовиться к венчанию. Да-а...

Но после подобных возмущенных мыслей Ли посетила другая – покаянная, и принялась стыдить, потому что по всем показателям выходило, что вся злость на сложившиеся обстоятельства происходит от его, Ли, неудовлетворенности.

Там, в парке Ламарского дворца, когда Лёна сама решила с ним, он был несказанно счастлив! Да, сильно ошарашен и даже какое-то время не верил в это самое счастье, но день ото дня его уверенность и в своих мужских силах, и влечении к нему девушки, постепенно росла.

Его Лёна не была стеснительной жеманной дурочкой, и воспитанная в вольных нравах Леса, однажды решившись, легко отдалась на волю их обоюдных чувств. Да и взросление в доме знахарок прибавило ей знаний о мужских и женских телах, отвадив от ложной стыдливости. А вот он учился, познавая собственными опытом, руками и губами, и себя и ее.

Учеба же его проходила, понятное дело, с увлеченностью и вдохновенно, и к моменту их отъезда из Ламариса он уже вполне познал Льянкино гибкое сладкое тело. Понимал теперь, где надо коснуться, чтоб верхушечки ее острых грудок затвердели, тычась ему в ладонь, чтобы от лодыжек до самой шейки пробежала дрожь, ноги ее слабели ему на радость, а вздох становился бархатно-гортанным.

Много нового нашлось и в его, казалось бы, полностью знакомом родном теле. Обнаружилось, например, что, то место, в которое Лёнка поцеловала в первый раз – на шее под ухом, у него очень чувствительное, а перебирание шаловливыми пальчиками волос чуть пониже пупка, вызывает стойкие мурашки. И вообще, мужскому естеству гораздо приятнее находиться в ее руках, чем когда-то в его. А он-то и не догадывался, полагая, что главная задача этого процесса в облегчении...

Только вот все эти моменты познания друг друга так не разу и не привели к логическому сладостному завершению – все было не место да не время. И вот, когда, наконец-то, они в первый раз раскинули палатку на природе, и он уже стал оглядывать окрестности в поиске укромных местечек, случился первый Виков срыв. Не успели они с Лёной забраться в дальние кусты, как послышался надрывный и тревожный клич Тая, призывающего девушку к себе.

А потом так и ехали до самого храма – сколько ни пытались они к ночи уединиться и только успевали дать волю рукам, как по непроглядываемым в темени лощинам прокатывался зов Тигра.

Правда, был один радостный момент, яркой искрой осветивший последние нерадостные дни – Ли открыл в себе магию!

А дело было так. На третий день езды по Валапийской долине, к вечеру, когда сумерки только-только зародились и сизой дымкой крадучись пробирались по ущельям, они с Льянкой намылились слинять. Вик к этому времени еще ходил смурной и на всех гаркал без разбору, но в воду пока лезть не собирался. А оборотни были уже настоже, но близко к нему не подходили, пока выжидая, когда он вымотается окончательно, и его можно будет брать без проблем.

И вот они, поодиночке – чтоб никто ничего не заподозрил, пошли к склону, противоположному раскинувшемуся лагерю. А там встретившись, полезли в гору.

Когда уж ночная темнота накрыла долину и с их возвышенного места костры стали виднеться яркими пятнами, а народ вокруг них размытыми силуэтами, они пристроились на небольшом уступе, отгороженные от всех кустами можжевельника. Но только успели скинуть кое какую одежду, только начали млеть от обоюдных ласк, как снизу раздался шорох шагов. По склону-то бесшумно подняться сложно – мелкий щебень под ногами сыпется и шуршит, а в ночи звуки далеко-о разлетаются.

Насторожившись, они с Лёнкой стали всматриваться в темноту внизу и высмотрели – сажень в десяти, почти на голом откосе, поднимающегося мужчину.

Это не Вик, тот, наверное, уже в очередной речке полощется. И не Тай, этот себя не утруждает лазаньем по горам – унюхает по следам направление и ну орать. А Корр, вообще, ленится сильно далеко от палатки уходить.

Они бы еще какое-то время гадали: кого это угораздило по ночам в горы лезть, если бы... не луна, весь вечер прятаясь в облаках, а теперь вдруг выглянувшая из-за своей ширмы и высветившая светлые волосы остановившегося и оглядывающегося мужчины, а бойкий ветерок не донес до них ненавистный баритон:

– Мальчик мой! Где ты? Не заставляй меня гоняться за тобой! Принцу вашему теперь до тебя и дела нет – у него своих проблем хватает! А оборотни им заняты! Так что иди ко мне сладкий, и не заставляй меня гневаться! – нараспев произносил мужчина, слегка повышая голос, чтоб его услышали. Он видимо точно знал, что «его мальчик» сюда забрался.

Пока Лёна в испуге хватала разбросанные вокруг вещи и судорожно одевалась, Ли исходя досадой и злостью на непрошеного гостя, вдруг под каким-то наитием подхватил пригоршню щебня и, вложив в движение все свои недобрые чувства, кинул вниз.

Мелкие камушки сорвались с его ладони и зашуршали по склону. Но они катились не просто так, а прихватывали за собой другие, подобно липкому снегу из маленькой горстки наворачиваясь в ком. И вот, к тому месту, где неспешно поднимался граф, уже катился тяжелый оползень, громяхая крупными камнями.

Раздался вскрик... еще один, а потом, кроме шума съезжающего обвала, ничего не стало слышно.

– Ты чего сделал?! – громким шепотом спросила Льянка, когда последний замирающий шорох эхо уволокло вдоль по ущелью.

– Не знаю... – только и смог ответить Ли.

– Ты вообще понял, что магию применил?! – уже в голос воскликнула она.

– Да-а?! Нет, не понял. Я думал, осыпь сама образовалась на склоне.

– От горстки щебенки? Здесь не настолько круто и камней крупных почти нет, а у тебя вон целая лавина валунов скатилась! Ты понимаешь, как это хорошо, что у тебя тоже магия оказывается есть?!

Нет, Ли пока не понимал, он сейчас мучился мыслью, что возможно убил человека! Да, первостатейного гада, конечно, но ведь человека!

– Лён, давай спустимся, и ты посмотришь – ему ж, наверное, твоя помощь нужна... – попросил он, надеясь, что граф может и не убится совсем. А сам стал спешно одеваться.

– И не подумаю! Этот говнюк мне столько нервов испортил, а я его лечить стану! Не в жисть! – сложив руки на груди, типа и с места не сдвинется, заявила девушка.

Так они препирались минут пять, не понижая голосов, пока снизу из ущелья не раздался сначала свист, а потом и громкий голос Тая:

– Эй, мелкие, хватит собачиться, слезайте оттуда! Вику опять плохо! Ой, что это?! – после этого шум возни и новый окрик: – Живо дуйте сюда! Тут Лён твой дружок побился, за тобой, что ли лез вдогонку? – сходу догадался Тигр. – Уж не ты ли его так камешками приложила?! А?

– Нет, не я! – с искренней правдивостью в голосе ответила девушка и, натянув второй сапог, стала спускаться. Но, слава Светлому, никаких пояснений к своему правдивому ответу она давать не стала. Так что Ли тоже, не остерегаясь уже нагоняя, подался за ней следом.

Когда они подошли, и Лёнка под внушительное настояние Тая все-таки осмотрела графа, стало ясно, что он жив, побит, где только можно и пара костей у него сломана. Благо не успел высоко подняться, соответственно и летел не долго, вперемешку с камнями. Тигр взвалил бесчувственное тело на плечо и потащил к придворным знахарям.

Знать пропустит послезавтра граф всю королевскую свадьбу.

А они направились к себе в шатер, где как всегда уже мокрого Вика силой удерживал Корр, и Льянка привычно взялась за его лечение. Потом они, не испытывая более судьбу, так только, от крайних палаток за кустами укрылись, сидели и Лёна ему про эльфийскую магию объясняла:

– Эх, если б знать, я бы раньше тебе все рассказала и ты бы уже многому научился! – сокрушалась она: – Вот мне тяжелей, потому что во мне магия и человеческая и эльфийская, и их нужно для пушей силы научиться объединять.

– А в чем разница-то? – недоуменно спросил Ли. Он-то привык, что у него вроде никаких склонностей к этому делу нет, и совсем не интересовался подобными вещами.

– Ну, человеческая магия состоит из Дара внутри и силы природной вокруг, – повела она рукой, охватив этим жестом и кусты за которыми они прятались, и склон впереди, и речку, из которой недавно Вика выудили, – и главное, нужно научиться внешней силу позвать и через свой Дар пропустить. Опытный маг делает это задумываясь, отдавая внимание вязи заклинания. А вот новичку сложно за всем процессом уследить. У эльфа же магия внутри – она часть его существа и проявляется обычно чуть ли не с рождения. А у тебя не проявилась, наверное, потому что ты полукровка, а у таких может и вообще силы не быть. Но мы же теперь знаем, что она у тебя есть! – в очередной раз не удержавшись, восторженно воскликнула девушка.

Но потом, спохватившись, серьезным учительским тоном продолжила:

– Ну, так вот, эльфы силы ни от чего не берут как люди – ни от стихий, ни от растений, ни от драгоценных камней. Они сами себе и магия, и питающая ее сила. Вот ты захотел убрать с пути графа и устроил обвал. Тебе только-то и пришлось, что все чувства свои вложить в это пожелание и горсткой камней определить способ его исполнения. Ну, вспоминай, как дело было! – прикрикнула она на него, приметив, что он непонимающе хлопает глазами.

– Вот человеческому магу, особенно молодому, чувства сильные как раз помешают – ему сосредоточенность нужна. А эльфийская магия только этим и питается, – но видя, что он от ее окрика только больше ступешался, вздохнула и перешла на тон добренькой нянюшки: – Давай вот так, что тебе сейчас не нравится? – мягко и ласково, как маленького ребенка, спросила она.

– Темно тут... тебя вот почти не видно... – протянул он, чувствуя, что машинально на голос «няни» отозвался тоном малыша.

– Вот, теперь посмотри на звездочки... хорошо, звезд не видно, представь тогда пламя свечи, – подсказывала Льянка дальше.

Ли зажмурился, хотя вокруг и так темень стояла – хоть глаз выколи, и представил свечу, что горела сейчас в шатре подле спящего Виктора.

– Вот, хорошо, а теперь представь ее горящей здесь, перед нами, на твоей ладони. Не бойся, магическое пламя, если ты не пожелаешь, жечься не станет. Не напрягайся, а захоти, – пояснила девушка и замерла в ожидании, но когда поняла, что у него ничего не выходит, обиженно сказала: – Ты не хочешь меня увидеть?!

При этих ее словах, в общем-то, деланно обидчивых, Ли, прямо воочию представил, как ее нижняя губа выразительно оттопырилась, выказывая разочарование.

– А я-то хотела тебя еще, и поцеловать при свете!

Ну, под такой-то стимул огонек тут же и вспыхнул, осветив воочию, до этого только представленную, влажную выпяченную губку. Ли отодвинул ладонь со «свечой» и кинулся целовать сладкий ротик.

Что-то у Ли получалось, что-то, даже под обещанный поцелуй, нет. Но главное, стал он постепенно осознавать происходящее! А то оно поначалу и в голове-то не укладывалось, как будто и ни с ним подобное происходит. А вот теперь потихоньку и доходить стало... и вроде даже радовать!

И на следующий вечер они также, не сильно удалившись от лагеря, засели в низинке под кустами и стали практиковаться в магии. Ли даже немного обиделся поначалу на Льянку,

заподозрив, что проводить время в роли его учительницы ей больше по нраву, чем с ним же, но обнимаясь.

Сегодня же, встав с утра, он планировал провести время более разнообразно – успеть и магией позаниматься и объятиям часок-другой уделить. Благо свободный вечер обещал быть долгим. Вот венчание пройдет, часа в два пополудни за праздничные столы усядутся, а там уж вскорости и ни до них всем станет – чей не обычный вечерок в дороге скоротать надо, а королевскую свадьбу отпраздновать. А для этого дела из Ламариса ни одну повозку с актерами и музыкантами тащили за кортежем. Так что сегодня маленькие пажики со своими флейтами и лютями могут отдыхать.

Но вот теперь, благодаря снесенной напрочь «крыше» Вика, все загаданные планы Ли летели кубарем – коту под хвост!

Встали они, значит, в строй, как положено – оборотни по бокам от Вика, а они с Лёной на пол корпуса лошади позади него. Впереди них только король Ричард с невестой и Восемь приближенных всадников ехали. Господин-то Рой, как Верховный служитель Светлого королевства Эльмерии, уже дня два как находился в храме, готовясь одарить новобрачных одним из положенных им благословений. Вот и расположились они теперь, сопровождая самого ближайшего родственника и знатнейшего из господ, то бишь Вика, сразу за молодыми.

Принц их, несмотря на утренний час, по все видимости уже прибывал в своем болезненном состоянии. Недобро поглядывал на оборотней, ерзал в седле, как будто ему в штаны колючка попала, и никак не хотел соблюдать положенное расстояние до впереди движущейся королевской группы, уткнувшись чуть не носом в спины замыкающих ее рыцарей.

И вот, когда они с Главного тракта свернули в Храмовую долину и еще не успели достигнуть ступеней подъема, как в народе случилось оживление – на одном из скальных выступов нарисовались светлые эльфы. Да еще во главе со своим королем.

Чего все всполошились и перепугались Ли не понял, потому что военных конфликтов между людьми и эльфами давно уже не случалось. Да и мужики те не выказывали никакой агрессии – стояли спокойно, довольно равнодушно пялясь на них.

По разумению Ли – просто заключался традиционный брак между детьми Темного, так что интерес к событию эльфов вполне объясним. Раньше-то на такие свадьбы заявлялись все – и светлые, и темные, и гномы, и оборотни. Неужели все разом забыли уроки истории?

В общем, панического настроения, внезапно охватившего кортеж, Ли не понял. И про себя отмахнувшись от окружающей толпы, впавшей в ажитацию, принялся с интересом разглядывать своих возможных дальних родственников. Не каждый же день увидишь такое занимательное зрелище – короля светлых при полном параде!

А когда Вик, сверкая глазами на лихорадочно покрасневшем лице, неожиданно выхватил меч и с криком « – Убью!» ломанулся прямо по расставленным шатрам в сторону эльфов, Таю и Корру, естественно, ничего не оставалось делать, как устремиться за ним. Ну и им с Лёнкой – соответственно. Благо, что всё, что могло быть снесено на их пути, было к тому моменту расшвыряно Виком и оборотнями и они скакали с балкона на балкон, уже не боясь кого-нибудь зашибить.

Так же по проторенной дорожке через кусты они въехали на поляну, где слуги, подбирающие котелки и какие-то тряпки, при виде них уже каким-то единым отработанным движением бросились врассыпную.

Сразу за открытой прогалиной начинался довольно заметный подъем вверх, и там, в самой глубине поляны стоял Корр, держа под уздцы свою Красотку и Звезду Тая. Тот, видно, уже погнался в гору догонять сбрендившего Вика.

– Чего телимся?! – заорал в их сторону Ворон, как только они ступили из кустов. – Уже запарился ждать вас! Держите! – и, кинув руки спешившейся первой Льянке поводья, обернулся и улетел.

– И что делать будем? – растерянно спросила девушка Ли.

– Не знаю... здесь ждать или вместе с лошадьми лезть следом? – так же неуверенно ответил ей он.

Они посмотрели друг на друга, не решаясь без указки оборотней что-либо предпринять. Но, когда Звезда, вытянув из Льянкиных рук повод, подался степенно вверх по склону, они быстренько порешили, что в отсутствии Тая можно послушаться и его коня. Тем более что за последние три минуты своего мнения о ситуации так и не заимели. И подхватив под уздцы строптивых кобыл, Лёна совою Мою, а он Красотку, двинули за Таевой Звездой. Послушный и уравновешенный Туман пошел сам следом за хозяином, то есть за ним – Ли, без всякого понуждения с его стороны.

Звезда, который указывал им путь, продвигаясь вперед с натужным сопеньем, был меринком и, конечно, на первый взгляд кобыльи кличка ему не подходила. Но если разобраться в предыстории ее получения, то на второй, как-то все уже приходило в норму. Полное его имечко звучало, как Звезда Дана... Данула... Данумалума, вот как! И в языке того самого Данула..., тьфу ты, в общем, в языке той страны слово «звезда» имеет мужской род, то есть и получается, что для клички мерина вполне подходит. Короче, все уж привыкли, внимание на кобыльи кличку мерина не обращая и нестыковками перевода не заморачиваясь. А заинтересовавшиеся посторонние, приметив, что лошадка та принадлежит громадному грозному мужику и не спрашивали.

Почему Тай купил именно этого коня, даже несмотря на его странную для уха человека говорящего на общем, кличку? Ли вот так совсем не сомневался в ответе – мерин был из той редкой породы, представители которой размерами не уступали коням, выведенным для военных нужд, но придавала носителям ее, ни в пример больше грации и изящества. Впрочем, на счет редкости сей породы Ли, не будучи знатоком в этом деле, мог и ошибаться. Но вот лично ему такие лошадки на глаза попадались крайне редко, и это притом, что он уже побывал в конюшнях двух королей!

А самое-то главное, что коняшка тот возрасту имел уже за полтинник зим и по обычному лошадиному сроку давно должен был копыта отбросить. Но Тай в него постоянно кучу лечебной магии вбухивал, так что и по сей день конек и выглядел, и бегал, как молодой. А посему еще одно немаловажное достоинство имел – разумен он был, прямо не по лошадиному! Такого разуменья чуток иметь и некоторым молодым эльфам бы не помешало, как к прискорбию Ли иногда говаривал ему Тай.

И если учитывать вышесказанное, то и становилось понятно, почему они с Лёной, отдав на откуп коню принятие решения, сами последовали за ним безоговорочно. Вот, например, за скандалисткой Красоткой они бы не пошли, а так – ничего себе, продвигались, вслед раскачивающемуся черному хвосту и в ус не дули. А если что в их действиях оборотням и не понравится – то они тут и не причем, а Звезду ругать, понятное дело, никто не станет.

Вот именно об этом или где-то так думал Ли, устав оговаривать Вика, потерявшего разум, и «жевать» потом себя, стыдясь этих оговоров: « – Уж лучше о лошадках... или вон, о Лёне!»

Льянка меж тем, видно от жары сняла пажеский камзол и теперь невзначай дразнила Ли стройными бедрами и круглой попкой, обтянутыми узкими бриджами. Так что, когда он смотрел вперед, то среди тонких стволов и жидкой листвы постоянно наткался взглядом не только на три разномастных лошадиных крупа, но еще и на крепкий аппетитный девичий задок, никакими отвлекающими внимание фалдами теперь неприкрытый.

Третий лошадиный попец, если что, был Викова Здрава, которого они подобрали на склоне.

Так и шли с переменным успехом. Хотя, у Льянки, что не говори, дело продвигалось более гладко, чем у него – Звезда так и возглавлял процессию, точно зная, где его хозяин, Моя

при Лёне всегда пай девочкой была, а спокойный Здрав, встав в строй привычной компании, мерно шагал и не пытался что-то ей усложнять.

В общем, понятие переменного успеха относилось в основном к продвижению Ли – Красотка, как всегда, вела себя вполне предсказуемо, то есть – совершенно безобразно! Она натягивала повод, вздергивая голову, мотала ею, вырывая уздечку из его рук, взбрыкивала и шараялась от каждой задевавшей ее колючей сосновой ветки. Так что, Ли довольно редко удавалось любоваться симпатичной Льянкой попой, а по большей части приходилось вставать собственным задом вперед и лицезреть противную морду Красотки, отслеживая ее намерения. Он уж раз пять налетал спиной на стволы, не успевая вовремя заметить их боковым зрением.

А по другому – никак! Эта дура даже пыталась пару раз встать на дыбы – и это на крутом-то склоне! А если б перевалилась на спину, да зашиблась?! Корр бы его убил! Если б, конечно, при таких финтах его любимицы Ли не угробился бы сам.

Но случались и периоды временного затишья в кобыльих капризах, успех-то, как было сказано, был переменным – это когда над их головами начинал кружиться большой ворон. Чего уж он прилетал – неизвестно. Толи посмотреть, как они с Льянкой продвигаются, толи свою стервозину драгоценную проверить. Но, как бы то ни было, кобыла, как всегда вблизи хозяина, успокаивалась и какое-то время вела себя прилично, позволяя Ли в кои веки, как все нормальные люди продвигаться вперед лицом, а не задницей.

И вот, в какой-то один из тех тяжелых моментов, когда он пытался, Ли вдруг обнаружил, что оказался среди топчущихся на месте лошадей. Он резко обернулся и успел заметить Льяну, ломящуюся куда-то прямо через кусты. Ли, недолго думая, бросил повод Красотки и устремился за ней.

Еще пробираясь через густые заросли, где колкие ветки никак не хотели его пропускать, цепляясь за одежду и волосы, он усмотрел впереди большое открытое пространство, поднимающееся каменистой поверхностью не очень круто вверх. А там, за открытым взглядом местом, очередной нависающий утес, почему-то напомнивший Ли увеличенный до гигантских размеров нос дина Волча, торчащий из его окладистой бороды. « – Вот ведь, придет же в голову такое!».

Со следующей парой трудных шагов, когда ему уже открылась вся поляна, он увидел такую картину, что непроизвольно замер в оторопи! Рядом, возле самых кустов, лежал на земле Вик, а Тай в напряженной позе склонился над ним. Вдалеке, у самой кромки вновь начинающегося леса, вышагивали удаляющиеся эльфы. А посередине открытого пространства – Лёна... его Лёна, творила несусветное! Она, только что выбравшись из колючего кустарника, уже бежала к эльфам, выхватывая из ножен кинжалы и замахиваясь ими.

Обалдевший Ли наблюдал, как ножи вылетают из ее ладоней и, крутясь и сверкая на солнце, устремляются к эльфам.

Расстояние было слишком большим для этого оружия, да и светлые находились гораздо выше, относительно девушки и Ли было подумал, что они просто не долетят до цели. Но Льянка, видимо, не оставив это обстоятельство с расстоянием на волю случая, подпитала их магией и кинжалы в неестественно долгом полете достигли-таки эльфов. Но попасть, ни в кого не попали, ударившись о невидимый полог, который при соприкосновении с ними заискрился, только тогда и став заметным. И в это же мгновение, когда первый из кинжалов задел защиту, один из воинов окружающих короля обернулся и столь быстрым движением, что Ли, не будь он той же крови, и не усек бы, поднял большой лук и выпустил в девушку стрелу. А другой, так же молниеносно, еще и в ворона, который, похоже, не учел наличия полога и напал, падая сверху.

Ли ломанулся из кустов уже не обращая внимания на цепляющиеся колючки. А в процессе, пока продирался сквозь заросли, лихорадочно соображал, что делать. Оружия нормального у них не было, кроме тех кинжалов, которые только и смогла прикрыть Льянка в тот

момент, когда их обыскивали воины при построении кортежа. Ему бы сейчас его лук или хотя бы меч, как у Вика, которому по причине близкого родства с королем он позволялся. А кинжалами-то что он сделает? Даже не сможет пока подпитать магией, как Лёнка! Да и с магией от них никакого толку...

Но, пока он окончательно выбирался из цепких зарослей, все решилось само собой. Льянка, будучи тоже недалекой родственницей стрелка и приметив его движение, быстро кинулась за ближайший камень. А ворон, перекинувшись прямо в воздухе, просто исторг из себя в момент оборота попавшую в него стрелу, и она упала рядом с ним, уже совершенно отдельным предметом.

Ну, а эльфы, видимо посчитав, что нападающим демонстрации полога должно было хватить... а если кто совсем дурак, то пусть вспомнит о стрелах... со спокойным безразличием скрылись между деревьями.

Так что Ли ничего не оставалось делать, как констатировать про себя, что все закончено, а он, как всегда, явился к шапошному разбору! Так что, слегка поругивая себя и заодно примечая, что Лёна вполне живенько отправилась искать в камнях свои ножи, сам побежал к тому месту, где лежал Вик.

Вместе с ним к распростертому принцу и склонившемуся над ним Таю, подоспел и Корр.

– Ты зачем вздумал нападать на светлых?! Забыл, какие они предусмотрительные твари?! Первый раз что ли сталкиваешься с ними? И убить тебя могли только за то, что ты Ворон, а ты мне здесь нужен! Я не могу кровь остановить! – заорал Тай на подбежавшего Корра, а на расхристанный вид того, обычный после переворота, совсем внимания не обратил. Да и на Ли тоже...

А в голосе его звучал неподдельный страх и глаза сверкали не по-Таевски растерянно. Ли от этого непривычного вида Тигра обуяла паника. И понимая, что происходит что-то необычное и страшное он так и остался в стороне... и даже не стал задавать своих обычных вопросов, в кои времена осознав их неуместность.

Оборотни тем временем принялись ворожить над Виком вместе.

– Давай, укладывай его на бок. Нет, не вытаскивай стрелу, а просто обломи пока, а то и так кровь хлещет не переставая! – командовал все так же непривычно-испуганным голосом Тай, перемежая восклицаниями совместный бубнеж заклинаний. Тут и Лёнка подбежала и включилась в общую канитель. Ей уже за опоздание никто не выговаривал, видно было уж совсем не до того.

Но по их редким репликам понял Ли, что у них и втроем ничего особо не получается. Льянка сгоняла к Моей и притащила свой мешок, который всегда держала при себе. Правильно, конечно, никогда не знаешь, что может произойти! Вот как сейчас, например...

« – А обычно-то, чтоб остановить кровь простого заклинания хватало, притом, одного несильного в магии оборотня... а теперь-то их вон трое да травки-настойки в ход пошли... » – все сильнее пугался Ли происходящего.

Тут он приметил, что лошади их тоже выбрались на поляну и теперь разбрелись по ней, выискивая редкие пучки травы меж камнями. Он, решив что раз в лечении Вика он ничем помочь не может, то хоть коней соберет в кучу.

И вот, когда он уже привел Здрава, Звезду и Тумана, и гонялся по простору за Красоткой, из кустов на открытое место вышли две девушки. Издалека они показались ему близняшками – одного роста, с одинаковыми ладными фигурками и красного отлива рыжими волосами. Девицы, увидев лежащего на земле раненого и склонившийся возле него народ, кинулись к ним.

К тому моменту когда Ли выловил и Воронову стерву, и не менее придурочную Мою, и подошел к все так же склоненной над Виком компании, красноволосяе девицы уже ворожили вместе со всеми. Но видно дело обстояло совсем плохо, потому что подолы их юбок были ото-

рваны и теперь этими кусками они обматывали кровоточащие раны, а так обычно останавливали кровь совсем уж слабосильные знахари!

– Здесь не далеко! – услышал Ли сказанное одной из близняшек, махнувшей рукой куда-то в сторону. И тут же Тай поднял Вика на руки и направился следом за девушками, которые указывая дорогу, принялись раздвигать перед ним ветви подлеска.

Всем остальным ничего не оставалось, как последовать за ними. Благо теперь Корр и Льяна сами вели своих капризуль и это перестало быть проблемой Ли. Ну, а все остальные порядочные лошади потопали за хозяевами сами, не требуя понуканий.

Так и шли по лесу еще минут пять, пока не попали на какую-то тесную прогалину, где их большой компании, включая лошадей, и развернуться-то было негде. Тут одна из пришлых девиц повела рукой и отвесный склон, выпирающий на поляну и сплошь увитый растениями, как-то... раздвинулся, открыв зев довольно большой пещеры.

Как оказалось, это была еще не сама пещера, а только проход в нее.

На всем пути по тоннелю, в котором по стенам, то там, то здесь, бежала вода, девицам, а потом и Лёне, присоединившейся к ним, приходилось сбивать наплывы каких-то цветных отложений, натянутых той самой водой, чтобы смогли пройти и лошади.

– Сами понимаете, здесь в горах никто с конями не ходит через него... – извиняющимся тоном пояснила одна из девушек. А так-то, в общем, все больше молчали, потому что грохот ударов от молний и дробный шум осыпающегося камня разговорам как-то не способствовали.

А потом они, наконец-то, вышли в пещеру, а то уж Ли испугался, что этому тесному тоннелю конца и края не будет.

И тут он увидел еще одно чудо – на стене... колыхалась лужа, поставленная на попу, а вокруг нее руны, выбитые прямо в камне. А когда одна из красноволосых девушек потыкала ладонью в них, «лужа» та заколыхалась более ритмично и упорядоченно – расходящимися кругами. И... народ пошел через нее, как в дверь ходят!

Когда все скрылись за волнующей стеной, даже кони, и в пещере остался только Ли и одна из пришлых девиц, он вдруг перепугался, поняв, что настала и его очередь. Но испуг, слава Светлому, в панику перейти не успел – девушка, как-то так задорно, но не обидно, улыбнулась и страх его весь растаял.

– Меня зовут Рива. Не бойся, это Око Дорог, через него уж много тысяч зим ходят, – и подала ему руку.

– Ли, – буркнул он, протягивая свою. Чего буркнул-то? Да от стеснительности, наверное, да от не успевшего еще полностью отхлынуть страха.

В общем, ступили они вместе в пугающее его марево, и... вышли опять в пещеру. Только оказалось, что выход у нее – вот, сразу, и не по каким узким тоннелям больше шариться не придется. Что там снаружи Ли особо не разглядел – очередная поляна, большое дерево, лес вокруг – и все. Потому что ни в самой пещере, ни на той поляне никого уж не было и ему пришлось припустить бегом за углубившейся в лес девчонкой, чтоб совсем не потеряться в незнакомом месте.

Тропка, по которой они спешным шагом продвигались, шла вдоль склона той самой голой скалы, в которой находилась пещера с Оком. Она постоянно поворачивала, так что разглядеть далеко ли ушли все остальные, никак не получалось. И только когда впереди замаячило открытое пространство и дорожка побежала прямо Ли увидел друзей, от которых они с Ривой, в принципе-то, несильно и отстали.

Вышли они к площади, вполне в стиле эльфийских городов выложенной мозаичной плиткой, но никак не ожидаемой здесь, в каком-то затерянном среди гор селении. По окружности той площади стояли большие дома, тоже неожиданно странного вида – непохожие ни на привычные коттеджи, ни на хижины или особняки, а скорее напоминающие своей основательностью и тяжеловесностью донжоны самых старых господских замков.

Справа от них, все в той же скале, которую они обходили, расположилось какое-то святилище, по тому что по разумению Ли, нормальное жилище сие сооружение, с колоннами и барельефами, напоминало еще меньше, чем башни из темного камня, окружающие мозаичную площадь.

Но внимательно обозреть и эти окрестности ему не дали – вся толпа, во главе с сестрой Ривы, ломанулась не уменьшая шага в первый по левую руку дом-башню. А ему пришлось подхватывать поводья лошадей и идти в конюшню, куда и повлекла его сама Рива.

Помещение, в котором они оказались, было неожиданно большим, рассчитанным коней на двадцать, но все просторные денники стояли пустыми.

– А где ваши лошади?! – недоуменно воскликнул Ли, оглядывая конюшню.

– Так ведь тепло еще! На выгоне лошадки, – ответила девушка.

« – Мда, действительно ...», – подумал Ли, понимая, что сморозил глупость – они как-никак не в городе, а в какой-то деревне находятся. Хотя и очень странной...

– Да у нас всего три лошадки здесь живут – моя, Эль и бабушкина. Так что после чистки можешь под ваших занимать любые выгородки по этой стороне, – продолжала меж тем свои пояснения Рива, а сама принялась... похлопывать в ладоши и водить руками!

« – Танцевать, что ли надумала?!» – глядя на нее, удивился Ли.

Но тут началось невероятное! Ремешки подпруг живыми змейками зашевелились и стали один за другим расстегиваться, а освобожденные седла сами собой полетели укладываться на обтесанное бревно. Потники и попоны, тоже самостоятельно, встряхнулись в сторонку и отправились сушиться.

В общем, пока Ли хлопая глазами с горем пополам стянул седло со Здрава, попавшему ему первым под руки, все остальные лошади были распряжены и над ними уже порхали щетки.

– Это чё такое? – он все-таки решился задать вопрос.

– Но, так же проще и быстрее! – ответила девушка, как бы совершенно не понимая сути необычности ситуации и продолжая махать руками.

Так что справились они быстро, тем более что Ли больше не стал тратить время на задавание вопросов – ему надо было успеть управиться хотя бы с одним Здравом, пока Рива занималась другими конями.

А потом они поспешили в дом.

В Большом зале никого не было, но из-за приоткрытых дверей в соседнюю комнату слышались громкие голоса. Они с Ривой переглянулись и ринулись туда.

Помещение то оказалось трапезной, и было заполнено незнакомым народом, в основном немолодыми женщинами, которые стояли вокруг у большого стола. Они переговаривались, рядились меж собой, что-то друг другу доказывали, а на столе... лежал Вик и явно находился все еще в бессознательном состоянии.

Чуть в стороне от этой спорящей группы находились его друзья и та, вторая девица, которую Рива назвала Эль – все как один с озабоченными и испуганными лицами.

Ли, благо никто не обратил на него внимания, из боязни, что по своей ненужности будет выдворен, быстренько ретировался в сторону и забился в угол.

Через несколько минут женщины видимо пришли к какому-то общему решению и величественная дама с такими же красноватыми волосами, как и у девушек, что привели их в деревню, сказала:

– Ничем хорошим мы вас порадовать не можем. Запрет на его Дар мы сняли легко, он прост в исполнении и очень близок к нашей магии. Но, как мы и ожидали, это не оно было препятствием – что-то другое не дает нам пробиться сквозь себя. Кто-то наложил на принца тяжелое личностное заклятие, которое не позволяет лечебной магии делать свое дело, отталкивая ее.

При этих словах дамы лица друзей, было вспыхнувшие надеждой при ее приближении, приняли разочаровано-горестное выражение, а Рива... или Эль воскликнула:

– Бабушка, неужели ничего нельзя сделать?! Он что, так и... – но договорить она не смогла, а поджав трясущиеся губы, заломила руки. И горе ее было столь явным, как будто она не час назад повстречала того Вика в лесу, а переживала о близком и родном человеке.

– Девочка моя, мы сделаем для него все, что в наших силах. Но лучшее, на что сейчас можем рассчитывать – это чтобы пока его состояние не ухудшалось. Но ты сама понимаешь, что вечно так продолжаться не будет. И если мы не найдем того человека, который наложил на принца заклятье, то однажды он просто сгорит от жара! – ответила величественная дама не менее горестным тоном, чем у девушки.

Как они собрались искать неизвестно кого, и чем это им поможет, Ли не понял, но, как и в лесу, спрашивать не решился, боясь высовываться из своего угла всем на показ.

А между тем женщины стали расходиться. Каждая из них, отходя от стола, делала какие-то пассы над расprostертым Виком, а потом говорила несколько обнадеживающих слов его расстроенным друзьям и шла на выход. Ли, чтобы отвлечь себя от незадачных вопросов, стал разглядывать их.

Все они держались с большим достоинством, спокойно и уверенно. И даже самая пожилая из них казалась ему, молоденькому мальчишке, как ни странно, очень красивой. От этого сочетания благородных прекрасных черт и величавости движений их хотелось назвать дамами. Только тогда возникал еще один вопрос: откуда в дальней деревне одновременно взялось столько знатных женщин?

Пока Ли ломал голову над очередным вопросом все дамы попрощались и ушли. Осталась только та, которую одна из девушек назвала бабушкой. Надо было и ему выбираться из своего схрона...

Но выйти из своего тайного угла так же незаметно, как он туда попал, у Ли не получилось.

– Ты чего там за буфетом делал?! – рыкнул на него Тай, когда он аккуратно высунул свой нос из укромного места. Но дама-бабушка, посмотрев на растерявшегося эльфенка, ответила Тигру вместо него:

– Оборотень, не ругай мальчика, он тоже испуган и растерян, как и все мы. Давайте лучше перенесем вашего раненого в комнату. И перестаньте трястись и идите отдыхать сами! По крайней мере, сегодня ему ничего не угрожает!

Вика быстро определили в комнату на первом этаже. Всем остальным тоже отвели по собственной спальне, правда, уже на верхних этажах. И сразу, как только гостей определили по местам, в мгновение ока – не успел Ли и седельную сумку разобрать, как все куда-то рассосались.

Не зная чем заняться, юный эльф решил оглядеть гостеприимный дом. В запертые двери, а были и такие, он ломиться не стал, занявшись обследованием доступных территорий, коих тоже хватало даже для удовлетворения его особо обостренного любопытства – домина был не просто огромен, но еще и по-волшебному странен.

После нескольких минут блуждания по коридорам и лестницам Ли определил, что предназначен он для проживания большого количества народа – куда бы он не заглянул, везде сплошные спальни, маленькие гостиные, гардеробные. И все комнаты убранные, ухоженные – прямо заходи и живи! Но при всем при этом, ни одного человека или хотя бы намека на присутствие жильцов в этих комнатах он не нашел! Даже слуг. А как содержать такой домиче в чистоте без них?

Но долго он голову над этим вопросом не ломал, вскоре наткнувшись на очевидный ответ. В одной из пустых, как и везде, спален по полу... елозила тряпка... сама собой... периодически занырявая в ведро, стоявшее тут же. В другой же комнате тем же макарон – самостоятельно, стекло в окошке натиралось. А в коридоре, почти невидимая в темноте под потол-

ком, порхала бабочкой метелка, обмахивая паутину по углам. Каждый раз, приметив подобное, парень бочком-бочком подавался куда подальше от такого места. После увиденного в конюшне новые проявления бытовой магии его, в общем-то, не пугали сильно, но... с непривычки все равно становилось не по себе.

Проходя по очередному коридору, он краем глаза заметил кота, следующего за ним. В первый момент Ли не понял, что поразило его в обычном черно-белом животном, но уже в следующее мгновение замер обалдело, осознав, что котяра просто нереальных размеров. В принципе, уже в третий момент, парень ругал себя за фантазии, потому что пятнистый гад смылся так быстро, что и правда могло показаться всякое.

В общем, ходил Ли по дому и удивлялся всему, бесстыдно суя свой нос в каждую незапертую дверь. И только когда в трех комнатах наткнулся на седельные сумки и скинутое на стулья оружие друзей, только тогда и додумался устыдиться, поняв, что повел себя неприлично и невежливо – шарясь по дому без разрешения хозяев.

Но потом, придя к выводу, что раз его никто не видел, то и о беспардонном поведении любопытного эльфа, скорее всего, не узнается. И слегка приободренный этой мыслью, он отправился искать кого-нибудь живого в этом огромном доме.

Всех, кого смог, обнаружил на первом этаже.

Льнянку, правда, он так и не нашел, но вот Корр с Таем ожидаемо оказались в отведенном под Викову спальню покое. А хозяйки, все втроем, были заняты делами на кухне.

Так как в комнату к Вику его не пустили, сказав шепотом, чтоб шел он... далеко в общем, а выходить из дома на улицу в этой странной деревне он не решился, то и надумал Ли пойти помочь женщинам, приютившим их.

Тем более что войдя на кухню и обзрев ее, он понял, что здесь-то, как ни странно, все делается вручную. Только в углу, в тазу с мокрым песком, одинокая щетка наяривала бока закопченного котла. А так и девушки, и их дама-бабушка, обряженные в белые фартуки, были заняты обычной кухонной работой, как простые хозяйюшки.

– О, к нам юный эльф пожаловал! Понравился наш дом? – спросила Ли старшая женщина. И хотя вопрос был задан мягко и с улыбкой, тем не менее, сам по себе он вогнал его в краску.

« – А я-то придурок понадеялся, что никто ничего не заметит! И это в доме, где полы без магии не моются!» – клял про себя свою неосмотрительность Ли, одновременно пытаясь придумать извинения:

– Госпожа, я не хотел... так вышло... – с набегу извинения получились не очень.

– Ах, оставь! Понятно, что тебе было интересно, – махнула на него рукой дама и дальше продолжила говорить совсем о другом: – Меня можешь звать госпожой Норой, а с внучками моими, Ривой и Эль, ты уже знаком. Так что проходи и давай помоги-ка к вечерней трапезе клубеньков начистить. Народу-то у нас теперь много в доме живет, так что и еды нам надо побольше наготовить, – сказала она, подавая Ли нож.

Ну, тут уж он не растерялся – чей клубеньки чистить умеет, вон у дядюшки Лайсо, бывало, ведрами начищал!

А когда последние беленькие кругляши булькнулись в таз с водой он отважился и мучавший его вопрос задать:

– А почему вы готовите сами? Поводили бы руками и все бы сделалось, как остальное твориться в вашем доме?

Дама Нора на это улыбнулась, а девчонки те, не сдержавшись, и вовсе рассмеялись.

– Все просто. Если с магической помощью суп сварить, то и не суп это вовсе получится, а зелье волшебное. Гадай потом, что оно в твой организм привнесет! Она же, магия, то есть, никуда не девается, а вместе с овощами в том супе вариться станет, – ответила-таки на его вопрос Рива, отсмеявшись.

А почему он уверен, что Рива? Да потому что к тому моменту он прекрасно разглядел, что девушки и не близнецы вовсе, а просто сестры – и очень даже отличаются друг от друга, если присмотреться к ним внимательно.

У Ривы личико чуть поскуластей и глаза посветлей, чем у сестры, а нрав живой и искрящийся. И улыбка – широкая, открытая, распахивающая ее ясные глаза и вызывающая неудержимое желание улыбнуться в ответ.

А вот Эль другая – поспокойнее сестрицы и в мимике, и в жестах. И улыбалась она – нежно так, ласково, отчего хотелось головушку ей на колени положить и попросить, чтоб погладила. В общем, сестры старшей у Ли отродясь не было, но если б была, то вот обязательно такая как Эль – чтоб с каждой горестью к ней обратиться хотелось. Впрочем, он бы и от такой сестренки как Рива не отказался... но эта лучше б младшей была, чтоб с ней шутки разные шутить и шалости затевать...

Так что понравились ему новые знакомые и даже очень! Да и как оказалось руками они тоже многое умели, а не только магией: еда у них получилась отменная – аппетитно пахнущая, вкусная. И рагу из оленины с овощами, и салат из томатов с козым сыром, и паштет из бычьей печенки. А еще заметил Ли, как и многие жители предгорий не боялись они в еду много травок разных да специй сыпать, отчего аромат ее становился еще зазывней, а вкус – насыщенной.

Вот так и прошел день Ли, начавшийся с учиненного Виком переполоха и закончившийся в этой странной горной деревне. И только к концу трапезы, вечером попозже, дошло до эльфенка, что оказался он не в каком-то глухом, затерянном среди лесов и ущелий селенье, а в самой Зачарованной Долине. И ночевать он сегодня будет не у какой-то странной дамы в доме, а в гостях у самой Главы Рода Эльмеривы Странницы! О как!

Везет же иногда глупому эльфенку...

Впрочем, имеющиеся странности от этого понятней не сделались. Вон коты, например, в этой деревне были громадных размеров, а вот те же собаки – обычных, по породе. И так ведь многое...

ГЛАВА 11

« – Душно! Зачем так топить?!» – Вик попытался вздохнуть полной грудью, но сдавленные ребра не дали полностью расправиться легким, а тот несчастный глоток, который он умудрился втянуть, был горяч и сух, и не принес облегченья.

Он открыл глаза, чтобы осмотреться, но его взгляд уткнулся в гладкий живот и нависающие над ним чуть тяжеловатые полушария груди. Розовые соски были возбуждены и, казалось, прямо просились в ладонь. Потому и дышать тяжело – громоздящееся на нем тело было жарким, колени, сжимающие ребра, сильными, а мягкое лоно, вобравшее в себя его естество, голодным.

Вик поднял глаза выше – к лицу.

« – Опять она! Но так не должно быть!» – его пронзил жгучий стыд за то, что происходит, ведь на нем, слегка покачиваясь и исторгая из себя гортанные вздохи, сидела не кто-нибудь, а невеста брата – принцесса Демия.

Он завозился, пытаясь скинуть ее с себя, но собственное тело не подчинилось порыву, а наоборот потянулось к соблазнительной плоти всем, чем только могло. Ладони подхватили жаждавшие их груди, а губы впились в приоткрытый рот.

Вик испугался – он почувствовал себя куклой-марионеткой, которую кто-то дергает за веревочки. Мысли его бились в голове, но вот тело совершенно не слушалось их, а отзывалось на веленья тайного кукловода.

И тут же к своему ужасу он понял, что какая-то часть его сущности была даже рада такому вынужденному безволию, потому что девушка, которая уже не спокойно покачивалась, а рывками скакала на нем, была прекрасна и распалена страстью. А какой здоровый молодой муж-

чина в силах отказаться от такого?! Но, тем не менее, Вик прекрасно осознавал, что эта часть его сущности значительно меньше, чем та, что изводится от совершаемого им предательства и горечи бессилия.

А принцесса меж тем обхватила его голову ладонями и, откинувшись, прижала лицо Вика к своей груди. Губы же его, сами собой, нашли один из твердых сосков и втянули в рот, а предательская часть сущности возрадовалась и принялась с упоением обсасывать и облизывать. Но другой он, содрогнувшись от омерзения, захотел отшвырнуть девицу, пихнуть, даже ударить побольнее... лишь бы она убралась от него подальше.

И тут Вик почувствовал как его губы, мусолящие сосок, уступают свое место зубам. Он, следуя этому позыву, сжал их что было сил, и отпрянул, чувствуя вкус крови на языке.

Но порадоваться достигнутому успеху ему не довелось – принцесса, вместо того что б в гневе слететь с него, вдруг хрипло ахнув, залепила ему звонкую пощечину и захохотала довольным раскатистым смехом! И понял Вик, что это не его желание отделаться от нее так проявилось, а откуда-то взявшаяся уверенность, что ей это понравится!

Ей это нравилось! А ему? Да, в принципе, его никто и не спрашивал...

Тело принцессы выгибалось на нем, колени с утроенной силой судорожно сжимали его бока, а пальцы цепкой хваткой впивались в плечи. Он же отвечал ей – по-звериному, с рыком, терзал ее, не боясь оставлять синяки на нежной коже. Трезвый же разум Вика, запертый в клетке, изводился от непристойности происходящего и искал выход.

И нашел. Как уж при полном сознании, а не во сне, он смог позвать дракона, и каким образом тот объявился в спальне, Вик не знал. Но вдруг повеяло прохладой – это огромные крылья захлопали над кроватью, а потом из ужасной пасти полился огонь, который, не причинив вреда ему, ударил по принцессе. Отчего она, по крысиному взвизгнув, стала таять и, как восковая свеча от сильного жара, растеклась по его животу и простыням, а затем, липкой лужей соскользнула с кровати.

Но не успел он оправиться от гадливого зрелища, как дракон преобразился в другую девицу, а пламя, что он изрыгал мгновение назад, стало ее ярко рыжими волосами. Впрочем, этому образу Вик, почему-то, был рад. Он, поражаясь себе, всей своей теперь цельной сущностью и уже вполне подчинявшимся телом потянулся к ней.

Эта девушка не напирала нахрапом, ни неволила своими действиями, а сама была послушна его рукам. А когда он перекинул ее длинные волосы за спину, чтоб разглядеть всю красоту целиком, залилась нежным стыдливым румянцем. Тело же ее хотелось не терзать зверем, а оглаживать заботливой лаской.

Но стоило ему, в стремлении стереть предыдущее грязное соитие новым желанным слиянием, приподнять девушку, чтоб посадить на себя, как все вокруг начало таять и растворяться. Как туман рыжеволосая выскользнула у него из рук и сколько бы он не пытался ухватить ее, мягкое и теплое тело не попадалось в его ладони. Вик испугался, что вот так и упустит ее, а потом не найдет. Он вскочил с постели, протягивая руки к ускользящей дымке, и... проснулся.

Стоило ему осознать, что все предыдущее было сном, как тут же на него навалились жар и боль. А вместе с ними пришли и воспоминания: как он карабкался вверх по склону за удаляющимися эльфами, как две их стрелы достали его, как кровью истекал на руках у Тая, а потом, по подсказке рыжей девицы из сна, перенесли его в какую-то горную деревню. Он вспомнил узкий темный тоннель, по которому нес его Тай, стараясь не задевать стены. Вспомнил спорящих вокруг себя незнакомых женщин, ревущую Лёнку, ругающегося Корра, испуганные выпученные глаза Ли... горькое снадобье на своем языке... горячее жжение в боку... но все это как-то стороной, урывками.

Но, что он помнил хорошо, так это сон или, вернее сказать, бред из которого он только что вынырнул. И то, что он повторяется постоянно. В какой уж раз он приходит в себя, мучаясь стыдом за первое соитие и сожалением, что второе так и не случается?

Вик, отринув липкий сон и обрывки воспоминаний, попытался открыть глаза. Сквозь плывущее море и колючий горячий песок он разглядел бархатный малиновый полог над собой, а чуть скосив глаза и светлое пятно чьего-то лица. Пару раз моргнув, стал различать детали – пятно расправилось и проявилось тонкими чертами Льянкиной мордашки.

– Пить! – попросил он, но из его спекшейся гортани вырвался только хриплый стон.

Впрочем, и его хватило, чтоб привлечь к нему внимание девушки. Она подорвалась со стула, откинув в сторону какой-то громоздкий фолиант который читала, и спешно склонилась над ним.

– Вик, ты пришел в себя! – радостно воскликнула Лёнка, но в отличие от голоса взгляд ее, шарящий по его лицу, был тревожным и испуганным.

Но главное она сделала – приподняла его голову и стала вливать в рот какую-то терпкую жидкость. Что сейчас и требовалось!

– Миленький, ты только опять не проваливайся! Мы так долго ждем... а ты так редко... сейчас позову... – тем временем приговаривала она что-то невнятное.

А горьковатая жидкость с мятным привкусом делала свое дело – освежала пересохшее горло и разгоняла туман в голове.

– Не надо... звать... дину... – хрипло, но вполне четко смог произнести Вик. Беда только в том, что обрадованная Льянка уже унеслась за дверь, пока он старательно проговаривал свое пожелание.

Он смотрел ей вслед и горестно рассуждал:

« – Вот сейчас зайдет эта достойная женщина и опять станет меня спрашивать, что же мне снится. И что я ей скажу? Что я, паскуда такая, скотина неблагодарная, малого того, что в каждом сне предаюсь запретной любви с невестой брата, так еще и извожусь от мечтаний трахнуть ее внучку?!» – откуда он знал, что желанная девушка приходится сей даме внучкой? Наверное, в один из моментов его редких пробуждений кто-то сказал при нем об этом...

« – Так за такое, придушит меня подушкой бабуля и не вспомнит, что я больной и немощный! И ведь будет права!», – но не успел он додумать эту мысль, как дверь резко отворилась, и в комнату влетел Тай. « – Уф!»

Он, как громадная курица-наседка, всклокоченный и заполошный, кинулся к нему и стал ощупывать и оглядывать, бормоча при этом:

– Горишь! Жар-то не спадает! Раны болят? Болят, наверное... как же им не болеть-то? – но вдруг резко прервав свое квохтанье, спросил, совсем другим настороженным тоном:

– Говорить-то силы есть? – и, дождавшись слабого кивка, продолжил: – Дело серьезное, нам нужно знать, что ты видишь в своем бреду!

« – Вот, и этот туда же...» – Вик горестно вздохнул и отвел глаза от Тигра. А что он мог ответить? Да, конечно, Тай не незнакомая женщина, но такой бред, что видится ему, и перед другом воспроизвести совестно.

А Тай, почувствовав его нерешительность, стал уговаривать:

– Вик, расскажи. На тебя ведь заклятье наложено, и мы не можем через него пробиться! Все лечение без толку – как с гуся вода! Сгоришь ведь! Ну, скажи, что тебе видится? Может, кто чё хочет от тебя, чего-то требует, или наоборот, что-то всучить пытается? Одна надежда у нас и осталась, что тот кто эту гадость сотворил с тобой хотя бы в снах проявляется! – Тигр чуть не рыдал, говоря эти слова, пытаясь достучаться до молчавшего принца.

– Так снимите запрет на Дар... – подал было идею Вик, но не успел договорить, как друг его перебил:

– Так сняли его давно, уж три недели назад!

« – Была не была!» – после последних слов друга решился-таки Вик, и сподвигли его на это не столько слова Тая, сколько вид его и нервные повадки – ну, не видел он ни разу до этого случая старшего друга таким испуганным!

– Никто ничего не дает мне во сне, ничего от меня не требует... снашают меня... снашают по черному... каждую ночь, Тай! – выдавил с трудом он из себя.

– Кто? – тут же хоть и пораженно, но твердо спросил Тигр. И видя, что друг опять мнется с ответом, уже более жестко придавил: – Ну! Кто?! Говори – это слишком важно!

– Во-первых... та девочка, что нас нашла в лесу – красноволосая... – чуть слышно, то и дело спотыкаясь на каждом слове, стал отвечать Вик. – Вернее, во-вторых... а первой всегда приходит... принцесса Демия... – еле выговорил он запретное имя.

Начиная понимать, что так сильно угнетало друга и не давало ему говорить, Тай уже мягче продолжил:

– Ты хочешь сказать – королева Сордемия. Ведь из-за нашего исчезновения свадьбу вряд ли отменили. Так что спустя месяц она уже давно, наверное, жена твоего брата.

– Угу... – чуть кивнул головой Вик. А краска стыда, наползая на его лицо и так горевшее от внутреннего жара, покрыла его темными неровными пятнами.

А меж тем Тай начал рассуждать:

– Нет, наложить на тебя заклятье Эльмери или Рива не могли. Это, кстати, так зовут твоих красноволосых девочек – их две, вообще-то, – как бы, между прочим, пояснил он другу. – Когда они нашли нас, то уже тогда, в этот самый момент, мы с Вороном и Лёнкой бились над тобой, стараясь остановить кровь из ран. А из-за наложенной на тебя гадости у нас ничего не получалось. И, вообще, такие мерзкие заклятья у них здесь не в чести. Это может быть только Ламарская ведьма!

Вик с трудом уже улавливал суть сказанного, действие снадобья, видно, подошло к концу. Голова шла кругом, бок терзала боль, а глаза опять стало заволакивать маревом.

Заметив, что принц уже не слушает его, впадая в беспамятство, Тигр прервал рассуждения и тихо свистнул в сторону двери. Тут же створка распахнулась и в комнату спешно вошли Ли и Корр, кинувшись с ходу перестилать постель.

Конца этого действия Вик уже не видел. Мучавшие его кошмары, высказанные вслух, облегчили душу, но утомили тело. И сейчас прислонившись пышущим жаром лбом к плечу друга, державшего его как малое дитя на руках, он помимо воли опять проваливался толи в сон, толи в бред.

Льняна забила в дальний угол комнаты, где забравшись в глубокое кресло с ногами, принялась изводить себя виноватостью. Единственное желание, которое сейчас было у нее, это стать маленькой-маленькой, чтоб никто ее и не заметил:

« – Это я виновата! Только я!», – данное самобичевание хоть и было актом моральным, но голова разболелась по-настоящему, а крепкие пальцы, вцепившиеся в подобранные колени, по всей вероятности, оставят совсем не придуманные синяки.

Причиной ее подавленного состояния послужило, в общем-то, радостное известие, с которым Тай вышел из спальни Вика – наконец-то ему удалось дознаться кто наложил на того заклятье. Три недели они все жили в напряжении, ловя редкие моменты просветления в горячечном состоянии их принца, и только сейчас удалось узнать правду.

А правда эта состояла в том, что опоила-то его зельем именно Ламарская ведьма! Которую она – Лёна, и подозревала, и остерегалась, и даже однажды остановила! Но вот же, все-таки не уберегла Вика от нее!

« – У-у, дурища невнимательная!», – горькие слезы злости на себя полились несдерживаемым потоком. Так что теперь из своего дальнего угла всех остальных, кто сгрудился у камина,

Льянка видела сквозь влажную пелену расплывающимися силуэтами, а говоривших различала по голосам.

– Мы, наконец-то, узнали, кто повинен в болезни Вика! Теперь-то сможем снять заклятие, госпожа? – меж тем продолжал разговор Тигр.

– А что эта женщина делает в его снах? Что она хочет от него? – спросила его дама Нора.

– Да, в общем-то, ничего... она там... это... – заменживался Тай, и даже своим «растекающимся» зрением Лёна заметила, как неуверенно посмотрел он сначала в сторону Эль с Ривой, а потом и ее.

Но эту его растерянность увидела и госпожа, а потому, не став его пытаться о подробностях, просто продолжила свою речь:

– Значит – приворот... понятно. Да-а, вот поэтому он так и силен, что привязан с обоих концов к конкретным людям. Мы можем, конечно, попытаться снять наговор, зная кто именно навел его. Но дело в том, что принц уж очень слаб, вот если бы сразу... а теперь, вдруг у нас не получится, то на следующую попытку, боюсь, у него и сил-то не хватит, – рассуждала она, но в голосе ее чувствовалась сожаление и горечь.

– Так что, теперь-то надо чтоб точно снять заклятье?! – воскликнул Коррах.

– Нам бы для уверенности, какую ее вещь личную... лучше бы крови каплю или волос... но как это можно заполучить, что-то я не представляю...

– Так я полечу вслед флотилии! Они, наверное, уже в Эльмер прибыли, – тут же подхватился Ворон.

– И как же ты собираешься все проверить? Тебя ж там каждая собака знает, что в людском, что в истинном обличье! – охладил горячий порыв друга Тай.

– Ну, как-нибудь ночью, аккуратненько... – попытался настоять на своем, Корр.

– Мы с Ривой можем! – предложила тогда Эль. – В Королевские Холмы пройдем Оком, там, у Гатрелеи проживем несколько дней, если король с королевой еще не прибыли, а потом тоже какими-нибудь птицами обернемся и проникнем во дворец!

– Девочка моя, да что ж такое ты говоришь?! Эта королева сама ведьма сильная, да еще у нее наперсница при Даре немало, а дворец полон магов придворных и охранников-оборотней! А если ненароком кому на глаза попадетесь? Да вас в любой личине раскусят, тотчас же! – ответила ей взволнованно бабушка.

– А мы тогда служанками прикинемся, без всякой магии, нас же никто в лицо там не знает! – это уже Рива поддержала сестру.

У Льянки, слушавшей эту перепалку, даже слезы просохли:

« – Вот! Вот он мой шанс, чтобы все, что я напортачила, мне же и исправить можно было!»

– Не надо ни идти, ни лететь в Эльмер. Есть возможность все решить гораздо проще! – крикнула она им из своего угла и бегом кинулась к растерянной компании.

– Я в Ламарисе кое с кем подружилась! Ты их знаешь – болтушки еще те! – кивнула она Ворону. – И вот, что от новых подруг узнала: принцессу-ведьму там все жуть как боялись, поэтому в башне ее никто и убираться не станет. Притом, решение это исходило от самого короля. Так что башню-то, по ходу, просто заперли после отъезда новобрачных и все!

– Ты это точно знаешь?! – недоверчиво воскликнул Тигр.

– Зуб даю! – в тон ему запальчиво ответила Льянка и даже большим пальцем за зубок дернула. Правда, тут же ступевалась, покосившись на усмехнувшуюся госпожу Нору и захищавших девушек.

« – Мда, больно я что-то в парнях зажилась – пора в девицы возвращаться...», – подумалось следом.

– А чё сама-то зареванная? Ты не заболела часом? Так-то вроде все хорошо складывается – появилась надежда Вика выходить! – спросил девушку Тай.

От его заботливых слов Льянке совсем поплохело и вся ее утаиваемая боль от вины вырвалась наружу:

– Дык это я ушами прохлопала! Меня наказывать надо за то, что с Виком случилось! У-у! – это уж слезы с подвывом вслед словам побежали.

– Так-так, а если поточнее – в чем твоя вина? Да не реви – делом говори! – уже строже потребовал Тигр.

– А знала я, что эта ведьма опоить Вика хо-очет! Еще на турнире заметила взгляд ее торжествующий, когда она кубок ему подава-ала! Я ж его тогда не по неловкости перевернула, а специально! А после Вик мне велел вам ничего не рассказыва-ать, чтоб вы, значит, попусту не волновались!

– Ну, так его и Светлейший предупреждал, чтоб из рук принцессы ничего не брал. Я вообще не пойму, когда она сумела до него добраться?! Ты-то, зачем себя оговариваешь? На турнире-то все правильно сделала!– тут уже влез возмущенный Корр.

– А потому, что опоил-то его граф-гадина, сразу после турнира! – воскликнула Льянка, поражаясь, что никто из друзей, кроме нее, так до сих пор и не понял как все произошло.

– Откуда ты знаешь?! – рыкнул Тай.

– А он когда лез на тот косогор, откуда свалился, кричал мне в след, что очень даже в курсе, что Вику не до чего теперь и меня он больше защищать не станет! Мы и то тогда еще гадали – толи простуду ему надуло, толи психи его бьют от навязанных придворных правил! А граф-то, откуда мог знать если не сам то зелье наливал? И если б я в тот день за занавеской не укрылась, а по-смелому с ним пить согласилась, то и почувствовала бы, что вино-то порченое... наверное... у-у!

– Убью гада! – уже не просто рыкнул, а прямо взревел Тай, сжав кулаки и сверкнув глазами.

А Ворон к ней подошел и нежно так обнял, уткнув мокрым носом себе в плечо:

– Не плачь малышка! Мы ж тоже тогда не стали пить с графом, а Тай уж всяко лучше тебя бы зелье в вине распробовал. Так что, теперь и нам в рев удариться надобно? Ты Тигра нашего в слезах представляешь?! Я нет! Так что не рыдай, а то, пока ты так плачешь, я и в Акселл улететь не могу! – шуточками и похлопываниями по спине, пытался успокоить ее Корр. Но ведь не знал он, что ее чувство вины еще одним поводом питается, про который и сказать-то совестно – уж больно много времени и внимания она тратила на шуры-муры с Ли...

А к полуночи уж все и решилось.

Оказывается, волшебницы Дола имели по особнячку в каждом значимом городе семи королевств. А в домах тех, на старых, не самых проходных улицах, в погребке поглубже, по небольшому Оку дорог имелось. С лошадьми там не пройдешь конечно, но вот пригнувшись, даже такой здоровяк, как Тай в человеческом обличье, вполне в них проникнет. Многие из подобных жилищ стояли пустыми, прикрытые заговором от пожара и лихих людей. А в других потомки Долины жили – те, что Мир родному дому предпочли.

Вот и в Акселле такой неприметный домик имелся, правда, в предместье, по причине архитектурных особенностей города не позволяющих иметь подвал. Так что стоял он себе окруженный садом и с видом на реку, промеж таких же вполне приличных, но неброских загородных особняков купцов и нетитулованных господ. Да в их случае это не суть важно...

Так что в столице Ламариса, Корр, Эль и Рива, оказались еще до ранних осенних сумерек. А как подступила к городу ночь, так они черными воронами, в темноте совсем невидимыми, полетели к дворцу.

Там тоже все обошлось без эксцессов – башня принцессы стояла в отдалении от остальных строений, никакой охраны вблизи нее не наблюдалось, а прилегающая часть сада, как

потом рассказывал Корр, уже носила следы начинающегося запустения. Так что даже если бы они и приблизились к ней не в облики черных птиц, а в своем собственном – людском, то и тогда вряд ли бы кто их увидел. Да и если б заметили – не велика беда, разве что местные испугались бы еще больше, посчитав, что жилище ведьмы привидения по ночам посещают.

И им даже магию применять не пришлось, чтобы внутрь проникнуть – одно из окон стояло распахнутым, по осеннему времени напустив внутрь листы пожухшей и воды дождевой, отчего ковры да портьеры богатые сыростью пахли и белесой плесенью покрываться начали.

В комнатах, как и ожидалось, ничего прибрано не было – сундуки и шкафы стояли открытыми, вещи раскиданы, как если бы их перебирали, а потом, так и не сложив, оставили. А в спальне нашлась и ночная сорочка, забытая на неприбранной постели, и расческа у зеркала с парой золотистых волосков.

Только то и оставалось Ворону и девушкам, что темными тенями пронестись над спящим городом и через Око вернуться в Долину.

А там их с нетерпением ожидали, но не бездельничали. Лёнка вместе с дамой Норой и ее дочерью, госпожой Руит, травы перебирали, и зелье подготавливали в ожидании последних, наиважнейших ингредиентов.

Впрочем, Руит еще в первую встречу просила ее госпожой не называть, но у Льянки, ни язык, ни мысля, не поворачивались взрослою женщину просто по имени кликать, зная, что она приходится девчонкам мамой и бабушкой.

Да и вообще, все здесь в Долине давалось девушке с трудом, с тяжелым осмыслением. Казалось бы, что может быть сложного в понимании местного уклада жизни для нее, выросшей среди волшебных проявлений и человеческой, и эльфийской магии?

А вот именно что – среди! Бабуля с мамой, живя на границе Леса и мира людей, предпочитали все делать сами, своими руками: и в доме убираться, и за скотиной ходить, и даже воду на стирку собственноручно ведрами тягать. А магию они приберегали для дела: хворых лечить, дождевые тучи нагонять да погреба в половодье заговаривать.

А в Лесу же наоборот – без магии никто и шагу не ступал. Феечки, что хозяйство в Домдревах вели, не смогли бы без волшебства, не то что чулочки из цветов вязать, но и просто кастрюлю обычную с места сдвинуть – уж больно малы и хрупки они были. Да и все остальные тоже хороши – ни вещь нужную произвести, ни еду добыть, ни, элементарно, огонь в очаге развести! Все делалось по щелчку пальцев, а не трудом рук своих.

Вон у отца-то в доме, без магии и не помоешься – если и не расшибешься в красивой, но непрактичной хрустальной лохани, то уж воды точно не добудешь! Откуда бралась та теплая струйка, что из ниоткуда на голову лилась, Льянка, конечно, знала – из воздуха та влага собиралась, но даже перед самым отъездом сама была способна, только холодную водицу добыть, пригодную разве что для жаркого летнего дня.

Ну, не суть дело, главное, что привыкла она в жизни к четкому разграничению: в Лесу волшебство – всегда и везде, по любому случаю и без повода совсем, а чуть ступишь вверх по Валу – колдовать не смей, только по великой необходимости.

А тут, в деревне волшебниц, все было вперемешку! Легким мановением руки веник отправлялся гулять по дому, а стулья при приближении к столу, отодвигались сами. Но вот еда готовилась строго своими руками и травы для зелий собирались и сушились тоже. На птичьем дворе солому с пометом грабли убирала самостоятельно, но зерно курочкам сыпалось хозяйками. Белье в бадье стиралось само, елозя остервенело по доске, но вот постели, как заметила Лёна, девушки заправляли собственноручно.

В общем, сразу и не поймешь, что к чему, где волшебством можно обойтись, а где положено руками поработать.

Но не только использование магии настораживало и приводило в недоумение девушку. Те же волшебницы Долины были довольно... своеобразными, как бы ни сказать – странноватыми.

Все, и дамы, и девушки, которых она видела в деревне, были без исключения рыжеволосы. Конечно, самым ярким пятном всегда и везде выделялись головы их хозяек – рыжие до красноты, подобные пламени. Ну, а волосы всех остальных заполняли огненную палитру от и до. То есть, от светлых, лишь чуть приправленных золотом, как если бы Льянка сквозь свои родные белые пряди посмотрела на солнце, и до темных, почти черных, но с тем же теплым отливом – такие становились у Ворона, когда он близко к огню наклонялся.

А глаза-то при этом у всех разные! В смысле – на каждом лице. Каких только разноцветных пар Льянка уже не видела за последние дни! И желтоватый, как у Тая, с коричневым, и голубой с зеленым, и фиалковый, как грозовая туча, с серым, туманным! Невероятное зрелище!

Меж собой волшебницы говорили все больше о магии, о ее использовании, о зельях и наговорах. И разговоры те велись в открытую, разгораясь порой до споров, и при этом никто не спохватывался, голоса не понижал и на окружающих не оглядывался.

Но самым главным, что поразило ее в деревне, знаете что было?! А не угадаете! Здесь, в этой Долине волшебной, оказывается, феечки жили! Только не так, как у них в Лесу, толи живностью домашней, толи прислугой полезной, а вольным образом – сами по себе! Да, еще и с собственными... мужчинками... парнями... мальчишечками... Льянка прямо и не знала, как назвать-то этих малюсеньких хрупких мужичков со стрекозьими крылышками!

Да-а, а знакомство ее с ними началось с казуса – у нее потерялась Лялька. И тыква вроде на месте, и, кажется, рядом только что была, а потом раз – и пропала фейка! И день ее нет, и два...

По началу-то, конечно, как-то не до нее было – раненый Вик, заклятая болезнь его непонятная, нервозность всеобщая, то да сё. Но вот на третий-то день Льянка феечку все-такихватила и пошла ее искать.

Выйдя из ворот со двора на площадь, она поначалу растерялась. Куда податься? Да еще цветные плитки под ногами мерцали лаковым блеском и отвлекали ее внимание от задачи. Стоя на глянцевой гляди мозаичных фрагментов, так и тянуло угадать, на какой же части рисунка сейчас находишься. Перетекающие один в другой оттенки разных цветов завораживали, но с близкого расстояния никак не хотели складываться в определенные формы.

Впрочем, Лёна знала, как выглядит картина в целом. Из окна своей спальни она не раз разглядывала ее, поражаясь талантности неизвестных мастеров. С третьего этажа прекрасно проглядывался весь красочный орнамент – от самого центра, от костровой ямы, к краям круглой площади тянулись изумительной красоты цветы, переплетаясь меж собой стеблями, листовой и бутонами. Поразительной сочности краски перетекали от ярких тонов в полутона, делая рисунок объемным и даже, казалось, живым.

Так бы и топталась она, пытаясь определить по основному цвету у себя под ногами, стоит она на цветке или листке, если б не местные детишки, которые шумной стайкой подлетели к ней. Видно, в Зачарованной Долине чужие люди бывали редко, и ее открытое появление на площади привлекло их.

Щебеча свои имена вперемешку с вопросами, они окружили ее, при этом каждый из них пытался привлечь именно к себе внимание редкой гостьи. Ее осторожно дергали за руки и камзол, заставляя вертеться в разные стороны, и совершенно не давая возможности внятно ответить хотя бы на один из заданных вопросов. А самая младшая из девочек, имя ее, конечно же, девушка не расслышала в многоголосом гвалте, даже попросила разрешения потрогать ее, Льянкины, острые эльфийские ушки. Такую трогательную просьбу малышки, Лёна, естественно, проигнорировать не смогла и присела, подставляя голову под маленькие пальчики. И девчушка, робея от такой удачи, что именно на нее гостья обратила внимание, осторожно коснулась одного уха.

Дети примолкли, пораженные такой податливостью эльфийки и в наступившей тишине вперед выдвинулся старший из мальчиков. Светловолосый, краснощекий и крепенький, как боровичок, он держался с достоинством взрослого мужчины:

– А я тебя знаю. Ты гостишь в доме у моей бабушки, – степенно произнес он.

– Ты внук госпожи Норы? – спросила его Льянка, поеживаясь от щекотных ощущений.

– Да. И брат Эль... и дядя Ривы, – ответил «мужичок». Притом последнее было сказано уже с заметным превосходством. А как же? Это ж такая гордость быть дядей девушке вдвое старше тебя.

Впрочем, как поняла Льянка из слышанных в доме разговоров, у горделивого дяди должна быть еще и пара племянников... зим семидесяти так от рода. Но, он толи не знал о них вообще, толи по малолетству запомнил, толи просто упоминать сейчас о них не захотел. Как бы то ни было, но Льянка тоже заговаривать об этом не стала – сейчас следовало решать насущные проблемы.

– Ребятки, – обратилась она к притихшим детям, – а не видели ли вы где-нибудь феечку – ну такую, маленькую, с цветными крылышками, как в сказках?

– Феечку?! – хором воскликнули дети и загомонили опять, перебивая друг друга: – Феечек нету! У нас есть фаты! Они тоже с крылышками! И малюсенькие – чуть больше ладошки! Живут тама! В дубовой роще! – и дружно замахали руками куда-то в сторону северного склона.

– Пошли! Пошли с нами! Мы тебя отведем! – и пока Льянка соображала, что возможно их феи из Леса и фаты из Долины одни и те же существа, ее уж подхватили под руки и потащили в сторону, в которую только что указывали.

Они сначала всем гуртом пронеслись по одной из улиц деревни, затем вдоль склона уходящей далеко вверх горы, а потом нырнули в узкую расщелину, которая вскоре расширилась и вывела, наконец-то, их к дубраве.

Конечно, привыкшая к необъятным лесам Льянка этот несчастный десяток деревьев, зажатых стенами ущелья, рощей бы не назвала, но спорить сейчас с детьми и высказывать свое мнение девушка не стала. Она просто окинула взглядом небольшую долину, поражаясь как в таких условиях дубы, любящие простор, смогли набрать хоть какие-то мощь и силу.

– Фаты любят большие дельвья! – сказала малышка, тряхнув вслед своему указывающему на древние дубы пальчику рыжеватыми кудрями, и заерзала у нее на руках. Лёна уж давно подхватила ее, еще в деревне, боясь, что маленькие ножки той устанут при быстром беге, который задали старшие дети.

« – Да кто б сомневался!» – подумала Льянка, спуская девочку с рук.

Когда девушка вслед за детьми подошла ближе к деревьям, то стало понятно, что изда-лека оценить высоту этих исполинов она адекватно не смогла – покрытые кустарником склоны вокруг и слоистые уступы гор, служившие фоном, зрительно скрадывали истинный размер древних дубов. Они, конечно, уступали в размахе Дом – древам ее родины, но тоже были неимоверно огромны.

– Ну, зови свою фату, – велела малышка и заинтересованно стала оглядываться.

В принципе, все детишки, что были сейчас с ней, заозирались. Как поняла Лёна из их отрывочных и сбивчивых объяснений, пока они бежали, что здесь, в Долине, не принято было близкое и частое общение с фатами. Они жили сами по себе, выходя к людям только по Великим праздникам, чтоб танцевать с молодежью вокруг костра. Поэтому ребята так до конца и не поверили, что у девушки есть своя фата, которая путешествует вместе с ней.

– Ляля-а! Лялечка-а! – голосила Льянка, задрав голову и приложив ладони рупором ко рту. Звуки летели вверх, путаясь там в желтеющей листве, и было непонятно, долетают ли они до тех ветвей, что, казалось, расположились где-то под самыми облаками или так и остаются внизу, зацепившись за нижние сучья. Но не успела девушка испугаться, что ничегошеньки-то у нее не получается, как дети радостно загомонили:

– Вон! Вон фаты! И там тоже!

И точно, сразу с нескольких деревьев сорвались стайки разноцветных стрекоз. В основном группы, выпорхнув из листвы, зависали, не долетая до детей десятков саженей, но вот одна продолжала движение, мягкими кругами приближаясь к ним. И возглавляла ее так хорошо знакомая Лёне стрекоза с розовыми крыльями.

– Лялечка! Моя Лялечка! – даже слезы выступили от радости на глазах девушки.

А феечка приблизилась к ней и зависла перед самым лицом, при этом голова ее была опущена, а ручки покаянно прижаты к груди.

– Ты зачем меня бросила! Сбежала и не предупредила! Я же волновалась! – накинулась на нее Льянка.

А фея зашебетала в ответ что-то волнительное такое, жалостливое, при этом, то протягивая руки к подруге, то опять просительно прижимая к себе. Лёнка, конечно, чириканья феи не понимала, но за годы общения с Лялей прекрасно научилась общаться с ней языком жестов. Так что было ясно и без слов – загулявшая фейка вымаливала прощения.

– Да я понимаю, что ты нежданно-негаданно родню нашла, но могла бы и предупредить, – продолжала ей выговаривать девушка, неготовая так быстро простить пренебрегшую ею подружку.

Тогда Лялька чуть отпорхнула назад, открывая взгляду другую фею... нет... фея... ах да, фата! Отчего глаза Льянки, в прямом смысле, полезли на лоб – ну не ожидала она такого поворота дела! Перед ней с независимым видом и вызывающе сложенными на груди руками висел в воздухе... парнишечка! Крылья у него были цвета последнего отзвука заката в предветренный день. А глаза, из под такой же пурпурной челки, смотрели вполне по-мужски – уверенно и горделиво! Суровый мужичок такой, одним словом. И никаких тебе скидок на маленький рост!

– Ты друга себе нашла?! – спросила феечку Лёна, когда справилась со своим удивлением и смогла вымолвить вопрос.

Но Ляля отрицательно помотала головой и стыдливо отвела глазоньки. Та-ак... понятно...

– Дружка, значит! – уже не спросила, а вполне утвердительно заявила девушка.

« – Ага! Ага!» – закивала фейка и ее мордаха, размером с перепелиное яичко, залилось румянцем. А новоявленный ухажер, сменив на лице гнев на милость, подхватил Лялину ладошку и приложился к ней, как заправский придворный кавалер.

– Даже так... – расстроено протянула Льянка. Она, конечно, желала подруге всего самого лучшего... но пока еще не была готова вот так сразу радоваться ее счастью, из-за которого придется скоро расставаться. А осознание собственного эгоизма и того более портило настроение.

Но фея, подлетев к ней, погладила по щеке и замотала головой, делая «строгие» глазки.

– Ты хочешь сказать, что не бросишь меня? И когда придет время, уйдем из Долины вместе? – неверяще спросила Лёна.

Ляля закивала головой утвердительно, а взгляд, который она перевела на пурпурного фата, стал тоскливым-тоскливым, отчего тот, чирикнув что-то, прижал ее ручку к своей груди.

От этой сцены Льяна совсем расстроилась:

– Ладно, живи пока здесь, а там посмотрим, – сказала она и, послав фею воздушный поцелуй, пошла с поляны. Дети потянулись за ней.

Остаться без Ляльки было, конечно, плохо. Лёна скучала и изводилась мыслями, что фея может передумать к тому времени, когда придет время уходить из Долины. Но, как часто бывает в жизни – что-то неприятное приводит к довольно неплохим последствиям. Временно потеряв одну подружку, в лице детишек, что помогали Лёнке ее искать, она нашла нескольких друзей. Особенно сблизилась она с Альном, тем самым горделивым дядей Ривы. И с той

малышкой, что так непосредственно интересовалась Льяннкиным ухом, и ее старшей кузиной. Девочки, конечно же, носили длинные и сложно выговариваемые имена, как и положено волшебницам, но представились они просто – Эми и Лия.

Льянка всегда, еще со времен знахарства в своей родной деревне любила и умела находить общий язык с детьми. Так что и здесь, в Долине, подружиться с малышами труда ей не составило.

Альн при более близком знакомстве оказался совсем даже и не заносчивым пареньком, а вполне себе милым и в какие-то моменты даже застенчивым.

Девчоночки же были именно такими, как и показались девушке с первого взгляда. Младшая была порывиста и любопытна, и старалась добиваться своего всеми доступными способами. А старшая, как и ожидалось, нежной и мягкой. Но эти ее качества несколько не мешали ей постоянно охлаждать необузданные порывы младшенькой.

Может быть, про новых приятелей Льянки и не стоило так много говорить, мало ли таких ребяток еще купится на дружелюбие, обаяние и остренькие ушки юной эльфийки, но вот именно эти дети, в отсутствие потерявшей голову влюбленной Ляльки, стали «отдохновением души» для Лёны в последующие дни.

А дни... нет – недели, последовавшие за днем поиска феи, стали воистину тяжелыми для всех вообще и для Льянки в частности.

Вик сгорал от жара, а в минуты светлого сознания мучался от боли. Они все, чередуясь между собой, сидели возле него, напряженно дожидаясь редких моментов его трезвого бодрствования. Но он так быстро опять погружался в бессознательное состояние и был так слаб, что им никак не удавалось разузнать у него, кто же является ему в бреду.

Лёна, как и все остальные, каждый день отсиживала свое время возле него, напряженно ожидая момента улучшения. В остальные же часы она старалась занять себя чем-нибудь – помогала dame Норе в приготовлении лекарств для Вика, учила Ли основам эльфийской магии и читала книги из библиотеки волшебниц, пытаясь найти в них что-то полезное для своей человеческой половины.

Все эти занятия требовали сосредоточенности и напряжения если и не физических сил, то умственных и эмоциональных точно. Поэтому так и были ценны те час-полтора, что она, бывало, проводила в компании своих маленьких друзей – легкий треп не о чем, наивные вопросы о ее жизни в Дриадовом Лесу и ответные рассказы ребят об особенностях Зачарованной Долины в очаровательной детской интерпретации.

« – Но, слава Многоликому, тяжелые времена, кажется, подходят к концу!» – радовалась про себя Льянка, вспоминая последние недели и перебирая травы, которые госпожа Нора попросила ее подготовить для зелья. Скоро, по прибытии из Акселла Ворона и девушек, они снимут заклятье Ламарской ведьмы и приступят уже к настоящему лечению Вика. В благополучном исходе их предприятия Льянка, почему-то, совсем не сомневалась. Почему? Да потому что интуиция ее еще ни разу не подводила. И сейчас, в эту минуту, она не испытывала ни малейшего сомнения, ни напряжения, а просто чувствовала уверенность и спокойствие.

И если тогда, в Акселле, она подспудно все время ощущала, что что-то идет не так, то теперь уж точно все складывалось как должно!

Вик проснулся, но открывать глаза не стал. Сегодня только пятый день, как его перестал терзать пылающий во всем теле жар, и ему до сих пор было еще слишком непривычно вот так приходиться в себя – сразу со «светлой» головой и «гладкими» мыслями.

Впрочем, и боль, которую он ощущал, теперь была другой – она перестала быть всеобъемлющей, а локализовывалась только в месте самого тяжелого ранения мерной и вполне терпимой цепкостью. Дырка в бедре почти совсем затянулась, а лубки с него сняли сразу, как он пришел в себя. Ссадина на затылке, которую он заработал, когда грохнулся на камни там, на

лесной поляне, и ранки от зубов тигра на руке, те вообще перестали беспокоить. Если конечно не считать шершавых, чесучих корочек на их местах.

В общем, отныне он пробуждался с неумной жадной к жизни и бурной деятельности, и в этом состоянии хотелось резко вскочить, петь и плясать. И даже было не важно, что пока он не мог и с постели-то встать самостоятельно, ему было вполне достаточно понимания, что скоро-то обязательно сможет!

Вик открыл глаза. Еще раз, посмаковав ощущение того, что солнечный свет больше не режет их, а «колючий песок» не мешает видеть, он осмотрелся. В пяти шагах от него, возле окна, на крытой ковром скамье сидела Рива и сосредоточенно вышивала.

Почему он уверен, что до окна всего пять шагов? Ха, да потому что он, не далее как второго дня, подгадав момент, когда возле него никого не было, собственными ногами отмерил их! Да, ему сначала показалось, что сесть на краю кровати, удерживая вертикально тело и не поддаваясь накатывающему головокружению, будет главной проблемой. Но сделав первый шаг по направлению к окну, он понял, что сидение на кровати, имея три точки опоры – задница и два кулака, это так, цветочки. А вот заставить себя передвигать две безвольные ходули, что числились у него за ноги – это-то и есть наиважнейшая «ягодка» в достижении желаемого. Нижние конечности, казалось, совсем не имели ни мышц, ни костей, и совершенно не собирались двигаться с места. Так что все эти пять шагов, что разделяли постель и лавку под окном, он отмерил не только своим телом, но и волей, приложив, что уж греха таить, большую долю самолюбивого гонора. Если б не понимание, что Эль может найти его валяющемся на полу, как полудохлую зверушку, то и не дошел бы...

Так, а теперь к вопросу о том, откуда он знал, что в данный момент у окна сидит не Эльмери, а ее сестра. Тут было сложнее объяснить, чем вялые мышцы и головокружение после многодневного жара и безвылазного лежания в постели. И объяснение то, лежало где-то между обычной интуицией и совсем уж мистического осознания, что одна из девушек является чем-то вроде неотъемлемой части его собственной сущности.

Но, как бы то ни было, Вик всегда точно знал кто из них зашел к нему в комнату, стоило одной из девушек переступить порог. И сбить его не могло ни поразительное внешнее сходство сестер, ни то, что он был практически незнаком с обеими.

Вот и сейчас, только бросив взгляд на склоненную над пальцами фигурку, он понял, какая из девушек находится в данную минуту перед ним. И не важно, что выбившиеся прядки совсем скрыли лицо от него.

Впрочем, и лица девушек были очень похожи, и разницу можно было уловить далеко не с первой минуты общения с ними. А сам Вик только на вторую или даже третью встречу определил различия. У Ривы личико было немного пошире, поскуластей, а тонкий носик, чуть более вздернутым. Самым же заметным отличием у них были глаза – у Эль темные, один цвета лесного мха, а другой синий, как небо в последний миг заката. У Ривы же светлые, ясные: один подобен Лёнкиному – что твой листик весенний, а другой прозрачно голубой.

Но, как было уже сказано, не внешние различия действовали на Вика, а что-то подспудное, в душе его живущее. Стоило Эль ступить в комнату, как принца пробирало изнутри радостной нежностью и ощущение появлялось, что знает он эту девушку давно, да забыл просто из-за болезни тяжелой, где виделись.

Сначала он и, правда, пытался вспомнить, где встречались, где пересекались, но потом понял, что если бы дело обстояло именно так, то на ее сестру, похожую невероятно на Эль, он реагировал бы так же. Но нет, Рива вызывала в нем не более чем симпатию, возможную в отношении любого приятного человека, да легкий отклик чисто мужского нутра как на, опять же, любую красивую девушку.

Да-а, вот такие дела... и не только...

Вокруг, пока он был в беспамятстве, как оказалось, произошло много интересного и нового. Нового в смысле странного. А если учесть что и времени прошло всего ничего – что там, какие-то несчастные три десятницы, то и перемены те показались ему более значимыми и важными.

Во-первых, Тай. Такой нежной заботливости в грозном и грубоватом Тигре Вик и заподозрить не мог. Сколько раз он, выполняя обязанности наставника при молоденьком принце, так нещадно гонял его на ристалище, что потом был вынужден залечивать синяки и ссадины подопечного. И никакого намека не то что на жалость, но и на элементарное сочувствие Вик в нем ни разу не усмотрел. Парень, в понимании Тая, должен был расти стойким и терпеливым, и всякие болячки уметь переносить на ать-два! И вот, пожалуйста, вхохчет над ним теперь, как насадка над цыпленком – влажным полотенцем обтирает, на ручках с места на место тягает, а словечки порой подбирает такие ласковые, что Вик, не залипай у него глаза от жара, так бы их обалдело и выпучивал каждый раз.

Во-вторых, Корр. Этот-то и раньше был более терпимым и понимающим к слабостям других, так что его повышенное внимание к своей больной персоне Вик воспринимал не так остро. Но вот то, что Ворон, с его-то вечной озабоченностью, сидит безвылазно дома, и это в деревне, где большинство населения молодые и красивые женщины, принца поразило неимоверно. Понятно, что волочиться за хозяйками дома он бы не стал, для этого Корр был слишком хорошо воспитан. Но Вик помнил, что изредка приходя в себя, видел в доме и чужих красоток, да таких, что не будь он столь плох, то и сам бы позаглядывался немного.

Теперь о Ли. Этот, как оказалось, вообще в себе магию открыл! Нет, вы представляете? Понятно, эльфийская кровь тормозит в нем физическое развитие, но ведь не в двадцать же зим такому Дару просыпаться! И если бы не Льяна, которой отец какие-то азы успел преподать, то были бы они все бедные при таком-то положении вещей – никто ж не знал, как с эльфийской магией обращаться. И улыбался он теперь почти беспрестанно, то застенчиво, а то задорно и весело. В общем на старого, привычного Ли, парень и похож-то не был.

А вот Лёна, наоборот, стала какой-то задумчивой и тихой, да еще периодически начала в юбки рядиться. Вик-то ее вообще не признал, узрев в первый раз в платье и чепце полотняном, скрывающем ее короткие перекрашенные волосы, посчитав за одну из многих приходящих поддержать его силы женщин деревни.

Но самые неожиданные перемены были, конечно, в нем самом. Первая, внешняя – это обстриженные коротко волосы. Вик и не помнил себя таким никогда. В детстве он всегда носил локоны, чуть ли не до середины лопаток. Впрочем, для маленького принца такая прическа была вполне обычна. Позже, когда он подрос и его стали приобщать к воинским занятиям, ему, конечно, их подрезали. Но всегда, как он помнил, они были настолько длинные, чтобы он мог убирать их в хвост. А теперь у него и с ушей, и с шеи, и с затылка, волосы были сняты почти полностью, как у Тая. И, что самое забавное, эта легкость собственной головы ему нравилась.

Но это изменение было внешним и уж точно не кардинальным, а вот его ощущение себя как раз оказалось таковым. Многие годы сдерживаемый Дар, который, то зверенышем жалким скребся изнутри, то злобной зверюгой выдирался наружу, сейчас, как знал Вик, был «выпущен на волю», и никакой «живности» внутри себя он не ощущал. А наоборот, казалось, что теперь вокруг все стало ярче и объемней... и, если прищурить глаза особым образом, то видно становилось даже больше чем когда-нибудь раньше. А именно: вот как сейчас, легкое бледно-золотое сияние вокруг сидящей у окна Ривы, или пушистый «котенок» внутри оборотней, если кто-то из них рядом, или узор из цветных ниточек, когда дама Нора ворожит над его ранами!

Он видно пошевелился невзначай, потому что девушка вдруг подняла голову от вышивки и посмотрела на него. А увидев, что он проснулся, улыбнулась, пожелала ему доброго утра и пошла звать всех остальных.

Ох уж эта их заботливость! Вик уже начинал уставать от такого безотрывного внимания к себе. Вот сейчас налетят, закружат – взбивание подушек, умывание, обтирание, а потом кормежка с ложечки! Да, еще этот ужасный холодный плоский горшок... когда уж он сможет сам до отхожего места добраться?!

« – А потребу-ка я, что б меня под белы рученьки туда водили! Хватит, в конце концов, надо мной издеваться!» – решил он, наблюдая как в комнату залетают Корр, Тай и Ли, и сразу же начинают действовать по оглашенной схеме.

В общем, утрясая намеченный вопрос, Вик уладил дело и с кормежкой – раз сумел до комнаты уединения сам добраться, то уж ложку в свои руки отвоевать труда не составило.

А после всей этой утренней экзекуции, сегодня ужесточенной еще и руганью с препирательствами, когда он сидел подпертый подушками, такой весь из себя чистый, сытый и довольный, к нему пришла госпожа Нора.

В общем-то, дама сия приходила проведать его каждое утро и после осмотра ран, как правило, заводила тревожащие и смущающие его неподготовленный ум разговоры о магии.

Хозяйка их была довольно суровой теткой и с первого дня Викова выздоровления совершенно не делала скидок на его болезненное состояние. Без лишнего миндальничания, без хождений вокруг да около, она высказывала ему свое мнение, что, дескать, Дар у него невероятно велик, и отказываться от него принц не имеет права.

Вик же, привыкший бояться сего Дара и проявлений его, пытался выкручиваться поначалу, как и раньше говоря, что практикующие маги в нынешние времена деток иметь не способны, а ему, как единственному пока наследнику брата, именно об этом вопросе волноваться положено. И что подождет он пока годик-другой с магией-то этой.

Его и уговаривали, и стыдили, и даже ругали, но «сдвинуть с места» устоявшееся мнение пока не смогли.

И вот сегодня он приготовился к очередному словесному бою. Но, как ни странно, дама Нора повела себя по-другому. Она не стала давить или пытаться вразумить, а начала разговор с вопроса:

– А тебе не приходило в голову, что ты сейчас живешь в месте, где каждая женщина и девушка, да и некоторые из мужчин магией владеют, а вот детишки, тем не менее, в деревне не переводятся? Вон Льянка ваша уже и друзей-подруг среди них завела. Да и сама она рождена, кстати, вполне опытной уже, практикующей волшебницей...

Нет, он об этом не задумывался. Сам-то Вик на улицу не выходил и детишек тех не видел. Хотя... что-то там Тай ему подобное о Лёне-то говорил... но давно, так что дословно уже и не помнится.

В общем, что он надумал, то и выложил даме Норе. Но, что удивительно, вопросы-то разные в голове закружились:

– А почему так получается? Может от места зависит? Вы вот в Зачарованной Долине живете, а Льянка возле Дриадова Леса росла... – стал он подбирать логическое объяснение происходящему.

– А ничего, что многие наши волшебницы сотнями зим в Миру обитают? Вот моя внучка младшая, Эль, была рождена не в Долине, и до десятой зимы про нее вообще ничего и не знала! – подкинула в их спор госпожа убедительный довод.

– Но тогда в чем же дело? – уже заинтересованно воскликнул Вик.

– А в необразованности современных магов! Древние книги читают невнимательно, спешат, все стараются мощь побыстрее нарастить, что-то свое – новое придумать, чтоб авторитет у собратьев заработать. А законы, на которых держится человеческая магия, по боку пускают как ненужные, – с готовностью ответила женщина. – Раньше-то, при Первых королях, всех магов наши предшественницы, волшебницы Дола, обучали. Но в последующие годы, когда королевская кровь в разные семьи пошла, и магов рождаться стало все больше и больше, на

всех нашего внимания уже перестало хватать. И практика обращаться к нам за обучением одаренных детей со временем сошла на нет. Уже ко времени Смута мы жили сами по себе, а люди, даже королевские Семьи, отдельно. И всего нашего влияния только и стало хватать, что на исправления самых грубых людских ошибок. Одни Смуты чего нам стоили! – эмоционально воскликнула дама.

Чувствовалось, что задевала ее «за живое» эта ситуация с недоученностью современных магов. Но взяв «себя в руки» и приостановив бурный монолог, она уже спокойным голосом спросила:

– Ты, кстати, уже видишь сущность других? – и, дождавшись кивка Вика, задала следующий вопрос: – Что именно?

Тут уж Виктору отделаться кивком не удалось, пришлось давать полный расклад:

– У эльфов вижу как бы кристалл хрустала, у оборотней что-то вроде животинки пушистой, а у вас и других волшебниц сияние светлое, – отвечивал он.

Женщина, выслушав его, говорить ничего не стала, а пошептала на ладонь и в сторону двери дунула. А через пару минут молчаливого ожидания в дверь постучали, и в проем ступила... Лёна:

– Звали?

– Проходи девочка, – сказала ей дама Нора, – вот хочу Виктору кое-что объяснить. Не могла бы ты открыть его взгляду свою ауру человеческой волшебницы.

Льнянка кивнула и, прикрыв глаза, слегка напряглась. И увидел Вик, что девушку окружает такое же облако света, как волшебниц Долины. Хотя нет...

Госпожа ждать не стала, пока он расчухается и что-то сам соизволит изречь, а тут же и спросила его об этом:

– Видишь? А разницу чувствуешь?

– Угу. Свет, идущий от Лёны желтоватый, наподобие солнечного, а от вас светлее – как будто лунный исходит.

– Правильно. Ее аура тоже чистая, но цвет уже пограничный – дальше бы уже искажения пошли. А расскажи-ка девочке принцу, какая аура у придворных магов, а то он сам-то пока не видел, – попросила волшебница девушку.

– У них свечение более насыщенного цвета – сочно-охряное, и в нем вкрапления разных цветов. В основном розовые, голубые и сиреневые, а чем старше маг, тем больше вкраплений, – послушно ответила девушка. А потом, помявшись немного, дополнила: – А вот у принцессы-ведьмы так вообще кроваво-красные и фиолетовые, почти черные крапинки ...

– Ох, а я и не знала, что с ней все так плохо! – огорченно и вроде как испуганно воскликнула на это госпожа, но вдаваться в эту тему не стала. И поблагодарив Льнянку, отпустила ее.

– Вот тебе и ответ, почему современные маги детей не имеют – аура у них загрязнена и слишком «тяжела» для человеческого организма.

– Да я это понял! Но как они до этого доходят? – воскликнул Вик.

А дама Нора задумавшись, вдруг сказала:

– Протяни мне свои ладони, – и когда он послушно исполнил ее просьбу, положила в одну пучок отщипнутой от своего мехового жилета шерсти, а в другую несколько волосков с кота, который пришел в спальню Вика вместе с ней, а теперь дрых, развалившись на коленях женщины.

– Раз ты из тех людей, что до всего своим умом предпочитают доходить, а не слушать доводы окружающих, то вот и давай – доходи сам! Закрой глаза и почувствуй... – усмехнувшись, сказала на это дама Нора.

Ну, он и закрыл. И потянулся к тому месту внутри себя, где до недавнего времени зверь жил, а теперь уютное такое, теплое место образовалось. Сначала ничего не происходило. А потом... потом появилось ощущение, что в одной руке зажат не клочок овечьей шерсти, а

камень – холодный, тяжелый и черный, да еще вроде как мертвяком отдающий! И ведь главное, что именно почувствовал, а не глазами углядел и носом унюхал! А вот в другой руке, наоборот, как будто кусочек облака – белого, невесомого, свежестью горной пахнущего – разожми кулак и полетит.

– Ну, что? Почувствовал? – раздался насмешливый голос дамы. И тут же волшебство момента схлынуло, оставив в руках ощущение обычных мягких щекотных ворсинок.

– Только дары земли остаются по своей сущности изначально постоянными, а вот все, что живым когда-то было, со временем напитывается черной энергией смерти. А кто из нынешних магов блюдет, когда там были собраны растения для их опытов? Или, к примеру, крыло бабочки... червяк сушеный. А уж с кровью, что пользуют они для усиления заклинаний, и того хуже дело обстоит – склянок полных впрок покупают и чуть ни год льют, куда не попади! Малограмотный аптекарь ее от порчи-то укроет, так что может и не завоняется она, а вот свойства свои кардинально поменяет, точно!

– Да я вроде слышал, что они ее от вполне здравствующей живности берут... – встрял с дополнением Вик, вспомнив мышей в клетках в башне у брата, где однажды побывал.

– Да, некоторые так поступают, но и эти портачат. Там ведь и надо-то всего каплю для усиления действия заклинания. Так ведь нет бы, использовать какую крупную скотину, которой маленький порез не повредит, если уж своей крови жалко, а они все мышей да хомяков пользуют! Понятно, для коровы или свиньи хлев нужен, а для мелких тварей и клетки достаточно, что в любом помещении помехой не будет! Так ведь порежут живность и бросят, спеша свои дела доделать. А мышка создание хрупкое – погибает тут же. И вот тебе и пятно на ауре, да еще и заклинание видоизменяется, потому что это уже не Магия Крови, а Жертвенная получается. И не могут ваши горе-маги не то что деток иметь, но и больших высот достигнуть! Потому что должно во всем порядок и строгую закономерность соблюдать! – все больше расходилась волшебница, жестко клеймя нерадивых магов:

– Все ж свою основу имеет, а им лишь бы денежки капали и слава возрастала! Вот, к примеру, прыщи свести красотке какой или там родинку уродливую – это пожалуйста, действуй, а вот приворот – уже не смей! На себе чей прочувствовал – дело-то черное. Роды принять – для знахарки это достойно, а зелье на выкидыш сотворить – это смертный грех уже! Вот и получается, что колдуньи по деревням, как бы сильны не были, но век свой в одиночестве оканчивают!

Ну, а что Вик? Он понял вдруг, что ничего таинственного и непознанного в этой сфере и нет, а просто, как и в любом деле, свои закономерности есть и законы, которые блюсти надобно. И в первый раз задумался о том, что ничего плохого может и не случиться, если он свой Дар примет...

ГЛАВА 12

А в это время пока Вика где-то аккуратно, а где-то за шкирку и носом, подвели к пониманию, что от даденной Судьбы не уйти, Ли на заднем дворе отработывал навыки в эльфийской магии. За прошедшие три десятилетия он хорошо подтянулся в азах и теперь потихоньку начинал осваивать более сложные элементы.

Пока их принц был совсем плох, Лион, как и все, отсиживал возле него положенные часы, а остальное его время заполнял занятиями нервно-энергичный Тай. Не имея возможности повлиять на состояние Вика, он, исходя невыплеснутым напряжением, старался максимально занять и себя и других делом. Так что свободного времени практически и не было ни у кого. Те, кто в данный момент не сидел у постели больного, все равно были чем-то заняты – тренировались до седьмого пота с оружием, несли повинность на кухне, так как Тай сильно переживал, что они такой ордой «свалились» на головы хозяек, и ухаживали за лошадьми. Вручную! Потому что раскомандовавшийся Тигрище, что называется, легких путей не искал... и другим не позволял.

В общем, когда открылось, что в нем, Ли, проснулся Дар, и он требует пристального внимания и развития, то Тай почему-то решил, что и это дело без него не прокатит. И стали они с Лёнкой с того дня заниматься под пристальным взглядом Тигра. Оно, конечно, для дела может и лучше... недаром Ли такие успехи теперь выказывал, но вот ни поцелушек, ни обнимашек поощрительных в сей процесс обучения больше не входило.

А в последние дни, когда принц стал поправляться, Тигра, видать, попустило, и он разжал свои лапищи, в которых крепко держал и себя, и друзей последние недели. Вон, давеча, даже утреннюю трапезу проспал – о, как расслабился!

Ну, и сегодня, только махнул им рукой издали:

– Давайте сами, мелкие! – и куда-то потрепал. Ха! Как будто они раньше без него не управлялись!

Вот только мысли теперь всякие разные лезли в голову и захотеть положенного никак не получалось.

Юный эльф как раз отрабатывал добычу воды из тучки осенней, что тяжелым низким пологом висела над их головами. Но, как было сказано, мысли Ли от непривычной вольности скакали сегодня как блохи. Ну, а эмоции, как водится, за ними следом. Так что и водица, которая должна была по замыслу течь в ведро ровной струйкой, никак не хотела этому самому замыслу следовать, то падая редкими мелкими каплями, то собираясь в мощную косую струю, а то и вообще, плюхаясь ляпками, обдавала его брызгами с головы до ног.

– Лион, будь внимательней, ты так больше воды расплескиваешь, чем собираешь! – возмущалась Льяна, отходя подальше от них с ведром – это, значит, чтоб и ее заодно не замочило. – Мне что, Тая позвать, чтоб ты смог задание закончить? – строгим учительским тоном грозила она, выглядывая из-за решетчатой шпалеры с уже по-зимнему голыми плетями роз.

– Да ладно, Лёночка! Мы сегодня первый раз, с того момента, как оказались в Долине, можем поговорить свободно без лишних ушей и глаз! Давай лучше договоримся встретиться где-нибудь в тихом местечке, а? – отвечал ей Ли, бросив ведро и напрочь забыв о туче. А пока он это произносил, ноги сами несли его к девушке, а руки, соответственно, тянулись к ней. А когда и те и другие достигли цели, то и губы вступили в дело.

– Ой! Ты что, меня на свидание приглашаешь?! – хихикнула девушка, быстрым взглядом окидывая двор – все ж не хотелось бы, чтоб их застукали за поцелуями.

« – На свидание-е?!» – удивился Ли. Да нет вроде... свидание, в его понимании, это ж там всякие платья красивые, нюни-слюни, цветы да сладости, а он так предлагал, как раньше – по-простому, без сложностей этих...

Тут до него дошло, что он уже лишнего затягивает с ответом и Лёна на него смотрит как-то растерянно.

– Да, на свидание!

А что? Если ей хочется, пусть их встреча свиданием называется. Вон на кухне стырит из вазочки засахаренных фруктов – вот и сладости. «Нюни-слюни» как-нибудь изобразит, раз такое дело, а цветов уже нет, чей иней по ночам выпадает – так что не обессудьте. Ну, а красивые наряды – это вообще, ее забота! Так что пусть будет свидание – ему-то что с того названия? А девочка вон заулыбалась...

– Давай встретимся в лесу за деревней, на южном склоне – там полянок укромных много... – предложил он, вспоминая их вполне уютные встречи во время поездки по Валапийской долине.

– Ну что ты, Лион! Мы же в горах сейчас, не забывай, холода здесь рано наступают. Вон и заморозок случается по ночам, а потом листва сырая весь день лежит, – ответила девушка, как будто тоже вспомнила их хорошие деньки во время путешествия, и прекрасно понимая, почему он ее тянет в лес.

– Тогда я к тебе в комнату поднимусь. Тебя ж одну на третьем этаже поселили, вот никто нас там и не увидит! Я заметил, что кроме котов там и не ходит никто, – выдвинул следующее предложение Ли.

– Да ты что, не знаешь?! Ха-ха-ха! – развеселилась вдруг девушка: – Если хочешь, чтоб тебя не заприметили, котов и надо остерегаться! Они же фамильяры волшебниц, ха-ха-ха! – не унималась она.

– Кто это? – недоуменно протянул Ли, немного обиженный реакцией подруги на свои слова – ну, не знает он, что такое эти самые фамин... фамилк... фамильяры!

– Правда что ли никогда не слышал о них? – спросила девушка отсмеявшись. И дождавшись его набыченного угуканья, стала объяснять: – Фамильяр – это живое существо, на которое волшебница частичку собственного духа переносит. Он помогает ей в жизни, особенно в детстве важен его вклад, когда происходит становление колдуньи. И потом, только с помощью фамильяра она сможет исцелить себя сама. Там много всего, сейчас и не упомяну, но тебе главное знать, что каждая волшебница способна видеть глазами своего помощника – вот так-то!

– Понятно... а ты-то откуда про них знаешь? У тебя же нет своего... этого... или, подожди, Лялька тоже...?!

– Нет, моя феечка просто подружка. А знаю я про них, потому что мне бабушка рассказывала. В старые-то времена многие маги и волшебницы фамильяров имели. Женщины вот, все больше котов да сов, а мужчины – воронов и лис, не оборотней конечно, а именно обычных животных. А потом эта практика сошла на нет. Там ведь, кажется, не магом зверь выбирался, а наоборот... что ли... плохо помню – у самой-то не было, вот и не интересовалась я особо. А в нашем роду у моей прабабушки, у последней, сова была.

– Ну, тогда понятно, откуда даме Норе всегда обо всем известно! Ее-то черно-белый котик вечно шныряет по дому – куда не ступи, кажется, везде эта скотина огромная топчется, – догадливо протянул Ли.

– А мне они нравятся! – воскликнула Льянка. – Такие лапушки ласковые! Я даже жалеть стала, что меня ни один по детству не выбрал...

– Ха, нашла, о чем жалеть! У тебя же Лялька есть, а она, по-моему, даже лучше, чем толстозадый зверюга! – попытался успокоить подругу Ли.

– Да вот ведь и не знаю теперь, есть у меня Ляля или нет ее. Она себе, знаешь ли, дружка здесь нашла, и влюбилась!

Тут вдруг парень понял, что это событие сильно печалит его подругу... и сейчас она ударится в слезы. Надо было как-то уводить разговор в другую сторону, и он, не придумав ничего лучше, чем притиснуть девушку к сарайчику, принялся ее зацеловывать. При этом приговаривая:

– Вот, даже Лялька в любовь ударилась, а мы с тобой все никак не договоримся!

Этим же вечером, или лучше сказать ночью, потому что времечко близилось к полуночи, как только в доме все затихло, Ли намылился на выход. Куда? Да понятное дело – на свидание с Лёной.

Пригоршню сахарных фруктов он припрятал по карманам еще после вечерней трапезы, когда помогал посуду со стола убирать, так что с положенными при проведении такого мероприятия сладостями – был полный порядок. И теперь, только и оставалась, что не шлындра громко ногами по полу да следить, что б котик не увязались следом.

Аккуратно выскользнув в дверь, таясь открытых мест, парень по тени пробрался к калитке. А то луна, даром, что не полным ликом глядела, светила нынче ярко, открывая глазам весь большой двор.

Возле ворот подождал, присматриваясь – не мелькнет ли где любопытная мордуленция одного из хозяйских котов. В общем-то, он так до сих пор и не смог научиться их воспринимать,

как разумных, что бы там Лёна ему не говорила. Так и виделись они ему просто откормленными переростками, а там интеллект, как у восьмизимнего ребенка, ступок хозяйской магии, который коты носят в себе, да и собственное волшебство, не свойственное ни одному другому животному... все это как-то пока не укладывалось у него в голове.

Впрочем, это непонимание истинной природы фамильяров совершенно не отменяло знания, что коты, даже самые обычные, создания весьма любопытные, а потому, лишний раз оглянуться и оглядеться не мешало в принципе.

А убедившись, что слежки вроде бы нет, Ли, прикрыв тихо калитку, направился к северному склону. Он сейчас, возвышаясь над домами, был хорошо виден в лунном свете, переплетая в рваном рисунке отсвечивающие белоснежным инеем грани выступов и черные тени расщелин.

Пробираясь вдоль высоких каменных оград домов-башен, а потом следуя по одной из деревенских улиц уже мимо обычных коттеджей, Ли потихонечку злился:

« – Вот почему Лёнка так все усложняет? А? Ну проследил бы я, чтоб котов на этаже не было – и все дела! А теперь вот приходится красться по ночи, демон знает куда!»

Впрочем, не только исчадью Зла была известна дорога, парень-то тоже прекрасно знал, куда он направляется. Просто после того, что случилось третьего дня, ему как-то в те бани идти совсем не хотелось.

Не то что бы сами бани ему не понравились, он и был-то там всего один раз, но, как часто бывает в жизни, то место где ты опозорился, где тебя подняли на смех, твоим любимым уже вряд ли станет.

А дело было так.

Все дни, пока Вик находился на грани между жизнью и смертью, никто из них и помыслить не мог, чтоб заниматься каким-то делом, которое могло увести их от дома. Так что никто, похоже, вообще из того дома и не выходил все три десятилетия. Хотя нет, Лёнка вроде отлучалась Ляльку искать... но вот сам Ли, точно в деревне до этого раза так и не был, и теми банями даже не интересовался. Тем более что все удобства, так сказать, были под рукой... что на самом деле они под другое место приходились, эльфенку даже про себя проговаривать это было как-то стеснительно...

В общем, были в доме на этажах такие миленькие комнатки выложенные изразцами. С большими медными ванными, как та, у Вика в шатре на королевской биреме, с фарфоровыми стульчаками под то место, про которое прилюдно не говорят, и с всевозможными механизмами гномьего производства, что воду чистую подают, а грязную отводят. Короче – чудо, а не комнатки, все как в лучших замках! И чего его понесло в эти бани?...

А рассказал про них Альн, внук дамы Норы и новый закадычный приятель Льянки. А уж расписал их – вроде и не мыльня обычная, для чистоты тела созданная, а прямо место сказочное! Ну, Ли и пошел.

Сразу за домами, прямо в камне северного склона, была вырублена лестница, которая, немного поплутав меж скальными выступами, привела их с Альном к цели. На площадке, расположенной чуть выше крыш домов-башен, и откуда вся деревня была видна как на ладони, красовался барельеф, где мужчина и женщина, выточенные в натуральный рост, указывали руками в разные стороны.

Мальчик, пролетая мимо них, не дал и Ли толком разглядеть рисунок:

– Тама женская часть, – махнул рукой направо, куда указывала каменная женщина, и потащил парня в другую сторону, соответственно в ту, куда направлял мужик.

Пройдя под каменной аркой, они ступили на поросшую низкой травой поляну, огороженную уступчатыми стенами. В помещении было влажно, тепло и шумно. Впрочем, это и не было помещением в прямом смысле слова, так как над головой висело все то же тяжелое осеннее небо.

И везде, в этой толи зале, толи горной расщелине, журчала исходящая теплым паром вода. Она сбегала по уступам склонов, текла по каменным желобам, заполняя десяток ям, а в одном месте и падала пологом невысокого водопада в большой бассейн, тем самым прогревая и наполняя влагой воздух во всем ущелье.

Так же, как водой и паром, забранное в камень помещение было наполнено неоднородным звонким шумом. В нем звучали и шелест мерно стелющихся струй, и гул падающего потока, и восторженные вопли и визг нескольких пацанов, что в данный момент резвились под водопадом.

Входная арка, дальний бассейн и ямы с водой, оказавшиеся ванными, выдолбленными прямо в горной породе, соединялись дорожками, выложенными плоскими гольшами. А когда Альн заставил Ли разуться сразу у порога, стало понятно, что и трава устилающая основное пространство, и камень на тропках, приятно теплые.

Альн, махнув рукой на ванны и не дав задать ни одного вопроса, скороговоркой ответил на все возможные разом:

– Вот, лезь в любую. Источники природные, все остальное дело рук Темного и первых волшебниц, а вода стекает в каменные трубы под землю – потому и травка здесь живая круглый год, – сам он уже на Ли не глядел, а весь был там – у бассейна, и становилось понятно, что если еще хоть на минутку задержать его возле себя, то мальчишка, как ретивый конь, забьет ножкой от нетерпения.

– Беги к друзьям, дальше сам разберусь, – только и успел сказать Лион, а тот, на ходу снимая рубаху, сразу же понесся вглубь помещения к водопаду. Когда Альн умудрился избавиться от сюртучка, парень не заметил, но вот штаны, которые так же легко на бегу не скинешь, заставили его понервничать за младшего приятеля. Но тот умудрился и из них ловко, как кузнечик из травы, выпрыгнуть, ни на секунду не останавливаясь.

« – Похоже, не в первый раз он этот трюк проделывает», – восхитился Ли, а сам тем временем направился к ванным с теплой водой.

Он прошел всего половину расстояния к облюбованной уютной яме в самом углу, а мальчишка, уже голяком, взлетал на бортик бассейна и, пробежав по краю, с громким гиканьем в высоко прыжке полетел под самые струи водопада.

Слегка позавидовав и пообещав себе после положенного омовения проделать что-нибудь подобное, Ли стал раздеваться, складывая вещи на одну из узорчатых каменных тумб, что удобно располагались, видимо, как раз для этих целей, между купальными местами.

Забрался аккуратненько, расположился удобненько, и время потекло незаметненько...

Блаженство! Проточная теплая водица ласково окутывала тело, пузырьки газа приятно пощипывали кожу, ароматное мыло пахло любимой хвоей, а мальчишки, кажется набесившись, решили на время умолкнуть. Лион дремал, разморено развалившись на сиденье, и уже почти не думал о намеченных ранее энергичных развлечениях.

– Лион, ты спишь? – вдруг неожиданно над самой его головой раздался голосок Альна.

– Чё хотел? – лениво, не открывая глаз, спросил его парень.

– Да вот ребята хотят с тобой поздороваться. Всем же интересно на полуэльфа поглядеть вблизи, а вы все время в бабушкином доме сидите... – протянул пацан.

Ну, вот что прикажете с этим делать? Ладно. Спать тут все равно не место, да и не время...

– Зови своих друзей, будем знакомиться, – разрешил Ли и открыл глаза.

Альн призывно замахал рукой, и в ответ на этот его жест сначала раздался многоголосый радостный вопль со стороны бассейна, а потом и сами мальчишки, числом человек шесть, полезли из него.

Ли разглядывал пацанов, как те сначала подтягиваются на руках, потом закидывают ноги на бортик, вылезают полностью, встряхиваются как собачонки и припускают бегом в его сторону.

Сначала юный эльф смотрел на это дело вальяжно, в пол глаза, потом его что-то насторожило в увиденном и он открыл очи пошире, и наконец, разглядев все в точности, он уже их и выкатил, да еще и заорал во всю глотку – следом за пятью обычными человеческими ребятами спешил о... орк. Орк? О-о-орк! Не то что бы Ли видел их когда-нибудь вживую, так только, в книгах да на старых фресках, но это точно... определенно был самый настоящий орк!

Зверюга, возвышаясь над другими мальчишками головы на две, тяжеловато переваливался на бегу, увесистое хозяйство его мотылялось из стороны в сторону, плюхаясь о зеленые ляжки, а страшная рожа скалилась довольной клыкастой улыбкой.

Неимоверным усилием Ли заставил себя заткнуться и пружинистым единым движением выдернул свое тело из ванны.

« – Ни меча, ни лука, ни кинжалов! Чё делать?! Пацанов спасти надо!» – пронеслось в голове молодого эльфа. Он стал спешно выковыривать голыши из дорожки, но те, закрепленные не только раствором, но и магией, поддаваться его рукам не собирались. Обломав пару ногтей и ссадив до крови пальцы Ли плюнул на них и кинулся навстречу чудовищу с голыми кулаками, потому что мальчишки уже были совсем рядом, а орк на подходе.

С воинственным кличем он повалил громадину!

Впрочем, краем заполошной мысли парень все-таки отметил, что зверь ему попался какой-то мелковатый, наверное, не выше его самого ростом, а он-то думал всегда, что в них должно быть не меньше... полутора сажений...

Но, это так, стороной промелькнуло, а тело тем временем действовало само – подмяв под себя гада, Ли оседлал его и занес кулак в первом ударе. Но... ему не дали закончить действие! Чьи-то сильные руки подхватили парня и сдержали с орка.

– Ты зачем ребенка обижаешь?! – послышалось следом. Потом что-то еще говорили ему... но юный эльф, в боевом запале, подогреваемом неимоверным страхом, ничего не слышал и продолжал вырываться из крепкой хватки. А вырвавшись и не увидев орка возле себя, кинулся вон из бани.

Высочив на площадку с барельефом и поняв, что враг уже спустился по лестнице и бежит к деревне, заголосил:

– Люди спасайтесь, там орк! Хватайте мечи, валите его! Он же уйдет!

Впрочем, как бы он не старался, гаду удалось-таки смыться, а вот сам парень далеко не ушел – на первой же ступени спуска он столкнулся с какими-то девицами, которые вместо того, чтоб испугаться орка, прикрываясь ладошками и краснея, захихикали над ним – Ли.

Тут из женской части бани показалась одна из взрослых волшебниц и, поведя рукой... стреножила его. Юный эльф повалился под ноги девчонкам, забился в психе, заорал в очередной раз, пока на него не наложили и заклятье немоты, и только после того, как осознал собственную беспомощность, начал потихоньку приходить в себя.

Сколько уж времени прошло, пока Ли смог поглядеть вокруг трезвым взглядом, неизвестно. Но когда смог, то обнаружил, что спина его от ледяных камней, на которых он возлежал, занемела от холода, а вокруг толпиться народ. Тут были и те мужики, которые не дали ему убить орка, и волшебница, угомонившая его, и все те же девицы, на которых он налетел... еще какие-то люди... и все пересмеиваются, перешучиваются... а он-то – голый! Вот, прямо в чем мать родила, в том и лежит пред всем честном народе! Уж-жас... в общем!

Мда... вот так все и случилось на самом деле. Его, конечно, потом отвели опять в мужскую мыльню, в горячую ванную засунули, вновь отмыли и отогрели, и даже вроде как ругать и наказывать не стали. А просветили, что орки, оказывается, бывают разные – и у них в деревне живут именно те, что числятся за хороших. Ли, в общем-то, слушал, что ему говорили, но

толи эмоции сильные одурманили мозги, толи извечное понимание, вбитое с младенчества, что орки звери кровожадные и другими быть не могут, но наука впрок как-то не шла. И только к вечеру, после того как дама Нора дала себе труд с ним поговорить по душам, что-то там, в его голове, потихоньку стало устаканиваться. Но! Стыдобище-то за выставленный на всеобщее обозрение голый зад... да и другие, еще более интимные причандалы, никто не отменял...

Так что, вы ж понимаете теперь, идти парню в эти самые бани, ну очень не хотелось. Но Лёна ждала именно там и, стиснув зубы, а заодно запретив себе вспоминать постыдный момент, приключившийся с ним в этих местах, Ли продвигался к месту.

Но легко сказать – забыть, не думать, а вот они – свидетели его позора, мужик и тетка каменные, стоят и пялятся на него, напоминая о произошедшем. И уже кажется Ли, что даже у изваяний губы кривятся в насмешливой и глумливой улыбке – сами-то они, даром, что в граните тесанные, а простышкой какой-никакой – прикрыты. А вот он, третьего дня, тут голожопым прилюдно скакал! Тьфу ты, пакость какая!

В общем, и сегодня не стал парень те барельефы разглядывать, а пронесся знакомой дорогой мимо.

Заглянул в арку – там внутри темно и тихо. Пустил огонек.

Ночью почему-то пар не уходил вверх, растворяясь в воздухе, а весел низким пологом, чуть выше Лионовой головы. Лунный свет тонул где-то в верхнем его слое, лишь слегка высвечивая комковатую завесу и придавая ей видимой тяжести. А огонек, пущенный Ли, и сотворенный машинально из холодного света звезд, только усугублял впечатление, что вся эта грозная туча сейчас свалится на него. Звуки же, днем звонкие и по просторному гулкие, теперь звучали как-то зловеще, напомнив ему утробные глухие «у-упыли» входящих в воду весел в тумане.

Передернувшись от жутковатого ощущения, парень направился обратно.

« – Неужели Лёнка еще не пришла? А может, надула и сейчас сидит себе в теплой комнате, уютно закутавшись в пуховое одеяло, и смеется над ним – дурнем озабоченным?!»

Тетка на барельефе тоже веселилась и настойчиво указывала на женскую мыльню. Сначала Ли ей не поверил, кто ж с такой ухмылкой добра желает? Но, поразмыслив, решил все-таки и там проверить... пока далеко не ушел – с него ж не убудет...

В арке женского зала его встретила совершенно другая обстановка. Вроде бы и туманные испарения висели над травой так же низко, и шум воды был таким же шуршаще придушенным, но, толи от теплого света горящих свечей, толи от радостного понимания, что здесь кто-то есть, все воспринималось по-другому. Низкий полог пара не давал рассеиваться желтоватому «живому» свету, и виделся теперь не тучей, наполненной громом и молниями, а потолком уютного грота. Звуки же воды своими шорохами и переливами только усиливали ощущение замкнутого пространства, придавая уюта обстановке и совсем не казались жуткими и настораживающими.

– Лион, ты чего так долго?! – откуда-то из глубины помещения раздался знакомый голосок, которому весело и звонко проскакать по камням не помешали ни низкий туман, ни гул потока срывающегося со скалы. Самой девушки Ли не разглядел и просто пошел по дорожке на звук голоса.

– Жду, жду, а ты где-то ходишь! Я уж было подумала, что ты совсем не придешь! – меж тем продолжала Лёна, которая, как определил парень, сейчас находилась в бассейне.

– Я в мужскую баню завернул по привычке. Не догадался сначала, что ты здесь... – решил хоть как-то оправдаться перед любимой Ли, немного стыдясь того, что несколько минут назад чуть не приписал ей подлого поступка.

А меж тем, первое, что бросилось ему в глаза, пока он приближался к бассейну, была каменная тумба для вещей, что стояла недалеко от бортика, справа от тропинки. А на ней, добротнo так и аппетитно, расположились: бутылка с вином, блюдечко с печеньками, два боль-

ших кубка и тарелка с нарезанными зимними фруктами. Вид столь хорошо накрытого «стола», наложившись на только что испытанный стыд, покоробил Ли – он-то даже и не подумал, что все можно так обставить, легкомысленно прихватив лишь жалкую горстку сладостей, посчитав, что и так сойдет. А уж вид раскинутого на траве лоскутного одеяла, по другую сторону от дорожки, совсем придавил и без того уже раненое самомнение парня.

Но, как говорится, не бывает худа без добра. А именно, если б не приниженная Льян-киной обстоятельностью гордость, заставившая его остановиться, то он мог бы и оступиться, угодив прямо носом в бассейн, выставив этим, как всегда, себя знатным придурком. Потому что зрелище, открывшееся взору, тут же вымело все постороннее из головы, включая контроль за руками и ногами.

Несколько свечей, стоящих на бортике, высвечивали теплым ласковым светом девичье тело, которое от темной воды под ним казалось еще белее и изящнее чем Ли мог себе представить. Раньше-то, конечно, ему тоже удавалось раздеть девушку, но это происходило впотьмах и в непосредственной близости от него самого. Поэтому, если его рукам гибкая нежная плоть и была хорошо знакома, то вот глазам парня такая чудесная картина оказалась внове.

Лёна лежала, раскинувшись звездой на чуть колышущейся от недалекого водопада воде, отчего волосы вокруг ее головы расплылись солнышком, придавая ей по неземному завораживающий вид. А мерцающие перламутром и влагой чуть вздрагивающие грудки, представились Ли большими и драгоценными жемчужинами. Но то, что он позволил увидеть своим глазам в следующее мгновение, придушив собственную стыдливость, повергло его в какой-то благоговейный шок. Свет свечи, в отличие от него стыда не имеющий, откровенно и цепко ложился между раздвинутых ног девушки, высвечивая то, о чем сам парень даже думать себе запрещал... но узреть-то всегда мечталось...

Разум его поплыл и раздвоился. Та его часть, что оставалась более трезвой, смогла восхититься увиденным:

« – Как роза полуоткрытая... с нежными лепестками... ах!»

Но та, которая вмиг сорвалась с цепи и взбесилась, сделавшись неуправляемой, уже командовала рукам хватать, а этому... что в штанах... восстать и бежать к цели, став головою ногам.

Лёна что-то говорила, но разумная часть сознания уже не справлялась...

Ли испугался и пока ноги-руки еще слушались, рванул к «столу», где схватив бутылку, судорожно налил целый бокал и одним махом, проливая и похрюкивая, заглотил : « – Фу, полегчало!»

– И мне налей! – раздалось из бассейна вполне членораздельно и понятно.

Парень приободрился и, наполнив другой кубок, направился на исходную позицию. Но он не учел – для того чтобы взять тот кубок из его рук, Лёна должна была выйти из воды...

Новое крышесносное потрясение уже приближалось к нему.

Девушка, встав в воде, стала продвигаться к лестнице. По мере ее приближения, сначала показались точеные плечики, потом маленькие крепкие грудки... живот... по-эльфийски гладкий треугольник между ног...

Ли повел головой в сторону, потому что иначе оторвать глаза от зрелища он не мог. Тут взгляд, на его счастье, наткнулся на кусок полотна, лежащий на очередной каменной тумбе. Он, недолго раздумывая, подхватил его и принял в кое-как развернутое полотнище приближавшуюся Льянку.

– Вино-то мое где? – смеясь, спросила девушка.

« – Где?! Ах да, вот на тумбе стоит! И когда успел бокал поставить? Хорошо хоть не выронил!»

Ли подал ей кубок, а сам, стараясь не пялиться на нее, поспешил налить и себе еще... и сразу следующий, помня о благом действии первого. Но три бокала вина, выпитых залпом, это знаете ли не один... эффект как бы уже не тот...

Желудок парня наполнился горячей бодростью, которая разливаясь по всем членам, наполнила руки-ноги легкостью, а голову интересными мыслями. Разум начал опять двоиться, но разумная часть в этот раз была совсем мала и слаба, а та, что взяла верх, в первую очередь изничтожила из мозгов Ли стыдливость и стеснительность. В результате, он теперь взирал на девушку с новыми вдруг проснувшимися чувствами – чисто мужскими собственничеством и самоуверенностью.

А она в это время что-то весело щебетала. О том, что они, наконец-таки, одни, что уж сегодня-то им точно никто не помешает, что она его, кажется, любит... что он должен быть нежным в первый раз...

Ну, а Ли стоял и просто смотрел на нее не вслушиваясь в слова – потому что и уразуметь-то их опять было уже нечем. Глаза голодно шарили по стройной фигурке, только и замечая, что тонкое полотно совсем промокло и теперь не скрывало, а скорее подчеркивало каждый соблазнительный изгиб. И даже то, что Лёнка в этот момент была занята делом и сушила волосы, щепотью подтягивая к ним струйки воздуха, нисколько не расхолаживало парня. Только-то и было, что легкой, как дальняя искра, мысли, что он так пока не умеет. Но в том-то и дело, что мыслишка была короткой и слабой, а отзвучав, сразу и загнулась на корню.

А вот то, что главенствовало в его голове, заставило Ли отставить собственный бокал, забрать другой у девушки и, подхватив ее, потащить к раскинутому покрывалу.

Льнянка, безмятежно радостная, откинулась на спину. Ее приподнятые и чуть раздвинутые колени оказались под самым носом у парня.

– Лион, милый, не спеши!

«– Какой такой Лион?» – власть над телом уж давно забрал Большой Друг. Он сейчас в нетерпении подергивался и командовал рукам пренебречь сниманием всей одежды, а просто развязать тесемку штанов. Повинуясь ему, тело само рвануло вперед, вклиниваясь меж коленей девушки, а руки с силой сдавили груди.

– Ли прекрати! Остановись! Что ты творишь? – то зло, то жалобно, кричала под ним она, вырываясь и выкручиваясь.

Но, он криков не слышал и бьющих по спине кулачком не ощущал. Потому что в ушах стучала разгоряченная кровь и вся чувствительность давно сосредоточилась на кончике Друга, а резвое барахтанье под ним только сильнее распалило.

И только когда парень понял, что к самой сердцевинке счастья его не подпускают, он на мгновение пришел в себя. Но вместо того, чтоб услышать крики и прочувствовать острые ногти, дерущие бока, Ли, в страстном угаре, возмутился и выплеснул привычную уж магию, окончательно придавив и распластав девушку под собой.

Сколько продолжалось это самое достижение счастья? Парень не знал – минуты уж точно не считал! А в себя пришел от прорезавшегося вдруг, злого:

– Слезай – тяжело! – и жесткого тычка в плечо.

Не имея сил задействовать руки и ноги, Лион просто скатился на бок. Ладонь его меж тем так и осталась лежать на животе у девушки.

А Лёнка потихоньку плакала.

Упругая и теплая мягкость под мужскими пальцами слегка вздрагивала и дрожала. И почувствовал он, что от этих легких колебаний Друг опять крепчает, а в спину впивается горячее напряжение. Мозги же Ли от счастья тоже подустали и не удосужившись ими утомленными пораскинуть, он опять полез на девушку.

Но Льняна, даром что плачущая, сумела уже придти в себя и, недолго думая, исполнила свой «коронный финт» – колени ее резко взлетели вверх и врезались в Высокомерного Друга.

Долго ли потом парень катался по траве, поджав колени и утробно воя, неизвестно – тоже как-то не до подсчитывания минуток было. Но в очередной раз он пришел в себя, когда в живот перестали втыкаться раскаленные ножи, а хребет дал почувствовать себя твердым. Впрочем, Друг теперь был не надменным и большим, а маленьким и «дохлым», и все еще поднывал – жалобно так, горестно. Но вот мозги как раз прочухались, утерав и хмель, и горячечный пыл, а трезвомыслие восстановив полностью.

И сразу вспомнились Лёнкины просьбы не спешить, быть понежнее... а он, гад такой, что сотворил?! Ему захотелось двинуть по своему стручку посильнее, чтоб побуждениями подлыми мозги не застилал. Но тот и так был еще плох, посылая по всему телу ватную слабость и жалостливо прося пока его не наказывать. Якобы, ему и так хватило. Так что, поразмыслив, Ли решил членовредительством не заниматься, а идти вымалывать прощение. Скинув рубаху с плеч и штаны, которые до сих пор так и болтались на щиколотках, он побрел к бассейну.

Девушка сидела на приступке, недалеко от спуска. Голова ее была опущена, а спина вздрагивала – она, видимо, по-прежнему плакала.

Когда Ли спустился в воду и рассмотрел ее в неверном свете свечей, то его накрыли нежная жалость к ней и колючий стыд за себя. Хрупкие плечики Лёночки так вздрагивали, а тонкие пальцы рук так сильно впивались в них, что казалось сейчас раз – и переломят. Парень опять вернулся к мысли жестоко наказать бывшего Друга. Но ей-то чем это поможет? А что говорить-то в этом случае?

– П... прости... я не смог сдержаться... – Ли побоялся встретиться с девушкой глазами. Поэтому и без того неловкое извинение прозвучало совсем уж тихо и отстраненно, а потом и вовсе улетело куда-то в сторону, запутавшись там в стекающих струях. Так что становилось не ясно, толи были те извинения произнесены, толи нет.

Впрочем, Льянка, кажется, расслышала:

– А ты вообще пытался сдержаться?! У тебя подобная мысль хотя бы мелькнула в голове?! – услышал Ли ехидный и злой ответ.

« – Да не смог я! Не сумел!» – хотел он крикнуть, но взгляд его натолкнулся на такую кривую и презрительную ухмылку, что все оправдания застряли у него в горле. С таким выражением лица обычно смотрят, когда выводят на «чистую воду» подонка последнего, мразь несусветную, подлеца конченного! И тут от пережитого потрясения, от боли в ноющем еще паху, все взбунтовалось в нем... и понесло его совсем в другую сторону. Стыдливая виноватость, боязливая нежность и жалость, что еще мгновение назад составляли чувства Ли, вдруг моментально испарились, а на их место ворвались досада, возмущение и злость:

« – Да не такой я! На себя бы посмотрела! Затащила парня в бани, сама ноги раздвинула, а теперь бедняжку поруганную из себя строит!»

– Ты... ты! Это ты, нас сюда завлекла! Это у тебя нет никаких моральных принципов! Это не я рос в Лесу, где оргии при луне в норме вещей! Меня-то воспитывали порядочные богобоязненные люди! Я и не хотел ничего поначалу! Если помнишь! Это ты все начала! – Ли прорвало – он кричал, махал руками, шлепая ладонями по воде, и даже, кажется, топал ногой, не чувствуя сопротивления. Он бы еще кучу всяких гадостей наговорил, подбирая слова побольнее, чтоб только стереть с лица девушки это так задевшее его выражение, но тут... он поскользнулся и, не удержав равновесие, рухнул в поднятые им же волны.

А вынырнув да протерев глаза, понял, что злобная пелена с них спала, а водичка, которую он отхаркал, еще и мозги промыла. И вот теперь, как бы ни прискорбно это было сознавать, получалось, что наговорил то он много лишнего и как теперь с этим быть, совершенно не знает.

Вид же Лёнки его совсем напугал. Девушка все так же сидела на приступке, но совсем недавно жалостливо сведенные плечики теперь были расправлены, а голова слегка откинута назад и взгляд, которым она на него глядела... был совсем уж другим. Злой блеск пропал, презрительный прищур разгладился и только прохладная брезгливость в том взгляде и осталась.

И почувствовал под ним себя Ли крысом помойным, как те, которых он наблюдал во времена своего бродяжничества на куче отходов за городским рынком: вроде и сытое животное, и упитанное, но все равно грязное, мерзкое и противное. И страшно стало парню невероятно, и стыд опять прорезался, и жалость, но уже не к девушке... а к себе. Ее-то, такую гордую и красивую, и жалеть-то теперь не получалось!

– Лёночка, солнышко, прости меня дурака! А-а?! Я больше не буду такого говорить, никогда! – воскликнул он, глядя, как девушка поднимается из воды и все также с прямой спиной и гордо поднятой головой направляется к лесенке из бассейна.

– Лёна, не дуйся! Ты же сама меня слушать не захотела сразу! Смотрела как на таракана гадкого, а я, между прочим, пытался извиниться! – кричал ей в спину Ли. А девушка тем временем вышла из воды, не вытираясь, надела на себя сорочку, накинула на плечи плащ и, не оглядываясь, направилась к выходу из ущелья.

– Лёна, Лёна! Не уходи так, скажи хоть слово! – парень стал спешно сам выбираться из бассейна.

– Все нормально, Ли. Завтра поговорим, – как-то мимоходом, не глядя на него, а так – вполоборота, кинула ему в ответ девушка... и вышла в каменную арку.

« – Ладно, ладно! Завтра поговорим...» – приговаривал про себя Ли, растираясь и натягивая непослушные вещи, которые от торопливых резких движений никак не хотели лезть на еще влажное тело.

Всю дорогу до дома парень уговаривал себя этим, прокручивая в голове слова, что были произнесены. Он убеждал себя, что отринет завтра собственные обиды и четко сможет сформулировать все извинения, которые сегодня под напором эмоций вышли такими корявыми и неубедительными. Плохо только, что любимая уходя назвала его Ли – раньше-то всегда только Лионом звала...

А, на следующее утро проснулся он поздно – осеннее солнышко уж всю заглядывало в окошко его комнаты, приподнявшись полным боком над забранными в сверкающий иней склонами.

« – А че никто не разбудил-то? Уж утренняя трапеза, наверное, давно простыла!», – жмурясь от ярких лучей, упавших на его лицо, первой мыслью подумал Ли, тем временем сладко потягиваясь. Тело его нынче было на удивление послушным и гибким, а каждая мышца наполнена каким-то непривычным удовольствием.

Это-то удовольствие и навело его мысли на воспоминания о вчерашнем. Да не о ссоре, что случилась потом, а, понятное дело, о первом – лучшем моменте. Тут следом и истома накатила, и жар в паху.

Ли приподнял одеяло, глянув на свой только что мирно дремавший стручок, а теперь зашевелившийся, заволновавшийся, залопотавший:

– Давай, хозяин, повторим! Прямо сейчас! – как и не приболевши с вечера...

« – А почему стручок-то?! Не-ет, теперь не так!» – с большой долей гордости за него, подумал Ли. «Стручком-то» главный мужской орган все больше Тай называл, когда Корра за неумный блуд стыдил, но тот всегда с достоинством отвечал, что может у кого и «стручок», а вот у него «меч» самый настоящий! Да не простой, а которому каждые ножны подходят!

« – Вот и у меня теперь «меч»! И никаких более уничижительных прозвищ!», – довольно подумалось Ли.

А дальше дело не пошло, потому что в дверь без стука ввалился Ворон, которого он только что поминал, и без всяких извинений насмешливо сказал:

– Вставай мужик, хватит дрыхнуть!

– Корр?! – от смущения, вызванного таким беспардонным прерыванием интимного дела, Ли большего и сказать-то не смог.

– Что Корр? Корр, как был вчера вороном, так вороном и сегодня остался. А ты-то у нас теперь – орё-ол! Вставай, говорю, пошли, тебя все ждут, – и еще раз насмешливо хмыкнув, направился из комнаты.

« – Наверное, правда еда уже стынет, раз все ждут!» – соображал Ли, скоренько натягивая штаны.

Когда он, на ходу застегивая камзол, выскочил в коридор, Корр уже вприпрыжку спускался по лестнице.

Впрочем, почему-то в трапезную они не пошли, а направились в комнату, отданную под спальню раненому Вику.

О плохом Ли начал задумываться только тогда, когда заходя в дверь, натолкнулся глазами на суровое лицо Тая.

В комнате народу было не много, но все какие-то странные – толи сильно озабоченные чем-то, толи злые: хозяйка дома, сидящая в кресле, встречала его напряженным взглядом, Тигр, как было уже сказано, смотрел на Ли сведенными бровями, да и Вик, обложенный подушками, был хмур и не улыбочив. Девушек, к слову, не было ни одной – ни Лёнки, ни Эльмери с Ривой. И это тоже настораживало.

– Ты что такое вытворяешь? А, Мелкий?! – с ходу рыкнул Тай, не дожидаясь пока Ворон дверь прикроет. Знать бы еще, за что такая немилость всеобщая...

– А... что я вытворяю? – тихонечко уточнил Ли.

– Да ты из себя блаженного-то не строй – чей мужик теперь! – опять непонятно за что наехал Тай.

– Да что такого я сделал-то?! – уже натурально возмутился парень.

Тут Корр вышел вперед:

– Ты зачем девочку нашу совратил? Тихоней прикидывался – мальчишечкой маленьким, возраст свой не догоняющим! А потом – раз, и уволок девчонку в кусты, то бишь в бани! – с не меньшим напором, чем Тигр, выверился на Ли и Ворон. – Удумал тоже! Даже я в ней только сестричку младшенькую видел! – Корр эмоционально так «козу» из пальцев сделал и себе в сверкающие негодованием очи ткнул... а потом ему: – А он, глядите-ка, тихушник шкодливый, женщину в ней разглядел!

« – Узна-али! Откуда?! Вроде ж все убрал там? Стыдоба-то, какая! Ну, Лёнка, подставила, так подставила! Хотел же все потихонечку устроить, между делом, чтоб ни одна душа не заприметила. Нет же, подавай ей свидание по всем правилам! А теперь вот отдувайся за двоих! А не буду!!!»

– Вообще-то, это она так решила! Она первая меня поцеловала, еще там – в Акселле! – выкрикнул Ли. Вот пусть теперь на нее и ругаются, а то все Льяночка, да Льяночка, а ему – тычки, да тычки!

– Это получается, девушка во всем виновата? – тон Ворона вдруг стал какой-то елейный, с гаденькой такой подначкой. А взгляд и того странней – внимательный, насмешливый и бровка правая домиком выгнулась.

Вроде как ему, то есть Ли, о чем-то задуматься бы надо! С чего вдруг? Он же только правду сказал!

– Так, понятно. Но меня другой вопрос волнует, – это уж Тай вступил в разговор, – как вас угораздило в бани-то забраться! Башка-то на плечах есть?! Место-то общественное! Нас принимают здесь как дорогих гостей – кормят, поют, от холода замерзнуть не дают! Вика спасли, вылечили! А вы, как овцы последние тупорогие, ни уваженья, ни благодарности, ни элементарной разумности не выказали! – все больше расходился Тай, напирая на парня и тыча при каждом новом упреке пальцем ему в грудь.

Когда Ли уже показалось, что сейчас у него в груди Тигр дырку продолбит, терпение его лопнуло и он закричал в ответ:

– А чё, опять я?! Это тоже ваша любимая Ляняночка придумала!

– Вот же дура-ак! – протянул рядом Корр.

« – Это почему?» – задался вполне законным вопросом Ли, тем временем примечая, как тот потихоньку высказавшись, выскользнул из комнаты.

« – Щас Лёну приведет... », – понял он, и какое-то сомнение в неправильности собственного поведения стало закрадываться в его голову. А когда Ляняна в комнату зашла вслед за Вороном, так и вовсе вчерашнее раскаяние в нем пробудилось.

Девушка же была непривычно тиха и молчалива. Да и одета, не в свои обычные пацанячьи штаны, а в скромное шерстяное платье немаркого коричневого цвета и белый фартук. Не иначе, как на кухне нашел ее Корр. И личиком сегодня не блистала – бледненькая какая-то, осунувшаяся, под глазами синяки. Жалко стало ее Лиону, аж в душе защемило.

– Ну... это... значит... – начал было Тай, но так ничего путного и не выговорил. Так понятно – одно дело парня за блуд да непотребство отчитывать, а другое дело девушку. Тут уж и не знаешь, какое слово подобрать, а какое лучше и не проговаривать.

– Лёна, мы вот знать хотим, что это вы такое нынче в банях-то устроили... – аккуратненько так, включился в разговор Корр, видя, что Тигр стушевался: – Эльфенок вот говорит, что твоя это задумка была, а не его.

– Что, прямо так и сказал? – тихо спросила девушка и посмотрела не на Ворона, с которым вроде как разговаривала, а на него, Ли. И взгляд ее был задумчивый такой, настораживающий. А услышав подтверждающее угуканье Корра, она глаза-то свои от него отвела и плечи расправила... и голову гордо вскинула – вот прямо героиня перед врагом – бей, не хочу!

– Да, это я так решила. Дар-то мой человеческий слабоват, а слышала я, что это девичество его придерживает, и если избавиться от этого самого девичества, то и Дар сразу в полной мере проявится, – проговорила она.

– Чуть какая-то! Первый раз подобный бред слышу! – воскликнула молчавшая до этого момента дама Нора.

– Да откуда ж мне было знать, я ж в деревне выросла – в простой, человеческой. Что люди говорили меж собой, то и слушала. Но вы меня простите госпожа, пожалуйста, что я его в бани потянула – в лесу-то холодно больно уже, а в доме, под вашей крышей, совсем бы неловко получилось! – повинулась Лянянка.

– Ладно, уж деточка, что теперь-то... – ласково успокоила ее госпожа.

А Ли тем временем догонял ситуацию:

– Так ты что, все это устроила, только чтоб Дар свой усилить?! – неверяще протянул Ли.

– Да, – коротко ответила девушка, а в тоне ее еще и насмешка просвечивала. Она, конечно, ее скрыть пыталась, но он-то не дурак – расслышал прекрасно.

– А почему я-то?! – праведное негодование стало захлестывать парня.

– А кто? Вик с Корром мне как братья, Тай как дядюшка заботливый – родные люди, в общем. А с тобой мы с первого дня не сошлись. Но, я же видела как ты на меня заглядываешься, так что большого труда не составило тебя увлечь, – доходчиво объяснила она.

Тут уж Ли с головой накрыло обидой и горечью:

– И все поцелуйчики и обниманчики – это значит, чтоб Дар укрепить?! А чё с графом своим не трахнулась? Уже б давно ого-го какую силищу заимела! – большего Ли выдать не успел – подскочил Тай и такого подзатыльника засветил, что аж зубы клацнули.

– Ты что себе позволяешь при дамах?! – рявкнул он.

– Это она-то что ли дама?! – огрызнулся Ли и вылетел из комнаты.

А вдогонку ему донеслось Вороново:

– Ой, приду-урок! – и вроде как с сожалением. Только ему-то о чем сожалеть, не его же так прилюдно подставили?

А что Льянка?

Девушка ночь почти и не спала – мыслями разными мучаясь, да теплым камешком, нагретым у огня, баюкая ноющий живот.

Думы о произошедшем были разные. Тут и раздражение на собственные фантазии о любви неземной, и на взгляд свой, как оказалось блажной, позволивший ей увидеть в обычном озабоченном парне, рыцаря. И глаза Лиона вспоминала... не те, что с щенячьим восторгом при первых поцелуях наивно смотрели на нее, и не те, что с уважением следили за каждым жестом на уроках, и даже не те, что с вполне мужской страстностью оглаживали ее тело. А вчерашние – отстраненные, пугающие, хищные. Как у зверя, взирающего на полурастерзанную жертву – ни крупички жалости, только всеобъемлющее желание насытить собственный голод.

Какой к демонам рыцарь? Какой возлюбленный?! Урод белобрысый – вот он кто!

И бежали в мыслях, перегоня друг друга, злость, обида и даже ненависть...

Но из-под всех этих горьких рассуждений, то и дело выглядывала надежда, как иной раз луч солнца высвечивается меж тяжелых грозовых туч. И тогда казалось, что стоит только им встретиться, поговорить и все само собой наладиться, образуется...

Сколько бокалов вина он выпил? Лёна видела два. А на самом деле?

А сколько раз они обнимались под кустами не доводя начатое до конца? И сколько раз, убегая в шатер к больному Вику, она примечала, как Лион спешит за дальний склон, при этом морща лицо будто от боли?

А был ли у него кто-то еще? Или он так же, как и она, оставался до вчерашнего дня девственником?

Сознание девушки само искало оправдания парню, не позволяя окончательно обозлиться на него и предлагая дожидаться объяснений.

Ну, а следом, как водиться, Лёна начинала винить уже себя. Может и прав был любимый, когда говорил, что это она не имеет должного воспитания? И именно она своим вызывающим поведением спровоцировала его на грубость?

А ей бы, воспитанной на границе двух миров, надо было ту грань, что разделяет их, получше вспомнить, а не лететь, очертя голову, в пучину собственной влюбленности. Знала же, что Лион обычными людьми воспитывался – в косных устоях, в богобоязненности. Вот и выглядит теперь она в его глазах непотребной девкой из Доступного дома!

А уж в Лесу-то – да, всякого наслушалась-навидалась. Там о плотском влечении да разделенном удовольствии говорили, как о приятных, но, в общем-то, обыденных вещах: вкусной еде, красивой одежде, чудесной погоде. То есть, часто и с удовольствием, при этом, не стесняясь в выражениях и не тушуясь. Да и увидеть сношающуюся парочку под кустом – там подобное тоже в порядке вещей. Впрочем, заглядываться на сие и в Лесу не принято. Но не потому, что действие это непотребное и постыдное, а потому, что завидовать чужому счастью – грех. Да-а, излишним целомудрием тамошний народ не страдал... но и лицемерным ханжеством, в отличие от людей, тоже...

Но что Льянка на самом деле знала о мужчинах? Да, видела нескольких раненных голяком, когда бабушке с матерью в особо сложных случаях помогала. Мужичок, что по пьяному делу с крыши упал да дедок, на которого поленница дров завалилась, ее вообще не впечатлили. Так только, задней мыслью понимание о другом устройстве тела и проскользнуло. А единственный виденный ею молодой парень, которого буйный бычок затоптал, был так поломан и побит, что кроме сострадания ничего в ней и не возмутил. А на писюн жалкий и смотреть-то было некогда – тогда вопрос о его жизни стоял, так что, каких-либо посторонних заинтересованных мыслей и не возникло.

Она слышала, конечно, что мужчины «любят глазами», но что бы так – крышу срывало от одного вида обнаженного девичьего тела?! Ни в жизнь не догадалась бы! Ей-то, с чисто

женским восприятием, такое и неведомо было. Привлекательных мужчин вокруг всегда много. А летом, по жаре, и крестьянские парни только в одних портках выступают, и эльфы бывало, а уж сатиры – те только к морозам свой торс какой шкуркой и прикрывали. И чего ей, глядячи на них, с ума сходить? Нет. Ну, иногда прикинешь про себя – типа да, видный мужик, и все. А вот по настоящему волновали Льяну, как оказалось, совсем другие вещи – касания легкие, запахи, чуть слышные, дыхание прерывистое и слова ласковые... да чтоб все это только от одного единственного мужчины исходило...

А он вон что устроил, мужчина единственный – хватал, терзал, а потом и магию применил! Обидел, унизил, больно сдела-ал!

И опять все по кругу...

Так что, накрутившись в постели, да головную боль нагнав разными мыслями, чуть утренний свет обозначил череду гор за окном, решила Льянка вставать. И дело себе придумала – пойти блинов напечь. А блины, на их-то компанию, дело долгое и кропотливое, так что, авось, и отвлечется от своих забот.

Уже и девушки давно на кухню спустились да кашу сварили и творог, за ночь отцеженный, в чашки разложили. И варенье со сметанкой приготовили. И даже блины, что Лянка напекла, стопкой чуть не в локоть вышиной, остывать уж начали, а дама Нора к ним все не шла и на стол накрывать не велела.

Что они там все, в спальне у Вика, решали такого важного, Льяна не знала, да и не волновало ее это особенно. Как оказалось, навязчивым мыслям и блины не помеха – руки делают, а голова думает. И все по кругу... по кругу...

Но, когда уж Рива хотела сама пойти узнать, что там происходит, к ним на кухню заявился Ворон. И помявшись с полминутки, стал звать Ляну присоединиться к остальным. Зачем? А не сказал.

Ей бы глупой заволноваться, когда он девчонок с ней вместе не пригласил, но в задумчивости своей девушка это упустила. А спохватилась, когда Корр, застенчиво так, скромненько, попросил ее всем объяснить, что они такое в банях нынче ночью-то устроили. Да уточнил, что Лион на нее кивает, дескать, именно она непотребство это организовала.

В первый момент Льянка даже не поверила сказанному, но глянув на парня, что к этот момент топтался рядом, все сразу и поняла. Ли стоял поникший, ссутулившийся, разве что не поскуливающий. И взгляд такой, что впору щечочку в углу нагадившему – жалостливый, виноватый.

« – Рыцаря хотела?! Дура стоеросовая! Получай!» – и обидно ей стало, просто до слез. Но реветь она себе не позволила – хватит и одного убогого в комнате. А плечи расправила и голову подняла повыше – если уж ее ругать сейчас начнут, за них двоих, то она-то такой жалкой перед всеми ни за что не выставится!

А еще, захотелось ей отплатить рыцарьку придурочному, и за надежды свои неоправданные, и за чувства впустую истраченные, и за насилие вчерашнее. А то, как трахаться – то вот тебе и мужик взрослый, и маг всесильный. А как отвечать за все, то сразу – кутенок обгадившийся!

И вспомнилось ей вдруг, как слышала дома, в деревне еще, болтовню крестьянок о магии. Хотя сами в ней они и не смыслили, но, как водиться с такими темами, поговорить об этом любили.

– Да, это я так решила, – сказала она – ну, раз больше некому в этой комнате взять на себя все грехи. Да и наподдала этому «некому» побольнее: – Дар-то мой человеческий слабоват, а слышала я, что это девичество его придерживает, и если избавиться от этого самого девичества, то и Дар сразу в полной мере проявится.

Ох, как он взбеленился – любо-дорого посмотреть! А вот госпожа Нора ее пожалела, когда она извиняться стала за свое поведение, Льянка чуть слезу не пустила. Да и Вик с оборотнями, много чего успокаивающего наговорили. Она, прямо, и не ожидала. Все ж понимание имела, что поведение ее порядочным не назовешь, не только ж в Лесу воспитывалась.

Но все это было потом, когда уж Лион из комнаты в психе выбежал, наговорив ей гадостей и выхватив за них от Тигра по шеям.

А в нем-то, похоже, от злости мужчина проснулся... впрочем, какой там мужчина? Так, мужчинка...

А Вику было смешно. Он, конечно, грозно сводил брови, стараясь казаться рассерженным, но вот в разговор не лез, потому, что на языке все больше крутились одни шуточки. И чтоб не портить оборотням воспитательный момент Вик и помалкивал.

Конечно, использование общественных бань под комнату для свиданий, это не дело. Но, с другой стороны, в юности всегда непреодолимо хочется скрыть от старших первые страстные порывы души и тела. В особенности – тела...

Но веселился Вик только до того момента, пока не позвали Льянку. А когда девушка вошла, такая тихая, болезненная с виду, тут весь смех из него и испарился. Стало понятно, что что-то у них ночью пошло не так. А уж когда эльфенок взбрыкивать начал, а Лёна из тихой мышки вдруг гордой соколицей обернулась, да на себя все грехи вчерашнего вечера навешала, тогда легкое веселое настроение, что заполняло Вика с утра, совсем схлынуло, обернувшись тоскливой грустью, сочувствием к девочке и раздражением на парня.

Вот ведь беда – такие молоденькие, славные да красивые, так друг другу подходят – вот бы хороша парочка была! Да и привязался к обоим Вик уже сильно, и душой болел, как будто и не приبلудки они, а родные люди.

Чувствовалось, что и всех, кто находился в комнате при этом разбирательстве, обуревали подобные мысли – выходил народ из его спальни с озабоченными и расстроенными лицами.

И трапеза, что ему принесла Рива, поддержала это понурое настроение – каша была переваренной, а блины давно остывшими. Видно долго они тут разбирались с эльфятами...

Но жизнь продолжалась. И стоило ему управиться с липкой кашей и заскорузлыми блинами, как в его комнату пришла госпожа Нора со своим обычным утренним визитом.

Вик наблюдал, как за прошествовавшей к креслу волшебницей, просеменил ее толстый черно-белый кот, и... проплыла подставка с огро-омным фолиантом на ней. « – Уже интересно...»

Госпожа неспешно уселась в кресло, мимоходом отмахнувшись от кота, который вознамерился было лезть к ней на колени. Тот, подергав недовольно хвостом, долго сокрушаться о потерянном теплом месте не стал, а одним мощным прыжком доставил себя на кровать к нему – Вику, и начал укладываться в аккурат на больную ногу.

Волшебница не став ждать пока принц примостится поудобней, сообразуясь с наглым подселенцем, заговорила:

– Мальчик мой, а что ты помнишь из истории сотворения народов?

Выдернув-таки ногу из-под тяжелой тушки, Вик ответил:

– Сначала Светлый... вернее Создатель, сотворил драконов, затем эльфов... гномов и оборотней. Ну, и в завершении трудов Своих – людей, – и воззрился на госпожу в ожидании – к чему бы такие странные вопросы о вещах общеизвестных?

– Почти все правильно. Но думаю, тебе нелишним будет еще раз прослушать эту историю.

« – Дело-то становится еще более интересным», – меж тем подумал Вик. Оно, конечно, для общей образованности не помешает знания эти подновить, но вот куда клонит дама Нора, предлагая перечитать давно известную историю, он никак не мог догадаться.

А волшебница тем временем погладила книгу, как любимое животное, отщелкнула золоченые, усыпанные камнями застежки и откинула тяжелую обтянутую кожей обложку. Во время всех этих своих действий она давала Вику пояснения:

– Это Гримуар. Такая книга есть у каждого мага, у каждого аптекаря и даже у каждой деревенской знахарки. Все, кто пользуется магией, как правило, записывают в них свои рецепты, заклинания, советы последователям. Наши Гримуары такие же, как и у всех других волшебников, за одним исключением: книги Семи Родов Долины начинаются с истории о пришествии в этот Мир Создателя и сотворении народов. И, самое главное, в наших Гримуарах записи эти сделаны со слов Его, когда он Сам жил здесь в Лике Темном.

« – Ага, вот оно!», – и отвоевав-таки часть одеяла у наглого котищи, Вик поудобнее устроился, с интересом приготовившись слушать. Его стал притягивать сей рассказ, завораживая внимание не столько давно известным содержанием, сколько осознанием прямого авторства строк, которые сейчас он услышит.

*Когда пришел Он, то над Миром царили мрак и горе, и Он назвал это Злом!
Но понял Он, что Мир, под окутывающими его грязью, кровью и мраком, на самом деле прекрасен –*

Он узрел цветущие поля, зеленеющие рощи и синеющие безбрежные воды.

И этот Мир Ему понравился!

Он решил очистить его от скверны Зла.

В Мире том жили двуногие и двурукие создания,

Но под гнетом Зла они были столь дики и мерзки, что вызывали у Него только жалость и гнев.

Поэтому Он оставил их в тех норах, в которых они жили,

В привычной для них грязи телесной и темени духовной.

И, по Своему разумению, сотворил других существ, вложив в них часть Своей Души и дав им магию.

Создания Его были столь прекрасны, сильны и мудры, что получились самым Совершенством!

И Он нарек их – Драконами,

А они Его стали называть Отцом Создателем.

И послал их Отец Создатель очистить Мир от скверны и уничтожить Зло.

Много зим драконы сражались, и много их погибло в тех битвах.

И наделил их Создатель пониманием Пары, чтоб могли они сами творить себе подобных.

Но слишком кровавыми были битвы, слишком много продолжало гибнуть драконов,

И решил Создатель дать им в этой войне помощников.

Но времени было мало в распоряжении Его, а сил и вложенной Души потрачено много

И обратил Создатель Свой взгляд на диких двуногих и двуруких.

И пришлось Ему призвать все что было в Нем Самом чистого и светлого

Чтоб изгнать из двуногих и двуруких всю грязь и скверну.

Но были двуногие и двурукие, не только грязны душой и телом,

Но и ограничены разумом.

И сбегала часть двуногих и двуруких от благ Его,

Но часть их осталась.

И Он сотворил из них созданий достойных быть рядом с драконами,

Дал магию и нарек их Светлыми Эльфами.

И были они прекрасны лицом и телом, и светлы волосами и глазами,

*А нрав их был столь чист помыслами и привержен порядку,
Что жили они только во имя исполнения завета Создателя, и более ничего не хотели.
И так порадовали этим Отца своего, что возлюбил он их не менее чем Первых детей
своих – драконов!*

*И были опять битвы кровавые, и стали гибнуть эльфы, числом поболее, чем драконы.
И наделил их Создатель пониманием Пары, чтоб могли они сами творить себе подобных.
Но без вложенной части Души Его, не смогли эльфы преобразиться сами,
А следовали и дальше по Миру приверженные строгому порядку и правилам.
И оставались их пары одиноки, и не смогли они продолжить род эльфийский сами.
Долго пытался Создатель преобразить детей своих Младших,
Давал им и понимание прекрасного, и чувства душевные разные, и стремление к созиданию,*

Но труды его приживались в эльфах плохо.

Так и осталось для них – сначала Долг, потом Порядок, а уж только потом – все остальное.

Тогда решил Создатель сотворить новых эльфов.

*Взял двуногих и двуруких, что безмерно плодились по грязным пещерам,
И вложив в них от Светлой стороны Своей столько же, как и в первый раз,
Но добавил и от других своих Ликов по капле,
Но более всего от Темной, чтоб Жажду к жизни имели, со всеми ее проявлениями.
Так появились Темные эльфы.*

И были они прекрасны лицом и телом, и темны волосами и глазами.

И жажду к жизни они имели такую, что ценили каждый миг свой прожитый, насыщая его радостями.

И Пары их были любимы, и род эльфийский продолжался.

С тех пор стали эльфы называть Отца своего Многоликим.

Только в щедрости своей не учел Отец,

Что столь жадные до жизни создания, растрачат быстро силы свои без остатка.

*И пришлось Ему позволить, Детям темным, восполнять растраченное –
За счет силы других живых существ, не убивая.*

Прочитав эти строки, волшебница отстранилась от Гримуара, и сказала:

– На сегодня, я думаю, чтения исторических трудов достаточно. Я бы хотела поговорить с тобой об орках.

– Об... орках?! – Вик прямо увидел себя со стороны – как у него выпучились глаза и отвисла челюсть. Ну, никак не ожидал он такой резкой смены темы – от рассказа о совершенных драконах и эльфах к разговору о безобразных, дремучих убийцах. От которых и люди, и эльфы много чего перетерпели за долгие тысячелетия:

– А чего о них говорить? Всем же известно, что это порождения Зла, которые живут в северных лесах и пустошах, и устраивают набеги на обжитые земли, чтобы грабить, жечь и убивать! У эльфов даже Рыцарский Орден какой-то существует, который призван бороться с ними. А у нас полторы сотни зим стену от них строили, да еще и ров вдоль нее рыли, – все-таки выразил он словами свое недоумение, когда смог совладать с распахнутым ртом.

– Вот поэтому и нужно поговорить о них. Похоже, что историю орков за давностью зим забывать стали даже эльфы, – сказала госпожа, обратив на него полный иронии взгляд. – Я думала, ты сам заговоришь на эту тему, но, видимо твои няньки-оборотни тебя опять оградили от лишних волнений. А сам ты разве не слышал, третьего дня, как твой старший эльфенок блажил в полный голос и носился по дому, будто угорелый?

– Да-а... что-то слышал. Но вы перед этим дали мне какого-то настоя и я уснул. А потом забыл. Так что там случилось и, причем тут эти выродки Зла?

– А притом, что мальчик повстречал в деревне орка, – спокойно так сказала волшебница. А ожидая его замедлившейся от шока реакции, смерила очередным насмешливым взглядом.

Вик же ее ожидания оправдал в полной мере – опять пораженно захлопал глазами.

Волшебница, тем временем не дождавшись от него вразумительных вопросов, заговорила сама:

– Начну с того, что всего в пол версте от нашей деревни расположен хутор из десяти домов, и живут в нем не люди и не волшебники, а те самые орки, о которых идет речь... – большего сказать госпожа не успела, потому что молчаливый шок схлынул с Вика, а вздернутые эмоции прорвались на этот раз бурной говорливостью:

– Да как вы тут живете тогда?! Это же ужас какой-то! Я понимаю, что в вас магии много, но нельзя же быть всегда настороже! У вас здесь в деревне дети, молодые девушки! Все свободно по улицам ходят! – и даже попытался резво подняться с постели, чтоб бежать к хутору и начать там громить орков. А перед глазами его стояла страшная картина – растерзанная злобными тварями Эль. С переломанными руками и ногами лежит на земле, и ее красноватые волосы стали почти черными от впитавшейся в них крови.

Окрик волшебницы привел его в чувство:

– Быстро закончил истерику и начал внимательно слушать! – и даже пристукнула кулаком по подлокотнику кресла, чтоб привлечь к себе его растрепанное внимание. – Ты назвал их выродками, и хотя это довольно грубое определение, но в принципе верное. Но только все давно забыли, что выродки они не Зла, а Создателя нашего, – и, не дожидаясь очередных бурных восклицаний, продолжила:

– Помнишь ту часть текста, где говорится: *«Но были двуногие и двурукие, не только грязны душой и телом, но и ограничены разумом. И сбежала часть двуногих и двуруких от благ Его...»*? Так вот это об орках. Часть их вырвались из под власти Создателя раньше, другие позже. Соответственно, в результате одни получили от Него меньше благ, другие – больше. И теперь в лесах и пустошах живут два совершенно разных народа орков. Первые, те, о ком знают все, составляют дикие племена, в которых и сосуществуют необразованные, злобные и жестокие орки. Это те самые племена, которые объединившись в орду, напали на людей в конце времени Смута, и в результате чьего нападения так пострадало королевство Мартиан. И это от них люди возвели оборонительную стену, а по другую сторону Драконьих гор эльфы – крепость Ордена Отреченных. Только в тех же лесах и пустошах живут и другие орки – те, что получили от Отца нашего поболее. Они по нраву своему и по жизненному укладу ближе к светлым эльфам, чем к диким сородичам своим, хотя внешнею и схожи с ними.

– А почему никто не знает про них? – недоверчиво спросил Виктор.

– Потому что народ этот древний и достаточно мудрый. Живут своими интересами и к другим не лезут. И хорошо. Вот если бы они были воинственны, как их сородичи или древние светлые эльфы, или хотя бы необузданны, как темные – вот тогда бы мы все о них знали, и только успевали бы отбиваться. Это тебе не дикие их соплеменники, которые и понятия не имеют о порядке и воинской дисциплине, не знают письма и считают на пальцах. Если бы тогда именно эти орки повели орду на человеческие королевства, то завоевали бы их с ходу – и города бы взяли, и разрозненным войскам объединиться не дали. Я же говорю, на наше счастье они довольно миролюбивы, да еще и со своими дикими сородичами не ладят. Впрочем, эльфы и гномы про них знают, но «знать» это не то, что «признавать».

– Но, вы же здесь в Долине, в отличие от всех других народов, и знаете, и признаете их? Это же те... м-м, не дикие орки возле деревни хутором живут?

– Да. А пришли они к нам по разрешению Самого Темного, еще в те давние времена, когда Он Сам здесь жил. Сюда приезжают самые одаренные из них магии учиться. Сам Дар

у орков, по сравнению с нашим долинным или эльфийским довольно слаб – как у среднего человеческого мага. Вот и живут они с нами рядом, зим по сто, а то и двести, учась и развивая его. Но, что самое интересное, среди них есть очень сильные провидцы. Настолько сильные, что даже наши волшебницы к ним порой на поклон ходят, ведь именно этот Дар ни развить, ни укрепить нельзя – его изначально имеешь столько, сколько Создатель при рождении дал. Так что собирайся с мыслями, скоро пойдем к ним в гости. Я хочу тебя кое-кому там представить.

Но, конечно же, на хутор к оркам, ни завтра, ни даже послезавтра, они не пошли. Да и понятное дело, Вик-то пока еле-еле до туалетной комнаты добирался, куда уж ему в соседнее поселение топать!

А пока, день за днем, принц восстанавливал силы. После памятного разговора об орках, ему, еще дня три, и в трапезную-то «нянюшка» Тигр выходить запрещал, пока Вик не возмутился и однажды сам не пришел к столу.

С того момента, приметив действенность маневра – переть на пролом, стал принц вести более активную жизнь. Призвав к себе Лёнку или Лиона, которые единственные из всех особо наперекор ему не шли и лишней полемики на тему «побережся» не разводили, Вик шел странствовать по дому. В одной руке палка, а в другой, поддерживающая «лаптя» одного из эльфов.

Через пол десятицы он, таким макаром, выбрался и во двор. А на улице, несмотря на осенний месяц, казалось, уже совсем наступила зима – пушистые белые хлопья плавно кружились в воздухе, устилая камень двора и ложась пухлыми шапками на забор, крыши построек и деревья.

Голова от вольного влажного воздуха слегка кружилась, а ноги дрожали, немощные в своей слабости. Но, несмотря на это, в тот же день Вик с удовольствием и гордостью уже взирал на свой первый проделанный ими круг, обозначившийся цепочкой четких темных ямок в подтаявшем мокром снеге.

Лиха беда начала, вскоре он и за оружие взялся. Впрочем, к его несказанному огорчению, меч он сначала и поднять-то не смог – так и чертил змейки по снегу, согнувшись в три погибели и пятясь задом, пока Тай у него этот самый меч не отобрал.

Тогда он схватился за кинжалы. Но и здесь в первый раз его ждало разочарование – слабые руки не могли докинуть лезвие до мишени с обычного для него расстояния. Так что пришлось начинать тренироваться чуть ли не с полсажени, увеличивая, день через день, отступ на локоток.

И уставал он от этих трудов невероятно. А оборотни, видя такую слабость, укладывали его, как малое дитя, спать. Вик, конечно, возмущался и перечил им, но стоило его голове коснуться подушки, как он проваливался в глубокий сон, просыпаясь отдохнувшим и посвежевшим.

А после дневного сна восстановленные бодрость и силу он тратил на занятия магией.

Начинал, как водиться, с малого: огонька осветительного да передвижения мелких предметов, добавляя потихоньку навык за навыком. Через месяцок он уже мог и боевую молнию сотворить, и несложное лечебное заклинание произнести, и кровать свою тяжеленную над полом приподнять да минуты две удерживать.

За это же время и его сноровка в воинском деле значительно подтянулась. Конечно, махать мечом одной рукой долго пока не получалось, но краткие тренировки с частыми передышками выходили теперь довольно бойкими.

А иногда, госпожа приносила Гримуар и продолжала читать для него строки, что каждый раз теперь вызывали в Вике трепетное почтение и благоговение от осознания значимости услышанного. Мда-а, раньше-то, по юности, он слушал их вполуха, а теперь во-от – прочувствовал...

*А битва со Злом продолжалась.
За Создателя, за чистый Мир бились уже многие зимы
Могучие драконы, хладнокровные грозные Светлые эльфы и пылкие, воинственные Тем-
ные.*

*Драконы, дети Души Его, были идеальными созданиями – они владели магией и дышали
огнем,*

Имели крепкие рога, когти и шипы, а защищала их чешуя.

А вот эльфы, сотворенные из слабых двуногих и двуруких,

Не имели ничего, кроме дарованной им магии.

И решил тогда Создатель сотворить новых существ,

*Которые могли бы сами, своими руками, не тратя магию понапрасну, создавать разные
вещи,*

Чтоб защитить себя и Старших Братьев в битве.

Опять взял Отец двуногих и двуруких.

От Светлого Лица Своего и от Темного дал им поровну – понемногу,

*А более от тех, что были между Ними – проявив Свою многоликость в этих детях в
полной мере.*

И назвал их – Гномами.

*И получились они: низкорослыми – чтоб жить в горе могли, где богатства Мира спря-
таны.*

Но сила телесная им дана была огромная – чтоб те богатства Мира добывать могли.

И трудолюбием безмерным одарены были –

Чтоб те богатства Мира могли преобразжать в вещи полезные.

А вот магию Создатель им не дал – чтоб не искушать, как эльфов всемогуществом,

Но позволил эту силу в вещь, своими руками сделанную, вкладывать –

Чтоб пользу несла в себе та вещь наибольшую.

И когда вступили в Новую битву драконы огнедышащие,

Да эльфы в доспехах зачарованных с мечами волшебными,

Да гномья рать присоединилась к ним, силой не обиженная,

Зло дрогнуло от столь грозного натиска и стало сдавать свои позиции.

Мрачные легионы отступили, хоронясь и прячась от Воинства огромного

Глубоко под землю в Стране жарких пустынь и бесплодных гор.

Победа та была Великой, и праздновали ее все Дети Отца многие зимы.

И Мир стал очищаться от скверны –

Зацвели луга широкие, зазеленели леса высокие, заискрились моря синие.

Задули с гор белоголовых ветра чистые, вынося из Мира вонь пепла и гнили.

Пока не пришла беда огромная –

*Дети любимые, Частица Души Отца своего – драконы могучие, были убиты все в один
день!*

*Отомстило Зло за гибель свою, и из могилы достало болью Сердце Отца стрелой
отравленной.*

Многие зимы горевал Создатель о детях своих Первых, забыв о других.

Но, много ли мало ли времени прошло, горе в тоску превратилось...

И как-то попал Отцу на глаза ворон, что в небе ясном кружил, раскинув крылья,

Напоминая Ему о детях убиенных.

И взял Он того ворона, и соединил его с двуногим и двуруким,

Да щедро добавил от Ликов Своих разных.

*И сотворил Ворона.
А нарек Свое Новое Дитя – Обратнем.*

*И было в том оборотне многое и от птицы черной, и от создания двуногого и двурукого,
И от щедрости Создателя.
А главное, мог он существовать в обоих обликах одинаково – меняя облик свой по желанию.*

*И увидел тогда Отец, что Дитя Его Младшее – создание удивительное,
И решил сотворить тем же образом еще много оборотней разных –
И от живности лесной, и пустынной, и горной.
А после трудов своих отдыхал Отец зимы многие и многие...*

Ну а когда Вик окреп, они и к оркам отправились.

Хутор их был невелик, издалека он смотрелся как обычное людское поселение: дома, выстроенные из камня и дерева, двускатные крыши с дымящими трубами, хозяйственные постройки вокруг дворов. Но когда они с госпожой приблизились к первому дому, Вик вдруг почувствовал себя ребенком, годочков эдак пяти. Завалинка обычного с виду деревенского коттеджа располагалась где-то на уровне его плеча. В окошко, если б оно было открыто, можно было пройти, лишь слегка пригибая голову. А ступени крыльца по высоте составляли одна за две, из расчета человеческой лесенки.

Да и мужичок, колющий дрова в одном из дворов и замеченный Виком еще издали, при близком рассмотрении оказался ростом локтей на шесть. Про его зеленовато-серую кожу и острые уши, высовывающиеся из под меха шапки, можно было и не упоминать – сие было вполне ожидаемо, раз в орочий хутор направились.

Стараясь не таращиться по сторонам, как было сказано выше – чей знал куда шел, Вик продвигался по широкой улице следом за волшебницей. Нужный им дом оказался в самом конце деревеньки.

Когда приблизились к нему, принц заметил, что крыльцо, оказывается, было составным. Сбоку от основного скоса гигантских ступеней пролегла полоса вполне по-человечески размерной лесенки.

« – Вот и славно! » – подумал Вик, потому что, идя по улице, он уже начинал озабоченно прикидывать, как половчей помочь госпоже взгромоздиться на эти чудовищные уступы.

Дверь им открыла хозяйка дома. Даме Норе она с улыбкой кивнула, как старой хорошей знакомой, а ему, с той же клыкастой радостью, представилась Хо-Шукой и пригласила пройти в комнаты.

Впечатление от первого увиденного вблизи и вживую орка, вернее орчихи, было, конечно, сильным. Но чуть поразмыслив, Вик решил – если предвзято не смотреть на высокий рост, цвет кожи и клыки, то выглядит она вполне женственно. И кого-то орчиха сильно напоминала... ах да, одну баронессу, представленную ему при дворе. Впрочем, они с друзьями еще тогда заподозрили эту даму в родстве с орками, недаром же она была из приграничных северных земель. Тогда-то подумалось об этом в шутку, а вот теперь... кто знает...

А между тем к ним вышел и хозяин. Хо-Хас был еще выше жены чуть ли не на локоть, а довольно высокий для человека Вик едва ли доставал ему до подмышки. И если женские зубки всего лишь немного приподнимали верхнюю губу, то его клычищи выпирали вверх, почти задевая крылья отвисшего мясистого носа. Две рыжеватые косы, с вплетенными в них перьями и костяными бусами, спускались вдоль этого тяжелого грозного лица, придавая ему еще большей диковатости. В общем, благодаря виду хозяина дома и той непривычно громоздкой мебели, что заполняла комнату, принц опять почувствовал себя малышом. Притом, в этот раз еще и сильно напуганным присутствием незнакомых страшных взрослых.

Но их принимали как самых дорогих гостей – с положенными случаю улыбками и поклонами, приглашением к столу и рюмочкой аперитива перед трапезой. В такой радушной обстановке Вик вскоре оправился от своей скованности и начал все воспринимать с удовольствием и заинтересованностью. Рюмка же, врученная ему, хоть и наполненная сладеньким слабым вином, размерами была со среднюю чайную чашку. Так что если и не крепость напитка, то его количество вполне поддержали внутренний настрой на раскрепощение.

И когда их стали усаживать за стол Вик уже ничему не удивлялся. Ни стулу на высоких ножках, и опять же поразительно напоминающего детский. Ни тарелке, на которой была подана еда, размером подобной тем блюдам, на которых на человеческих пирах выносили целиковые окорока. Ни пирогам, длиной с его две ладони и способного, единственно собой, утолить голод взрослого мужчины.

Впрочем, порции, поданные на тех тарелищах, хоть и смотрелись жалко, но были вполне приемлемыми. И если не обращать внимания на куски мяса с кулак и цельные клубеньки, то и рагу то можно было считать вполне обычным и даже вкусным.

И совсем уж не удивился Вик, когда на шум и топот, раздавшиеся в сенях, Хо-Шука подхватила как самая обычная женщина и, смущенно извинившись, выбежала из комнаты.

Вернулась она, в общем-то, быстро, подталкивая впереди себя застенявшегося мальчишку. Как Вик признал пацана в орке ростом с Ли и крепостью членов вдвое шире, чем их эльфенок? Да легко – по выражению лица! Только зим в десять на мордахе ребенка могут одновременно сочетаться такие разнообразные выражения. Тут тебе и застенчивость перед незнакомыми взрослыми, но, в отличие от совсем уж малого возраста, разбавленная значительной долей любопытства. Тут и деланно растянутые губы в улыбке, из желания угодить матери. И шкодливый блеск в глазах. А поверх всего этого, неприкрытая голодная жадность при виде накрытого стола. А оголодать так, безудержно и огалтело, может только подросток после нескольких часов катания с горок в легкий морозец!

Что собственно «малец» тут же и подтвердил – не дожидаясь, когда мать представит его гостям, да и в своей еще детской простоте не беря тех гостей во внимание, он молниеносно выбросил вперед руку и цапнул с блюда верхний пирожок. Но донести добычу до рта орчонок не успел – шлепок по ладони от отца и вожделенный пирожок валиться на скатерть.

– Хо-Чуки, что за манеры?! – вроде как грозно рявкнул на пацана Хо-Хас. Но было заметно, что глаза его добры и смешливы. – У нас гости – господин принц Эльмерский и госпожа Нора. А ты ведешь себя хуже простого крестьянского мальчишки! Ты же племянник самой владельницы Кхапиты! И как я повезу тебя по весне к тетке? Ты же нас с матерью и сестрой там перед всеми опозоришь?! – грозно продолжал отчитывать сына орк.

Как знал уже Вик, Кхапита – это орочья правительница, а Хо-Хас ее старший брат. И у них там, в Парштерре, стране орков, престол наследуют женщины. Традиция эта сложилась издревле, еще с тех времен, когда сбежав от благ Создателя, невоинственные и более разумные орки решили жить отдельно от своих диких братьев. Обусловлено же такое правление было тем, что женщины создания более мирные, разумные и менее подвержены таким порывам как гнев и жажда насилия. А народ, он ведь как ребенок – ему лучше под ласковой и заботливой рукой матери. Но в мужья Кхапиты брали сильнейшего из воинов, который после свадьбы приобретал титул владетеля Мануша и становился чем-то вроде соправителя, с правом второго по значимости голоса.

Все эти тонкости уклада жизни орков дама Нора изложила ему накануне, с тем, чтобы Вик осознал, что принимать их завтра, несмотря на простую деревенскую обстановку, будут в доме господ, по рождению равных ему. Но, в общем-то, Виктору, прожившему вдалеке от двора большую часть сознательной жизни, это было как-то поровну. Тем более что ради возможности пообщаться с орками без крови и насилия он был готов идти и в совсем неродовитую семью.

– Простите меня, пожалуйста! – меж тем искренне извинился перед ними пацан. И с покаянно опущенной головой стал усаживаться за стол, вполне терпеливо ожидая пока мать поставит перед ним собственную тарелку.

– Это на тебя напал наш эльфенок? – спросил мальчика Вик, глядя как тот, после отцовского выговора, довольно уверенно орудует столовыми приборами и аккуратно подбирает хлебом подливку. И дождавшись согласного кивка, глядя попеременно на каждого из орочьей семьи, сказал:

– Тогда и я должен перед вами извиниться за нашего парня!

– Да он, вообще, какой-то глупый, ваш эльф! Все ж знают, что орки – народ нестрашный! А он еще призывал всех бить меня! – обиженно высказался орчонок, чем опять вызвал недовольные взгляды отца и матери. Хотя было и непонятно чего они не одобряют в этот раз – толи непрожеванный кусок во рту во время речи, толи излишнюю эмоциональность в разговоре со старшими. Но увидев, как принц с не меньшей чем у их сына давешней виноватостью на лице, ответил тому:

– Не все люди знают об этом, Хо-Чуки... не все... – взрослые орки промолчали, так и оставив в тайне причину своего недовольства.

А потом дама Нора увела разговор к более «легким» и интересным темам: о большом в этом году урожае клубеньков, о невероятно повышенной общительности фатов и о приближающемся Великом Празднике. Так что заканчивали трапезу уже под веселый смех в полном довольстве друг другом.

После же, когда вышли из-за стола, Хо-Шука, как обычная человеческая хозяйка, отговорившись делами, оставила их. Малой опять потрепал на улицу, снова страшно шумя в сенях выволакиваемыми санками. А они втроем направились к креслам, стоящим перед камином. Там-то, как понял Вик, и должен был случиться главный разговор сегодняшнего дня.

Сначала, правда, пришлось обождать...

Забравшись при помощи подставной скамеечки в огромные кресла, они с госпожой вполне удобно устроились в них. А вот Хо-Хас, так и не усевшись, подтащил из угла треногу с хрустальным шаром, который, как и все в этом доме был вдвое крупнее обычного, и принялся разжигать под ним огонь. А потом долго-долго вглядывался в него, вода вокруг руками и шепча заклинания.

Вик успел и вино допить, которое ему налили после трапезы, и потихоньку выскользнуть из комнаты, чтоб сходить в уборную, и так же тихо вернуться... и просто известись, ерзая и вздыхая, сидючи в широком кресле, пока орк не закончил свои магические манипуляции.

Но, похоже, изводился только он. Госпожа все время ожидания просидела спокойно в своем кресле, только изредка кидая заинтересованные взгляды на орка с его шаром. Особенно настороженным ее взгляд становился в те моменты, когда хрустальная сфера начинала сиять особенно ярко, а Хо-Хас при этом явно поругиваться.

Но и долгое ожидание подошло к концу. Орк в последний раз взмахнул руками, шар погас, а сам он с протяжным стоном повалился в пустое кресло. При этом его когтистые пальцы вздрагивали в мелкой дрожи, как у древнего старика, а на ставшем еще сереем лбу, выступила испарина. Видно тяжкое это дело, заглядывать в будущее.

– Ну что?! – не став дожидаться пока орк отдышится, спросила волшебница. Спокойствие ее как ветром сдуло, а на лице проявились тревога и озабоченность.

– Фуф! Да ничего конкретного! – с тяжелым выдохом ответил ей Хо-Хас. – Я такого ни разу и не видел... как будто кто специально завесу наводит... – стал задумчиво рассуждать он: – До сегодняшнего дня – все как на ладони. И даже ранение его в Судьбу ложиться. Но вот прямо с завтрашнего дня – туман сплошной. Ты сама-то по его крови гадала?

– Гадала... – так же задумчиво, как будто что-то припоминая, ответила госпожа. – То же самое. Потому и привела к тебе.

– Кхм-кхм, – прокашлялся Вик, привлекая к себе внимание этих двоих, – я извиняюсь, конечно, что вашу беседу прерываю. Но я здесь и прошу в третьем лице обо мне не говорить. Мне-то вы скажете, что происходит?! – в недоумении и с легким раздражением воскликнул он.

– Да вот и не знаю, что вам сказать-то, принц. Я, в общем-то, ничего и не увидел, – ответил на это Хо-Хас.

– А говорили, что вы один из лучших провидцев... – разочарованно протянул Вик.

– Да, так считалось... до сегодняшнего дня. Вот вы лучше ответьте мне на такой вопрос – Дар ваш велик невероятно, это и я увидел, да и вы уже знаете, что делать-то теперь с ним будете? – спросил орк, пристально разглядывая принца.

– Да ничего не буду пока. Здесь потренируюсь, научусь чему смогу, а в Мир вернусь и оставлю все как есть. Я ж наследник брата, поэтому вольные занятия магией для меня не допустимы. А то без надзора напортачу чего, как другие человеческие маги, – пожал на это плечами Вик, произнося фразу в том тоне, в котором говорят о чем-то само собой разумеющемся.

При этих его словах в глазах орка проскользнуло недоуменное выражение, а вот на волшебницу он возрился уже почти что с гневом.

– Это как понимать?! – рявкнул он.

– Спокойно, мой друг, спокойно. Молодой человек многого не знает – он только что начал выздоравливать после тяжелой болезни, – медоточивым голосом стала убаивать волшебница неизвестно чем разгневанного орка. – А ты Виктор, можешь идти. Видишь же, с пророчеством ничего не получилось. Меня не жди, я здесь еще побуду, – уже ему сказала госпожа все тем же ласковым голосом.

Вик на это опять пожал плечами и стал прощаться с хозяином. И почему-то в очередной раз почувствовал себя малышом, теперь уже, которого старшие спроваживают из комнаты, чтоб вести свои взрослые недоступные детскому разуму разговоры.

И уже в дверях его нагнал голос Хо-Хаса:

– Кстати, принц, вы зря волнуетесь за брата и Эльмерию. Не далее как через год с небольшим родиться вполне здоровенький прямой Наследник, а вы станете просто принцем. Это-то я увидел четко.

« – Как?! Ламарская же ведьма не сможет родить? А-а, наверное, к лету брат все-таки возьмет вторую жену...», – с такими раздумьями Вик и выходил на крыльцо орочьего дома.

ГЛАВА 13

А за закрывшимися дверями тем временем действительно повели разговор пока для Виковых ушей непредназначенный.

– Он что, и правда пока ни сном, ни духом, о том, кем, возможно, является?! – воскликнул орк, как только шаги принца затихли в сенях.

– Ты же видишь, как мальчик до сих пор относится к магии. Она в нем была прикрыта с самого детства, какие-то проблемы ему составляла – сны плохие, боли в подвздошной области, в общем, все, как и бывает в таких случаях. Не могла же я, в самом деле, сразу по его выздоровлении обрушить на него известие о том, что он тот самый Первый всадник, обещанный Миру пророчеством?! Он бы от испуга подхватил палку и, как есть недолеченный, дунул бы вон из деревни. Тут надо аккуратно!

– Мда-а... а те, что с ним пришли, под пророчество подходят? А то я сам-то и не приближаюсь к ним после той истории с их эльфом. Там ведь эти Восемь должны быть какой-то редкостной крови – одна на тысячу тысяч. Это ж совсем не то, что у королей брачующихся по «Предписанию». Упростили обряд до нельзя – приставляют к новобрачным рыцарей из самых знатных родов и все дела! В пророчествах-то, как правило, все посложнее будет – позакорыстее!

– Ну-у, не знаю, не знаю... возможно Ворон, их-то в Мире очень мало осталось. Да девочка-полукровка – таких как она тоже единицы выживают. Хорошая, кстати, девочка – сильная. А вот, что касается шумного парня, то он вроде обычный. Подобных ему людей, с разной долей эльфийской крови в жилах, сам знаешь, больше чем чистокровных по свету ходит. Ну, а что касается второго оборотня... тоже, скорее всего, нет.

– Но, он же – Тигр. Их в наших краях редко встретишь, – вклинился в рассуждения приятельницы орк.

– В том-то и дело, что в наших краях. А в тех, откуда он пришел, их, говорят, не мало – не одно племя кочует по предгорьям и степям Данумалума, да-а.

– Ладно. Может, мы чего про них и не знаем? Или другие найдутся. Герой-то наш пока в самом начале пути. Но вот Пару-то он должен был уже встретить! Это ж первое условие исполнения пророчества и женщина эта должна быть вашего Темного Рода. Так я понимаю? Никакой принцессе он случайно в Ламарисе не полюбился? Нет, ту мерзавку, что его опоила, я в расчет не беру, да и замужем она уже. Просто слышал, что там королевское семейство большое – детишек человек семь... – перемежая утверждения вопросами, продолжил общие раздумья Хо-Хас.

– Нет, похоже, никакой принцессы парень там так и не встретил. Но вот здесь, в Долине...

– И кто эта красотка? – заинтересовался орк

– Думаю, что наша Эльмери. Они так смотрят друг на друга, так радуются встрече, а уж как вздыхают, когда второй вынужден из комнаты удалиться! Наверное, в доме уже все приметили эти взгляды-вздохи, одни только влюбленные сомнениями и мучаются! – рассмеялась дама Нора.

Но Хо-Хас ее легкого тона не принял, а насупившись, раздраженно заговорил:

– Ты что, Ранора, сама, своими руками, хочешь отдать нашу девочку этому... – он даже в гневе ударил кулаками по подлокотникам своего кресла и запнулся, в праведном негодовании не находя подходящих слов.

Но вот он глубоко вздохнул и, наконец-таки, высказал свою мысль до конца:

– Этому недо-принцу, который никогда не взойдет на трон, имея двух старших братьев?! Этому недо-магу, который душит в себе Дар? И, заметь, уже по собственной воле! В конце концов, этому недо-воину, который пер как бык с открытой грудью на стрелы эльфов? И такому неудачнику ты хочешь отдать нашу Эль?

– Успокойся, друг мой, – сказала Нора и, потянувшись к нему, успокаивающе погладила ближайший к ней кулак, – тебе после сеанса не стоит так переживать. Я знаю, что ты любишь мою внучку, как родную дочь, но... как бы мы не хотели, чтобы она оставалась с нами, ее Судьба уведет Эль из Долины, так или иначе. Ты сам это видел в шаре. А то, что предсказано – должно произойти. Это ты тоже знаешь, не хуже меня. От пророчеств еще никто не скрылся. Ну, а отдавать Эль кому-то, я и не собираюсь – молодые люди должны сами все решить.

После слов волшебницы орк еще посопел раздраженно пару минут, но потом взял себя в руки и успокоился. Да, никто как он, будучи провидцем, не знал так же хорошо, что однажды увиденное и предсказанное должно сбыться, и не важно, что путь исполнения может быть пройден чуть другой, конечный результат все равно будет тем же.

Приметив смену его настроения волшебница, улыбнувшись, спросила:

– Вот скажи честно, тебе что, мальчик совсем не понравился?

– Да понравился мне твой мальчик, понравился! Только, может он не... – но договаривать начатое орк не стал, углядев насмешливое выражение и саркастически вздернутую бровь на лице приятельницы. А поразмыслив и явно поменявшись во мнении, заговорил уже по-другому:

– Ладно, я допускаю, что мальчишка может быть тем предсказанным Первым всадником. Все эти совпадения на пустом месте разом случиться не могут: и его татуировка на древнем

язык, и магическая мощь, которой он пока пренебрегает, и его Путь, такой тернистый, приведший к Эль в Долину. Да и то, что от меня закрыли Дорогу его, скорее всего, говорит о том, что копать в Судьбе парня дело не для простых смертных. Даже таких одаренных, как я, – хохотнул он, окончательно расслабляясь. Но его дальнейшие рассуждения спокойствия не несли:

– Но, если он тот, за кого мы его принимаем, и Эль та Пара, которую он должен получить – то это значит, что все уже началось? Древнее Зло уже поднимает голову? А где-то в наших горах проснулся дракон? – от этих своих рассуждений он сначала впал в задумчивость, а потом поднял голову и воззрился на собеседницу пораженно и вроде как даже с испугом. – К Кайрэну бы, в Обитель сходить, посоветоваться...

Осознание сделанных орком выводов придавило и ее. Вдруг она с силой выдохнула и хлопнула ладонями по коленям:

– Ну, все, хватит! Знаешь, как ты меня напугал, старый орчище! – и стремительно поднявшись из кресла, заходила по комнате, что-то бормоча про себя. А через несколько минут она выложила, наконец-то, свои соображения:

– Даже если мы и правы, то все только начинается. И у нас есть еще время научить мальчика всему. А дракон, наверное, и не проснулся пока, – улыбнулась она, – дети Темного должны соединиться... знаешь ли...

Возможно, волшебница была и права. А возможно – и нет...

Вик же, выйдя за дверь, остановился на крыльце – непривычная нечеловеческая высота лестницы, возносила его над местностью почти на уровень второго этажа. Он с наслаждением вдохнул полной грудью морозный воздух, прищурился, от бившего в глаза солнца, и стал разглядывать открывшиеся взору просторы.

Орочий хутор расположился в небольшой долине, отделенный от деревни волшебниц горным отрогом. Этот самый отрог сейчас и красовался на первом плане, искрясь снежным склоном в ярких лучах. А за ним, призрачные, белые на голубом, высились горы Драконьего хребта. На этом сияющем до рези в глазах фоне особенно четкими смотрелись постройки из темного камня, плетни, кружевным полотном просвечивающие насквозь и силуэт орка, размеренно сгребавшего снег в соседнем дворе.

В прозрачном холодном воздухе звонко раздавался каждый звук: и скрежет лопаты, и отдаленный визг катающихся с горы ребятишек, и еще более дальний, наверное, из самой деревни, залиvistый лай собак.

Когда, насладившись окружающим простором, Вик собрался было спускаться с высокого крыльца, его взгляд зацепился за маленькую фигурку на склоне. И хотя фигурка та могла бы сейчас уместиться на его ладони, он сразу признал в ней Эль.

Как обычно при виде девушки его посетило странное чувство – радостное предвкушение чего-то хорошего. К чему это? На чем оно основано это предвкушение? Вик уже и не задумывался, привыкнув за последнее время так реагировать на ее появление.

Тем временем, пока он переживал первый всплеск ярких эмоций от этой неожиданной встречи, сама молодая волшебница преодолела спуск и ступила на тропу меж плетней соседних домов на противоположной стороне улицы.

Она шла к нему, понял Вик. И девушка подтвердила его догадку, помахав рукой.

« – Неужели и она заметила меня, из такого далека?! Неужели она чувствует то же, что и я?!» – и от этих мыслей счастливая радость в груди засияла еще сильнее, а ноги сами понесли его вниз с крыльца, навстречу к девушке.

А Эль меж тем подошла уже совсем близко:

– Здравствуй. Ты был в гостях у Хо-Хаса? Правда, он хороший и совсем нестрашный? А бабушка там осталась? Ну, это надолго! Я знаю.

Возможно, под прорвавшейся вдруг говорливостью Эльмери скрывает свою неловкость? Но она хотя бы могла говорить! А вот он, от этого же испытываемого чувства, не сумел пока и слова молвить.

А девушка к тому же была сегодня невероятно хороша! Чарующая прелесть ее облика, почему-то, еще больше усиливала его скованность и не давала подступить к ней легко и естественно. Отороченный кудрявой овчинкой тулупчик не скрывал, а скорее подчеркивал ладность девичьей фигуры. Красноватые прядки, выбившись из-под пухового платка, пламенели, искрясь на солнце, оттеняя тем самым красоту темных глаз. Ну, а вид ее щек и губ, горевших ярким морозным румянцем, будил в Вике совсем уж неподходящие месту и времени помыслы, заставляя его не только смущаться, но и нервничать. И чем больше его глаза находили для себя радости, тем сильнее язык лип к зубам, отказываясь произносить хоть слово.

Понимая, что он уже и так затянул неловкий момент, мужчина отогнал прочь неуместные мысли и с горем пополам все-таки выдавил из себя несколько слов:

– Здравствуй... я это, да... здесь был. А ты, какими судьбами на хуторе оказалась?

– На гору ходила. Я там, за огородами, к деревне бы и вышла, но вот – тебя увидела... решила подойти... – ответила девушка, а щеки ее меж тем запылали еще жарче, разливая румянец по всему лицу.

Теперь он почувствовал неловкость еще и за то, что вогнал девушку в большее смущение...

– А что там на горе? Неужто так важно было в мороз в лес идти?

– Вот... – сказала Эль и, стянув толстую облепленную снежными катышками варежку, голой рукой приподняла тряпочку, укрывающую корзину, что висела у нее на сгибе локтя.

Прикрытыми тканью внутри корзины лежали какие-то корневища, все в земле и примерзших ледышках. Девушка их погладила, как живых беззащитных существ, и принялась опять тщательно укутывать. Грязные корни, понятное дело, Вика не впечатлили. Но вид красных дрожащих от холода пальчиков сразу же вытеснил из его головы смущение, заменив непонятной тревогой и совсем уж непривычным желанием заботиться. И со словами:

– Ты их руками что ли из-под снега выкапывала? – он перекинул корзину к себе на руку, забрал варежки, засунув их машинально подмышку, а в ладони свои заграбастал те самые замерзшие пальчики. И так он все это быстро проделал, что только потом и понял, что и сам едва ли осознавал, что творил, и у девушки разрешения не спросил. Но вместо еще одного приступа неловкости он почему-то почувствовал уверенность в правильности происходящего и даже вроде... раздражение на себя, что большего сделать не может.

А Эль, опустив глаза, но, тем не менее, рук из его ладоней не вытянув, объясняла:

– Растения ведь собирают в разное время. Эти вот надо брать, когда мороз и снежный покров установятся. Я варежками-то верхний снежок сгребла, а дальше уж деревянной лопаткой... ну, и руками тоже... магией-то нельзя...

– Да, знаю. Мне уж Лёнка объяснила, что и к пище, и к травам, вы волшебство не применяете, – поддакнул ей Вик. После момента единения – переплетенных пальцев и теплых пожатий все вдруг стало простым и ясным. И ком в горле пропал, и скованность движений исчезла.

А потом он надел варежки на согретые им пальцы и подхватил девушку под локоток:

– Пойдем в деревню вместе? Я тебя до дома провожу? – и, получив в ответ не только согласный кивок, но и улыбку с лучезарным взглядом, захотел вдруг подхватить ее на руки... и кружить так, кружить! Но этот свой порыв он, конечно же, остановил, и степенно пошел рядом, примеряясь к менее скорому шагу.

А дальше все было куда как неплохо – идя по дороге они по-простому болтали, а когда вспоминали историю про Ли и маленького орка, то и весело смеялись. Так и прошли они, довольные друг другом, вдоль по единственной улице хутора, обогнули уступ отрога и приблизились к деревне.

Но здесь их радостному общению пришел конец – из-за забора первого же дома к ним вышел здоровый, как и все они тут, полосатый котиче. Недовольно дергая хвостом, котяра втиснулся между ними и стал толкаться толстым задом в сапог Вика, вынуждая его отодвигаться и выпустить руку Эль.

Впрочем, девушка наглых поползновений кота не заметила. А как только Вик вынужденно выпустил ее локоток, еще и наклонилась, принявшись оглаживать засранца. Приговаривая при этом:

– Кто у нас тут нашелся? Кто такой милый да красивый?

« – И какую такую красоту она увидела на этой наглой толстой морде? Вот радости – нашелся! Да и потерялся бы совсем – не беда!», – думал Вик, ловя на себе ответный злобный взгляд.

Так и пошли дальше – они с Эль, теперь не под ручку, а на расстоянии в два локтя, и посередине кот, расстояние это уменьшать не позволяющий.

А направлялись они, как оказалось, не в Родовую башню, а к дому, где жили родители Эль.

Когда они, все вместе, подошли, то в открытую калитку стал виден обширный двор и отец девушки, колющий дрова. Стоило им остановиться в створах, как он оставил топор и, накинув тулуп на разгоряченное тело, подошел к ним.

Поздоровались за руку, как и положено двум взрослым, неплохо знакомым мужчинам. И Альен стал звать Вика в гости. Но, заметив злобные взгляды кота, принц решил пока не принимать приглашение, хотя было и жалко того лишнего часика, что он мог бы провести с Эльмери.

А девушка, как и ни видя отвратного поведения питомца, чуть посокрушавшись над его отказом, с улыбкой поблагодарила за помощь и, подхватив корзину, пошла в дом. Толстый скот, бросив на «поверженного врага» высокомерный взгляд, гордо прошептал за ней.

Альен, как ни странно, негостеприимное поведение кота заметил, и стоило парочке скрыться в дверях дома, сочувственно спросил Вика:

– Что, Гаврюшка уже начал тебя отваживать?

– Да. С чего бы это? Я ничего такого ему не делал, да и вообще, никогда в плохом отношении к животным замечен не был!

– Коты волшебниц, как бы и не совсем животные уже... но, в общем-то, они себя так всегда ведут с теми, кто со стороны приходит, и внимание их хозяек на себя переманить хочет. Ревнивые они, жуть! А мужчинам, что ухаживать пытаются – хуже всех приходится. Они таких совершенно не терпят!

– И как долго это будет продолжаться? Рыжий-то, госпожи Руит, вроде на тебя не кидается...

– Ха! Это сейчас мы с Барсентием лучшие корешки, а вот до свадьбы именно что – кидался! Но потом ничего, наладилось. После венчания-то, дней через пять, пошла его злоба на убыль. Да так, собственно, у всех, как я знаю...

Возвращаясь домой после разговора с Альеном, Вик терзался странными сомнениями. С одной стороны весь этот разговор об умиротворении котов после свадьбы... был как бы вполне познавателен. Да и параллельные ему мысли о женитьбе вообще, никакого негативного подтекста в себе не несли. Но вот стоило эти самые женитьбенные помыслы приложить к себе, как они уже приобретали какой-то оттенок нереальности и подспудной раздражительности. Да что там думать? Они воспринимались просто смехотворными! Ха! Ему жениться? В двадцать пять зим? Когда впереди предсказанное рождение прямого наследника у Рича, что для него, соответственно, означает полную свободу?! Не-ет, он по своей воле от нее никогда не откажется!

Но, с другой стороны, стоило ему представить, как он уезжает из Долины, а Эль остается здесь, одна... его сразу же накрывали тоска и обреченность. И все открывающиеся впереди

просторы, что должны будут лечь под копыта его Здрава после появления на свет маленького принца, затягивало туманом. И они вдруг становились блеклыми и невзрачными, совершенно переставая его привлекать. А уж если подумать, что на его месте, в смысле возле девушки, однажды окажется другой, то тут уже им начинало завладевать сносящее мозги бешенство! Ну, а как иначе?

И, так и не дойдя до дома, Вик еще долго вышагивал по кругу мозаичной площади, мысленно кидаясь из крайности в крайность. То представляя Эль в объятиях другого мужчины и трясясь от злости, то вдруг успокаиваясь и разглядывая в своем воображении далекие страны и города, куда он отправится, приобретя долгожданную свободу. И неведомо ему было, что Судьба давно уж решила все за него. А переложив ответственность за королевство на хрупкие плечики еще не родившегося племянника, он должен будет взвалить на свои плечи еще более тяжкий груз – ответственность за весь Мир.

Льянка вышла за деревню и побрела дальше – к дубраве фатов.

Последнее время она ходила туда часто. А что ей еще оставалось делать? Вик практически выздоровел и в ее помощи больше не нуждался. Магические занятия с Лионом после того случая в банях, естественно, прекратились. Да и все их отношения – тоже.

Парень, конечно, недели две еще побегал за ней. Сначала чуть не плача он извинялся и пытался внушить, что если она его простит, то тут же сразу у них любовь неземная и случится. Затем стал вразумлять – дескать, она поняла его не правильно и, что если не дура, то позволит им начать все с начала. А потом, истратив терпение, и злиться принялся, обзывая ее эгоисткой... и крича, что она недостойна и его, такого прекрасного, и той любви, которую он к ней испытывал. Было горько и больно...

Но и это давно уж закончилось, и теперь бродил он где-то, стараясь с Лёной лишний раз и не пересекаться.

С девушками, с которыми она неплохо сошлась в последнее время, общение все больше тоже было урывками. Они сразу после утренней трапезы или на самый верх башни, где располагалась магическая мастерская, поднимались, или в комнату за кухней, где травы хранились, удалялись, или, вообще, из дома к госпоже Риве уходили. И так каждый день!

А напрашиваться с ними Льянка не решалась. Это ж один раз стоит только услышать: «– Ты кто такая, чтоб магию с самими волшебницами Дола познавать?!». После такого и вовсе, пожалуй, жизнь в тягость покажется... Так что, делая вид, что по самую макушку в делах и, придав лицу озабоченное выражение, Лёнка старалась исчезнуть из дома.

Ну, а ее новоявленные дружки-приятельницы, как только снег устоялся, свое время все больше на склонах за деревней проводить стали. А с ними весело с горок кататься целыми днями Льянке хмурое настроение не позволяло.

Вот и получалось, что кроме как к Ляльке ей и пойти-то было некуда.

С ее женишком пурпурнопатлатым девушка вроде тоже общий язык нашла. Ничего так, общительный парнишка оказался. Изъяснялись, конечно, они в основном жестами, да еще палочкой на снегу он значки разные ей рисовал. Только вот получалось, если она его понимала правильно, то... фаты зимою все больше спят, а она, дурища, все ходит и своими воплями их будит...

Но Лялька – подружка хорошая, сразу начинала на него гневно верещать и кулачками махать. Защищала Льянку от приятеля, значит. А потом, вдрызг разругавшись с парнем, принималась слушать подружкины жалобы. Сама при этом головой качала и по щеке Лёнку ладошкой гладила. А девушке большего-то и не надо было – чтоб выслушал кто, да пожалел – и все!

Вот и сегодня, поддувая морозным ветром себе под ноги и расчищая тропу, продвигалась Лёна к дубовой роще – за очередной порцией сочувствия.

– Лялюшка! – заголосила она, встав как обычно посреди высоких деревьев.

Почти сразу с верхних веток одного из дубов посыпался снег и через мгновение из сверкающей пыли вынырнула розовая стрекоза... а за ней и фиолетовая...

« – Ох, шас сначала мы с ним поругаемся, затем – они с Лялькой, и только потом сможем поговорить...», – обреченно подумала девушка, зная уже наперед, как будут развиваться события.

Но сегодня все сложилось не так. Ляля, заметив своего кавалера, долететь до подруги и начать скандалить ему не дала. А прямо на полпути развернулась и выдала в его сторону свистящую гневную тираду. Тот поменживался малость, что-то жалобно пискнул и подался обратно – наверх.

Пронаблюдав эту сцену, Льянка почувствовала себя еще хуже – ко всем имеющимся горестям в душе прибавились еще и сочувствие к парню, и боязнь за нарушаемые ею отношения парочки, и стыд за собственную навязчивость.

Так что, когда феечка подлетела к девушке, та лишь послала ей воздушный поцелуй и пошла с поляны. Лялька пыталась ее нагнать, но Лёна ей не позволила – подобрав юбки, кинулась бежать, незнамо в какую сторону.

Как долго и куда она бежит, заполосные мысли ей приметить не позволили. Пришла в себя она, когда поняла, что морозец неслабо так грызет щеки, а нос заледенел настолько, что если щелкнуть по нему, то он точно отвалиться. Оказалось – она рыдает вовсю, а сама стоит над замерзшим озером уже в соседней долине.

Впрочем, не так уж далеко она и ушла. К этому озеру с деревенскими ребятами она приходила не раз – тут пути-то чуть дальше, чем до орочьего хутора... только в другую сторону. Так что, когда лед на озере устоялся, ребятня стала навещать сюда, чтоб на парных полозьях кататься. Их одних, конечно, никто в соседнюю долину не отпускал, вот и тащили они Льянку с собой, когда никто из старших родственников идти с ними не соглашался.

Переступив снежный нанос, девушка вышла на лед. Замерзшая поверхность озера от толщи холодной воды казалась темной, лишь редкие белые разводы, толи трещин перемерзших, толи наслоений каких, пересекались в ней, да легкая поземка низкими завихрениями по ее глади кружила. Лёна, вспомнив веселые развлечения с ребятами, оттолкнулась одной ногой и проехала. Оно, конечно, в войлочных валенках не то, что на бронзовых полозьях – далеко не укаешься. Но раз уж забралась в такую даль, а заняться-то нечем...

И тут, прямо под своими ногами, заметила девушка мимолетное движение. Стало не по себе от скользнувшего вновь... чего-то. Виден был только светлый размытый силуэт толи рыбины большой, толи, какого животного. Льянка внутренне собралась и заставила унять сразу возникшую в голове панику. Чей не девчонка-селянка дремучая, а волшебница. Что ей будет?

Понукая себя, девушка присела на лед и стала всматриваться в черную глубину, ловя взглядом мелькание светлого силуэта. И тут, вдруг, прямо на уровне ее лица, ко льду с той стороны... прижалось такое же – человеческое, ну, или эльфийское, вполне обычное личико. Бледное, даже слегка голубоватое, оно улыбалось синюшными губами, а волосы – как настоящие Льянкины, белые с зеленцой, расплывались вокруг него звездочкой.

« – Это ж... это ж... наяда!»

Толи духи воды, толи отражение кого-то из другого Мира, они иногда, вот также неожиданно, возникали в воде, и никто не знал, откуда они берутся и что из себя представляют. Крестьяне, те вообще, считали наяд вернувшимися в Мир душами утопленников и боялись жутко, хотя каких-то злокозненных действий с их стороны не было замечено ни разу.

Скорее всего, селяне путали их с водявами, по дремучести своей сваливая все неизведанное и непонятное в одну кучу. А эти-то – да, и путников в омут заманивали, и детей с берегов таскали, и людей по ночам пугать любили. Только они, в отличие от наяд, облик до

времени имели совсем человеческий. А иначе кто на их зов пойдет? Какой малец страшной тете с белым лицом ручку протянет? И только, как писали в умных книгах, вкусив человеческой крови, они истинный свой вид и принимали – смердеть начинали тиной и разложением, зубы острые показывали да запавшие мертвые глаза.

Здесь же, в Долине, в таинственном водяном народе видели дальнюю родню фатов. В общем-то, только потому, что те, порхая летом в жару над озером, любили выманывать этих существ на поверхность. Так что и эту версию, как думалось девушке, можно было считать только вероятной. Потому что никому из ныне живущих, не только с наядами, но и с теми же фатами, как известно, пообщаться так не разу и не удалось. Кроме нее самой, конечно...

И вот, пожалуйста, самая настоящая наяда, опять же на нее – Льянку, сейчас смотрит из воды, и скрываться не собирается.

А меж тем удивительное создание приложило ладонь ко льду с той, своей, стороны и девушка, машинально сняв варежку, ответила тем же. Когда их ладони совпали, эльфийка услышала голос, зазвучавший в ее голове:

« – Чудо, разотри нос снегом, а то отморозишь! » – и задорный смешок. А соответственно ему на лице подо льдом губы из простой улыбки растянулись шире, как если бы из них уже вырывался настоящий смех.

– Это я чудо?! – недоуменно протянула Лёна.

« – Ты, малышка, ты! Три нос, живо! »

– А ты кто? Наяда? – спросила девушка, а сама, так же машинально, как давеча приложила ладонь ко льду, подхватила пригоршню снежной крупки, принесенной поземкой, и приложила к лицу.

Создание на вопрос, почему-то, не ответило, а только насмешливо посмотрело на нее. Немного поразмыслив, Льянка вернула ладонь на место.

« – Умная малышка! » – тут же в голове раздался одобрительный голос.

– Ты кто? – еще раз спросила водяное создание девушка.

« – Дыхание воды... это я, а мы – это мы... »

– Понятно... – кивнула Лёнка в ответ, хотя, в общем-то, ничего так и не поняла.

– А почему я чудо? – вернулась она к первому вопросу.

« – Красавица, умница, кровь и магия в тебе разные... даже наша... потому и Чудо... », – ответила Дыхание воды.

– Как ваша... – было начала задавать следующий вопрос девушка, но наяда ее перебила:

« – Выпей теплого и иди ... туда... » – указала она другой рукой.

Льянка посмотрела, куда ей указали, а когда повернулась обратно, то под ней уже никого не было – только черная вода.

– Как так?! – разочарованно вскрикнула девушка и, подхватившись с места, забегала кругами по льду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.